

Вера Кушнир
НЕВИДИМЫЕ РУКИ
Автобиографическая повесть

Вера Кушнир

НЕВИДИМЫЕ РУКИ

Автобиографическая повесть

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Вера Кушнир
НЕВИДИМЫЕ РУКИ. Автобиографическая повесть

В ПОИСКАХ НАЗВАНИЯ...

Писала биографию вчера,
Альбомы разбирала и бумаги
Отцовских предков, древних пра... пра... пра...
С гербом за их какие-то отваги.

Так поздно я за дело то взялась,
Что не с кем посоветоваться боле,
И некого спросить, какая связь
Вязала их, неся восторг и боли.

На потускневших снимках много лиц,
Не отражающих тех сложных судеб,
А ворох пожелтевших сплошь страниц
Не хвалит никого, но и не судит.

Ну, вот и разберись, что здесь к чему!
В своем и то едва лишь разбираюсь.
Быть может, и решила потому
Обрисовать свой путь из ада к раю.

Да он, пожалуй, даже и важней,
Чем лабиринты из генеалогий.
Был пестрым путь мой, как из витражей,
Что в окнах храмов говорят о Боге.

И потому я повесть назвала
Не биографией и не воспоминаньем,
А той Рукою, что меня вела
Через событий цепь к концу блужданий.

К той дивной встрече, что вдали зовет,
Небесные рождая в сердце звуки.
И свой туда отсюда переход
Я назвала «Невидимые руки».

Вера Кушнир

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проследить свое происхождение — нелегкое дело. Многие не знают никого и ничего дальше деда и бабушки или, в лучшем случае, прадеда. Но для меня сделать это было легко, потому что мои родители сохранили документацию своего происхождения и передали ее потомкам. У меня есть данные о предках обоих родителей, как минимум, четырех поколений. Биографию моего деда по матери я написала на двух языках в начале 90-х годов. Обе книги были напечатаны и разошлись большим тиражом. Английская версия потребовала второго издания и успешно расходуется среди англоязычных читателей.

Теперь я попытаюсь сделать то, что мои родители сделали для меня, и даже больше, то есть передать детям информацию не только об их корнях, но и всю запутанную и сложную эпопею нашей семьи от происхождения моего русского отца, о моем детстве, юности, оставлении родины во время войны и всем остальном до сего дня. Благодаря родителям у меня сохранилось много фотографий и документов, подтверждающих все это.

Побуждение написать мою историю пришло сначала от моей младшей дочери Ирины, а потом было поддержано и двумя старшими дочерьми, Анной и Ниной. Сын Евгений живет далеко от нас, но тоже радостно дал свое «добро» (по-телефону) на написание этой повести.

Английская версия была написана довольно быстро и проверена моими детьми и одной внучкой. Она содержит материнское наставление нашим детям с полной поддержкой моего мужа, Станислава Николаевича Кушнера, чья история жизни тоже кратко вклинивается в мою в обеих версиях этой повести.

Вера Кушнер

Часть I

*Недаром все начинается со сказки, услышанной в детстве.
У любого дерева есть корни, и у человека тоже. И у народа.
Их сохранность — залог продолжения жизни...*

«Алеф»

КОРНИ

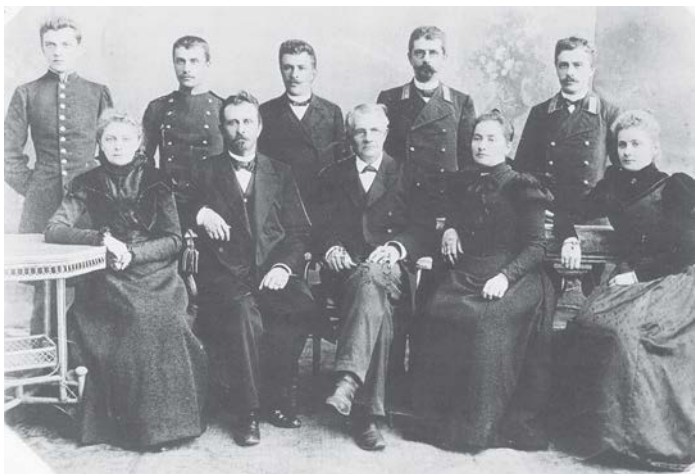
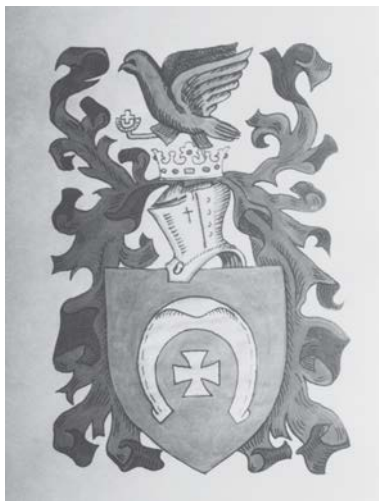
Летом 1926 года мои родители, Сергей Сергеевич и Евгения Львовна Абрамович (позже фамилия была сокращена до Абрамовы), возвратились на Украину из Германии после двухлетнего пребывания в гостях у родителей Евгении, Леона и Фанни Розенберг, изгнанных новой властью из Одессы.

Будучи супругами с ноября 1922 года, мои родители имели к этому времени двух дочерей: Лидию, которая родилась 6 августа 1923 года в Одессе, и Ирину, которая родилась в декабре 1924 года — по прибытии родителей в Германию. Ожидая моего рождения в сентябре 1926 года, уже по возвращении на Украину, они, как мне кажется, надеялись на рождение сына, но вместо сына у них родилась еще одна дочь — я. Меня назвали Верой, потому что это было очень трудное время в жизни наших родителей, и более всего другого они нуждались именно в вере.

Родители познакомились в Одесском университете, где оба учились на разных факультетах: мать — на историко-филологическом, а отец — на юридическом. Мама мечтала стать преподавателем языков, а отец хотел быть адвокатом. Они были однолетки. Оба родились в 1899 г., отец — 2 июля, а мать — 23 сентября. Это были интеллигентные, эрудированные молодые люди с возвышенными целями и планами на будущее, но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает»...

Этнически мой отец был польско-русско-украинской «смесью» со стороны своего отца. Чистейший славянин аристократического происхождения, по религии православный, то есть традиционно и потомственно — христианин. Он родился в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), где

*«Ястребец» — герб
потомственных дворян
Абрамовичей*

*Мой прадед (в центре) со своими девятью детьми,
во втором ряду (справа от прадеда) — мой дед*

*Бабушка Клавдия
в молодости*

*Дед Сергей Александрович
Абрамович*

*Бабушка Клавдия
с тремя детьми
(до рождения
моего отца)*

Мама. Фото разных лет

Отец. Фото разных лет

его предки поселились за три поколения до него и где до революции существовала даже площадь Абрамовича, названная так в честь его прадеда, и где еще долго жили многие его родственники.

Фамилия предков отца не еврейская, как это некоторым кажется, а польская. Абрамовичей было много также и в Югославии, и все они были славяне. Имение предков Прусино находилось в нынешней Белоруссии. Тогда это была великая Российская империя. Оно было продано давно, задолго до рождения отца, и предки переселились в Екатеринослав. Дворянские бумаги отца дают подробную информацию об этом, но вряд ли эти подробности кому-нибудь теперь нужны.

Семейный герб «Ястребец» я получила от мужа двоюродной сестры отца из Польши с описанием на польском языке, за какие подвиги роду было дано дворянство, и герб со щитом, подковой и крестом... Польский историк Марьян Дубецкий в своей книге «На порогах и за порогами» (изд. 1914 года) описывает встречу на Днепре с прадедом отца, Григорием Ивановичем Абрамовичем. Автор этой книги, возвращаясь из ссылки в Польшу, остановился по дороге у этого прадеда, где некоторое время учил его детей. Он тоже упоминает семейный герб «Ястребец» и принадлежность семьи прадеда Григория (пана Гжегожа) к этому гербу. Страницы из этой книги, касающиеся моих предков, хранятся в моем архиве. Одна знакомая полька сделала слабенький перевод...

По материнской линии мой отец был чисто русским. Его мать, Клавдия Деомидовна Романова, родилась в 1869 году в Нижнем Новгороде, откуда происходила и царская династия Романовых, так что отдаленная связь всегда принималась как должное, но Романовых в России всегда было много, есть и по сей день. Однако по родственникам бабушки Клавдии можно судить, что семья была благородного происхождения, так как в брак вступали только с аристократией. На старых конвертах с письмами ее брату и жене брата есть «высокоблагородию» такому-то... Только после большевистской революции бабушка сняла шляпку

и перчатки, надела простое крестьянское платье и платок и заявила, что «отныне она не то, что была раньше».

Старший брат бабушки Клавдии, Александр Романов, был математик и историк, профессор Петербургского университета, написавший учебник логарифмов. Его имя (как и имя его сына Бориса) есть в Большой Русской Энциклопедии, как имя признанного автора, который посетил Америку в конце XIX века, исследовал деятельность негра-просветителя Букера Вашингтона и написал о нем книгу. Потом он ездил еще в Японию, но здесь уже никакой дальнейшей информации я не имею. Этот старший брат бабушки Клавдии воспитал своих рано осиротевших брата и трех сестер. Он выхлопотал сестрам государственную стипендию для учебы в гимназии императрицы Марии Федоровны. Это был Институт благородных девиц в Смольном. Клавдия с сестрой Натальей учились там, а старшая сестра училась медицине и была по профессии медсестрой. Не знаю, где учился их младший брат Сергей, но знаю, что он был землемером.

По окончании гимназии Клавдия и Наталья могли преподавать в школе или быть домашними учителями, но моя бабушка предпочла работать в конторе, а ее сестра действительно стала учительницей.

Александр Романов был женат на женщине из аристократической семьи и имел своих детей, но всегда заботился о младших брате и сестрах, так как их мать умерла рано, когда моей бабушке было 11 лет, а отец либо снова женился, либо просто не взял на себя заботу о детях.

У Александра были знакомства и связи, и он устроил бабушку Клаву в контору Управления Южной железной дороги в Екатеринославе, где тогда жили Абрамовичи. В той же конторе работал наш (будущий) дед, Сергей Александрович. Клавдия блистала на вечерах, где бывал и он, и они вскоре познакомились и обвенчались в православном Кафедральном Соборе Екатеринослава. Там же были крещены их дети, в том числе и мой отец, о чем записано в его свидетельстве о рождении. У них было шестеро детей. Наш отец был четвертым ребенком в семье. Старший сын, Андрей, пропал без вести в Первую мировую войну, и папа

долго был единственным сыном, пока, когда ему было уже десять лет, не родились близнецы, Ольга и Павел.

Младший брат бабушки Клавдии, Сергей Деомидович, тоже женился на девушке из аристократической семьи, которая в одно время увлеклась учением Льва Толстого, отлученного от Православной Церкви за свои убеждения. Многие аристократические семьи последовали тогда за ним — покинули Петербург, свои титулы и должности, надели холщовые рубахи и уехали в деревни к мужикам, чтобы «служить народу».

Сергей Деомидович и его жена Надежда Федоровна, оторвавшись от православия, читали постоянно Слово Божие, и оба в конце концов сознательно посвятили свою жизнь Христу. В дневнике Надежда пишет об этом и о том, как Сергей связался с Британским Библейским Обществом и был некоторое время его книгоношей, то есть распространителем Священного Писания по России и Украине.

Закончив это служение, он возвратился на хутор Любовку (станция Люботин) под Харьковом, где они жили в хате под соломенной крышей до конца своей жизни. Их дети, Катя и Алеша, похоронили их между двумя елями под окнами хаты.

У бабушкиной сестры Наташи к старости был плохой слух. В детстве я часто гостила у старшей сестры отца, нашей тети Наташи, где обычно жила тогда уже овдовевшая бабушка со своей младшей дочерью Ольгой. Однажды, когда мне было лет десять, я гостила у тети Наташи. Туда приехала проведать бабушку и ее глухая сестра. Бабушка Клавдия всегда боялась, чтобы мы не возгордились, и, зная, что я очень хорошо училась в школе, представила меня своей сестре громко на ухо: «Это Вера! Умом не блещет!» Я навсегда запомнила эту фразу. Зная, почему она это сказала, я не обижалась на бабушку. В ее глазах блеснул огонек юмора.

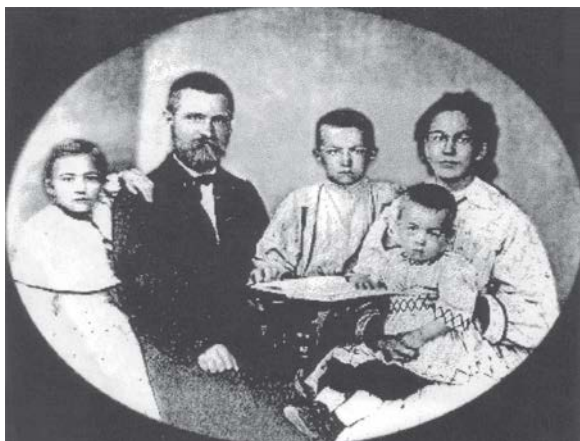
Мой дед по отцу, муж бабушки Клавдии, Сергей Александрович Абрамович, умер после операции рака горла в 1928 году в возрасте 62 лет. Я совсем не помню его, так как тогда мне было только два года и мы жили в другом городе.

В моих архивах есть пучочек сухих цветов с его могилы, сохранных кем-то из нашей семьи, возможно даже, моим отцом.

Наша мама была старшей дочерью пастора-миссионера Леона Лазаревича Розенберга, еврея-христианина, и его супруги Франчески (Фанни) Вайман-Розенберг. Он жил и работал среди евреев Одессы от начала XIX века до 1922 года, когда был арестован за свою евангельскую деятельность и затем выдворен с территории России, будучи обменным на кого-то, нужного новой власти. Перед отбытием в Германию он успел повенчать моих родителей. Его семья, кроме моей матери, последовала туда за ним. История деда описана мною подробно на двух языках в книге «Жизнь Лишь Одна».

Вам может показаться странным, как такой брак, каким был брак моих родителей, мог вообще состояться. Разве не были они совершенно разными людьми? Да и нет. Ко времени их супружества, помимо их любви друг к другу (они были знакомы 4 года!), оба были рожденными свыше христианами. Это и послужило главным объединяющим фактором. Мама уверовала в 13 лет, будучи воспитанной в христианской семье, а отец принял Господа, как своего личного Спасителя, посещая при университете кружок христианской молодежи, основанный известным духовным автором и служителем Владимиром Филимоновичем Марцинковским. Так что мои родители знали его с молодости и не потеряли с ним связи до старости. Кружком руководила некая Софья Андреевна Гинце, через наставления которой отец и пришел к живой вере в Господа как в своего личного Спасителя.

В кружке мои родители общались несколько лет, и когда посетили семью мамы в Германии между 1924 и 1926 годами, в городе Вернигироде в Гарце отец принял водное крещение в озере. Крестил его тесть, Леон Розенберг, но среди присутствующих были также известные духовные деятели — Кречер и Марцинковский. Когда отец вышел из воды, над озером взошла радуга, и всегда быстрый на меткое слово Владимир Филимонович обратил на это внимание и

*Родители бабушки Клавдии Деомидовны
Романовой, ее сестра и два брата*

*Дед и бабушка моего отца —
Александр и Ксения
Абрамовичи*

*Бабушка Клавдия
в 18 лет и в 96*

Тетя Наташа (старшая сестра папы) и дядя Ваня Розановы

*Папа — гимназист,
1917 г.*

*Папа — студент,
1921 г.*

*1-й ряд: Оля и Павлик — близнецы;
2-й ряд: бабушка Клавдия и дед
Сергей Александрович; 3-й ряд: папа
и тетя Катя — его сестра*

сказал отцу, которому тогда было 25 лет: «Сергей, помни радугу! Это твой завет с Господом!» Отец не забыл этих слов и время от времени рассказывал нам эту историю.

До самой своей смерти отец был единственным рожденным свыше членом своей православной семьи. Две его сестры, Катя и Наташа, одно время посещали христианский кружок молодежи, но ни одна не посвятила себя Христу. Бабушка Клавдия любила и уважала Розенбергов и не противилась обращению отца в евангельскую веру и его женитьбе на их дочери, хотя сама оставалась до конца православной и была похоронена по этому обряду в возрасте 96 лет. Она умерла не от болезни, а от старости: просто угасла, как гаснут свечи.

Принадлежность к кружку и вообще вера в Бога и Христа как Спасителя, дорого обошлись моим родителям. Их обоих лишили выпускных дипломов с целью не дать им практиковать свои профессии. Советской власти не был нужен «идеологический балласт», как они называли всех христиан, и, тем более, верующие учителя народных школ и верующие адвокаты. Мать всю жизнь давала частные уроки. Отец за два года в Германии окончил бухгалтерские курсы во Франкфурте-на-Майне и Библейскую школу при миссии «Свет на Востоке». Эта школа была создана в 1924 году, и оба служителя, Розенберг и Марцинковский, некоторое время читали там лекции.

По возвращении на Украину в 1926 году отец работал бухгалтером, но в 1931 году поступил в только что открывшийся горный институт в Сталино (нынешний Донецк) и успешно окончил его пять лет спустя, став горным инженером. До Сталино этот город назывался Юзовкой в честь английского промышленника Хьюза, основавшего там чугунолитейный завод. Угольные шахты, находящиеся там, добывали нужный для этой цели высокосортный уголь — антрацит, из которого изготовляли кокс для доменных печей. По окончании института, в 1936 году, отцу было 37 лет и он проработал на местном руднике до начала Второй мировой войны и нашествия нацистов на Украину в 1941 году.

Таковы мои корни по линии отца. О моих родителях и предках читатель узнает гораздо больше из дальнейшего описания истории нашей семьи. Это только введение и скромное начало длинной эпопеи, полной чудесных избавлений под рукой Всевышнего.

Цель написания нашей истории — показать «невидимые руки» Спасителя в нашей жизни и то, какими трудными путями Он вел нас на свободу, где мы все, дочери Евгении и Сергея, пришли к спасительной вере в Христа. Многие мои стихи отражают отдельные эпизоды из моей жизни и будут более понятны читателям после прочтения этой повести.

ДЕТСТВО

Приехав на Украину из Германии в 1926 г., родители жили некоторое время в Киеве, где жила тогда семья отца. Времена были тяжкие. Отголоски революции и гражданской войны все еще давали о себе знать, влияя на экономику и общий уровень жизни в стране. Разрушено было много, но, как известно, разрушать всегда легче, чем созидать. Никакого общественного порядка еще не было в стране. Коммунисты взяли власть силой, сослали, а потом и расстреляли царскую семью, произвели чистку в своих рядах, убрав из этих рядов «неблагонадежный» элемент, то есть тех, кто в то время чему-то там мешал и путался под ногами. Подобные чистки в рядах партии и рядового населения повторялись неоднократно, но об этом написано много исторических и документальных книг, а эта книга — история моей семьи, так что я не намерена слишком далеко отходить от главной ее темы. Все знают, что социалистический «эксперимент» не удался, и 70 лет спустя безбожная власть и система, слава Богу, рухнули, чему мы были свидетелями!

Старшая сестра отца, Наталья, жила тогда в Сталино, где ее муж нашел работу в конторе уже упомянутого завода. Она советовала моим родителям тоже переехать туда.

Прадэд Александр Григорьевич Абрамович с детьми и внуками (бабушка справа)

Отец отправился туда на поиски работы, а мама с двумя детьми-погодками и со мной «в духовке» жила у бабушки в ожидании добрых вестей от мужа. Муж молчал. Тогда его мать посоветовала маме «развести под ним огонь» своим неожиданным появлением у него на пороге. Это сработало! Бабушка знала своего нерешительного сына и вообще мужчин...

Мама прибыла с детьми и сундуком с вещами, постучала в двери нанятой отцом квартиры и спокойно сказала: «Сюрприз!»

Отец жил в двухкомнатной квартире на окраине города, на 16-й линии, в двух кварталах от «реки» Кальмиус или, исторически известной, Калки. Он еще не нашел работы, но усиленно искал и вскоре нашел должность бухгалтера, и следующие 10 лет мы прожили в этой двухкомнатной квартирке!

Наступил сентябрь 1926 года, и мать готовилась родить меня. За день до моего рождения был ее день рождения. Отец пришел с работы с букетиком цветов и чем-то печеным, собираясь провести остаток дня с женой и девочками, но не тут-то было! Мама сказала: «Сережа, мне кажется, нужно идти в больницу...» Сережа погасил уже горящий примус с чайником на нем, поручил детей соседке и отправился пешком с женою на сносях в центр города. Осенняя грязь на немощенных улицах прилипла к ногам. В родильном отделении стоял такой крик и вопли, что отец в шутку, конечно, предложил сам остаться там, а мама, мол, пусть идет домой. Годы спустя они все еще вспоминали эту шутку.

Я родилась за полночь, но так близко ко дню рождения мамы, что мы всегда праздновали наши дни рождения вместе. Каждый год вся эта история с моим рождением рассказывалась со всеми подробностями.

Родить ребенка в тех условиях было достаточно трудно, но растить троих детей в квартирке из двух комнат было еще труднее. Меня положили в полотняную сетку для мелкого белья под крышкой открытого, конечно, сундука. Это и была моя первая кровать. Когда я переросла эту сетку, мне купили кроватку, в которой я провела немало времени,

потому что была болезненным, слабеньким ребенком. Санитарные условия были ужасными. В доме не было ни воды, ни электричества. Воду грели на кирпичной, мазаной печке с духовкой, которая служила и для варки, и для отопления.

Детские болезни бушевали повсюду. Родившиеся осенью дети весной умирали от дизентерии и других инфекционных болезней, разносимых зелеными мухами, от которых нигде не было спасения. В год я весила 14 фунтов. Кровавый понос истощил организм, дегидратация предвещала скорую смерть. Однажды я посинела и вытянулась на руках у мамы. Она разделась, положила меня на свое теплое тело под толстым, стеганым одеялом, и я постепенно отошла, отогрелась, ожила!

На другой день мама отнесла меня в наскоро созданную клинику в центре города, где ей дали для меня какое-то лекарство, которое спустя пару недель восстановило мое здоровье. Я начала наново учиться ходить, держась за стенки нашего жалкого жилища.

Но это было только началом болезней. Дошкольные годы мы все болели чем-нибудь вроде скарлатины, кори, дифтерита, воспаления легких, брюшного тифа. Для избавления от глистов пришлось лечиться в больницу. Все болезни давали осложнения кому на уши, кому на сердце.

Только годы спустя я начала понимать, какой тяжелой была жизнь моих родителей, воспитанных в нормальных условиях, недавно возвратившихся из Германии от родителей мамы. Ничего даже чуточку похожего на нормальность не было в тех условиях, в которые они попали в те ужасные годы.

Общение с верующими прекратилось даже на дому. Я еще помню эти тайные собрания. Руководящие братья были все арестованы, церкви всех деноминаций были закрыты, взорваны или превращены в склады, безбожные клубы и «красные уголки». Библия исчезла с глаз долой в подвал, где хранился уголь. Ее доставали оттуда, только когда никто не мог этого видеть. В конторах сидели безграмотные, грубые «Мятюхи». «Кто был ничем стал всем». У мамы из

груди то и дело вырывался стон: «Боже мой, милостивый! Боже мой, праведный!» Это было ее отчаянной молитвой все годы нашего детства.

Наша квартира занимала одну из трех квартир большого углового дома, разделенного внутри на три квартиры. Когда новая власть отняла у частников дома, она сделала из них коммунальные или отдельные, но маленькие квартирки, разделенные не стенами, а дверями, которые когда-то связывали между собой комнаты большого дома. Через эти двери было слышно буквально все, что происходило у соседей: все звуки и запахи (приятные и неприятные), семейные скандалы, кашель чахоточного соседа, еврея по фамилии Лондон, плач детей и пр. Наши звуки и запахи с таким же успехом проникали к соседям.

Мама не хотела отказываться от духовного воспитания своих детей и, зная, что «стены имеют уши», перешла на шепот. Власти поощряли доносы на «подозрительных» соседей. Мама пела нам свои христианские песни, заученные ею еще со времен воскресной школы в общине ее отца в Одессе: «Радость, радость непрестанно», «Хочет всех людей Господь благословить», «На небесах не будет смерти» и многие другие песни ее детства. Пелись они несмотря на то, что ни непрестанной радости, ни широко распахнутых дверей (ни дома, ни сердца) еще не было. Тоненькая детская Библия с картинками, подписанными на немецком языке, тоже была у нас. Мама переводила нам кратко изложенные под картинками библейские истории. Мы запомнили многое, и это живое семя с молитвами матери перед сном дало свои всходы, но, к сожалению, позже, гораздо позже...

Между прочим, такую же немецкую Библию я нашла уже в Америке и показывала своим детям. Она сохранилась у одной из моих дочерей вместе с другими детскими книгами, по которым я воспитывала своих детей, пытаюсь зародить в них веру и сохранить родной язык.

Отец помогал нам с домашними работами, учил рисовать, а когда мы подросли, водил нас в парки, на детские пьесы, парады и незадолго перед войной — в открывшийся

Тетя Наташа в 18 лет

Тетя Наташа и тетя Оля — сестры отца

*Дедушка Сергей
Александрович
с Павликом*

*Тетя Катя — папина
родная сестра*

*Папин
старший
брат Андрей
(не вернулся
с войны)*

*Мои родители
(свадебная
фотография,
1922 г.)*

*Мама с Лидой (ее первый
ребенок)*

*Родители с Лидой и Ирой.
Германия, 1924 г.*

оперный театр, чтобы, как он выражался, «приобщить нас к культуре». Он был ужасно занят, и мы особенно ценили наше время с ним. На парадах он сажал меня на плечи, чтобы я могла видеть что-то, кроме ног и низа юбок или брюк.

То, что отец называл «культурой», новый советский режим называл «духовными ценностями». Это привилось, и люди забыли истинное значение слова «духовный», но, к счастью, наши родители не забыли.

Как я уже сказала ранее, отец пошел снова учиться в 1931 году. Он работал днем, а учился вечером, уроки делал ночью. Помню его чертежную доску с лампочкой над ней, чтобы не мешать спать детям, чьи кровати находились в той же комнате. В последние два года учебы отец работал на шахте, практикуя свою новую профессию. Он был опасно худощав, переживал болезни на ногах, будучи не в состоянии позволить себе роскошь отлеживания в постели. Помню, что даже воспаление легких он перенес на ногах. Черные ободки вокруг глаз никогда не вымывались, потому что угольная пыль была маслянистой, а вода на шахте была холодная, мыла было мало и оно было грубое, стиральное. Отцу грозила болезнь легких, так называемые «черные легкие», и когда он выезжал из Европы в Америку, при проверке обнаружили черные пятна на его легких, пришлось объяснить их происхождение. Больных в Америку тогда не пускали.

Иногда он рассказывал нам комические эпизоды из своего детства. Запомнился эпизод с забытым у извозчика пуховым платком бабушки. У извозчиков на спине были большие номера. Папа был маленьким и сидел носом в спину с номером извозчика. Когда по прибытии домой оказалось, что платок был забыт у извозчика, все засуетились и начали спрашивать, кто помнит номер извозчика? Никто не мог вспомнить, но папа, у которого этот номер маячил перед глазами всю дорогу, вдруг громко сообщил: «Номер семь!» Этот его рассказ так и остался в семье под названием «Извозчик номер семь».

Другой рассказ был о покупке ботфортов. Отец был тогда гимназистом, и ему ужасно хотелось попасть на вечеринку

у кого-то там в доме по какому-то случаю. Он мечтал о ботфортах, и его мама была готова купить их ему, но нужного размера не оказалось в магазине. Примерянные ботфорты явно жали, но папа не пожелал их снимать, за что дорого поплатился, пролежав всю вечеринку в чулане под лестницей. Даже снять их с ног было трудно. Я привела этот пример в одном стихотворении о том, что иногда мы настаиваем на деле не по призванию, не по дарованию, то есть, «не по мерке», и тогда горе нам и тем, кому мы служим.

Были и другие случаи, которые папа рассказывал нам, громко смеясь над самим собой. Мы ценили это качество его характера.

Дом, в котором мы жили в течение десяти лет после моего рождения, был одним из домов, принадлежащих одному хозяину. Кроме нашего углового, очевидно, когда-то барского дома, во дворе были еще два дома с двумя квартирами в каждом. В одной квартире жили хозяева, Петр Климентьевич и Прасковья Никитична (фамилии не помню). Их лишили частной собственности сразу же после смены власти, но они сдавали квартиры государству. Знаменитый лозунг «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам!» был пустым звуком только до захвата власти большевиками, но как только это было достигнуто, протянутая рука помощи сжалась в кулак «по зубам» пролетариата — крестьянина и рабочего. (Читайте исторические книги!)

В том же дворе в одной из квартир с окнами на улицу жила некоторое время наша бабушка Клава со своей младшей дочкой Ольгой. Иногда приезжал дядя Павлик, брат-близнец Ольги, но во время чисток середины и конца тридцатых годов он был арестован и сослан в Магадан, где и умер в раннем возрасте, оставив вдову с двумя маленькими девочками. Я была тогда слишком маленькой, чтобы понимать все, что творилось вокруг...

В остальных квартирах жили еврейские семьи.

До 30 года у нас не было электричества. Керосиновые лампы давали свет, а воду носили на коромысле в ведрах из колонки на углу улицы. Когда, наконец, на нашу окраину

был пущен трамвай, насыпь отделила нас от колонки. Зимой возвышенность замерзала, люди с водой скользили и падали, нередко ломая кости. Помню, как тащили на руках бабушку наших соседей с поломанной ногой и бледным лицом.

Еду варили на кирпичной мазаной печке в одной из наших двух комнат, которую нельзя было назвать ни гостиной, ни только кухней, так как в ней делалось все, включая стирку и купание взрослых и детей. Ванной комнаты не было. Была узкая прихожая с кривым полом и деревянной стойкой. Тут хранилось все, что не помещалось в комнатах. На стойке стоял примус, а на ее нижней полке стояли тазы и кастрюли. Дверь из прихожей вела на обвитое диким виноградом крылечко и во двор, откуда можно было пройти либо на улицу через узкую калитку во всегда запертых воротах, либо в уборную в крайнем правом углу двора.

За воротами бурно кипела уличная жизнь. Там были злые собаки, пьяницы, всякого рода бродяги и типы с непредсказуемыми намерениями и целями. Пока во дворе жила наша бабушка Клавдия, она не пускала нас туда самих. Позже, когда мы подросли, мы иногда играли на улице, залазили на цветущие акации, рвали с них грозди цветов и объедали кончики цветочков с нектаром. Пришлось также познакомиться с заборной «живописью» и языком. У нас в доме никто никогда не ругался, поэтому слова непонятных площадных ругательств шокировали всех нас.

Ира приносила с улицы плохие слова и, не понимая их, не шептала, а громко повторяла при папе и маме, за что бывала наказана.

Ходили также к соседям. У них был палисадник с кустами сирени и во дворе огромная шелковица, ягоды которой мы тоже рвали и ели. Злая собака стерегла все это, но цепь держала ее у будки. Однако это не помешало ей вцепиться зубами в мою ногу, когда я проходила достаточно близко. Мы дружили с дочкой этих соседей, Ниной.

Каждое утро весь наш двор оживал. Проснувшиеся жильцы несли в протянутой руке ночные горшки в уборную. Соседская девочка моих лет сидела на своем горшочке

прямо посреди двора и никто не видел в этом ничего особенного. Люди обменивались последними сплетнями, выбивали коврики, занимались своими обычными делами, привыкнув к ужасным условиям жизни, грязи, пыли, клопам и мухам, ночным горшкам и помойным ведрам. Двор был немощеный, на холмике общего погребка росла лебеда и «калачики», осенью была грязь, а зимой все замерзло, и снег своим белым покрывалом создавал впечатление временной чистоты. У меня сохранилась фотография нас троих с соседкой Ниной на этом, поросшем лебедой, холмике. Понятия не имею, кто нас снимал. Летом пищу готовили в летней кухне-сарая с двумя-тремя печками. Печки в квартирах служили и для варки, и для отопления — в основном зимой. Когда хозяйки из разных квартир готовили свои обеды и ужины в летней кухне, оттуда шел разнообразный запах варева: одна хозяйка жарила рыбу, другая варила борщ или куриный бульон, третья — фаршировала перец... Все это было с приправами укропа, петрушки, лука и лаврового листа. Продукты и зелень приносились с базара в центре города. Куры — зачастую живьем, а рыба — с чешуей и внутренностями. Я рано научилась резать и ощипывать кур и чистить свежую рыбу.

В конце лета начинались заготовки на зиму: солили капусту и огурцы, варили морс, наполняли им бутылки и ставили в общий погреб во дворе, где в углу в прохладе подземелья всегда лежал лед.

Помню, что тогда еще не называли друг друга товарищами или гражданами, ни позже вошедшими в обиход словами «женщина», «мужчина» или «девушка». Жену чахоточного Лондона называли «мадам Лондон». В первой квартире с выходом на улицу жили просто «Шаульские», а хозяйку квартиры называли «мадам Шаульская». В одной из квартир в двухквартирном заднем доме жили «Скляры» с дочкой, которую мы просто знали как Фирку, хотя ее имя, вероятно, было Есфирь. Все эти еврейские семьи отмечали свои праздники. На Пасху пекли мацу и варили традиционные блюда. Наша по происхождению еврейская мама не практиковала ничего еврейского. Она была евангельская

христианка, как и ее отец, и мы очень долго вообще не знали, что она еврейка по крови. Ее называли Евгения Леонтьевна.

Бабушку Клаву называли «старуха Абрамовичка». Когда мою ровесницу, Фаню Лондон, послали к ней одолжить лист для печенья, она обратилась к бабушке так: «Сталуха Абламовицка, мама просит у вас листик». «Какой?» — спросила бабушка. «Равловый, что печут», — ответила Фаня.

Один случай с летней кухней сохранился в памяти нашей семьи на всю жизнь. Мама сварила борщ, как принято, на два дня и поручила моей старшей сестре Лиде, которой было тогда лет семь, отнести его в дом. К крылечку вели четыре ступеньки. Лида споткнулась и опрокинула всю кастрюлю борща. Поняв весь ужас случившегося, она схватила палку и, подбежав к маме, закричала: «Мама, убей меня! Убей меня!» Мама, которая не могла бы убить и муху даже за большое вознаграждение, пожурила ее немного, а потом обняла и тут же простила.

Научиться правильно произносить букву «р» трудно всем маленьким русскоязычным детям. Помню, как дети нашего двора, сами недавно осилившие это искусство, учили меня говорить слово «корзина», задерживаясь, как бы рыча, на букве «р». «Вера, скажи кор-р-р-зина!» Мне было года три, и после недолгой практики я научилась произносить эту букву правильно по-русски и никогда не картавила.

Трагические воспоминания остались о смерти детей от удара током. Техника безопасности после проводки электричества была на самом низком уровне. Проводка шла по поверхности стен с выключателями и штепселями часто на уровне глаз детей. Женщины белили известкой печки и стены и тоже нередко задевали провода мокрой щеткой так, что их отбрасывало на пол. Электрический ток был еще незнакомым «чудовищем», с которым не знали, как обращаться. Если током убивало ребенка, его закапывали по горло в землю в надежде, что «ток выйдет из него» в землю, хотя ребенок был уже давно явно мертвым. Глядя на эти сцены на улице или во дворе, я бежала к маме, цеплялась за ее юбку, как репей, и плотно зажмурировала глаза,

но несколько недель мне все еще мерещилась эта сцена и мертвый ребенок с полуоткрытыми глазами и синими губами. Я притягивала маму к себе и просила не уходить, пока я не засну. Она молилась со мной и пела мне колыбельные песни. Я засыпала обычно на середине ее пения.

Уроки о жизни и смерти были повсюду без всяких прикрас. Похоронных бюро не было и умерших готовили к погребению в домах и самых маленьких квартирах. Летом на третий день в дом нельзя было зайти от трупного запаха. Челюсть покойника подвязывали платком, а ноздри затыкали ватой. Несли или везли покойника на кладбище на телеге почему-то обязательно в открытом гробу на виду у всех провожающих. Детей-покойников часто несли старшие дети в гробике на полотенцах. Гробик трясло вместе с ребенком в нем. Видя все это довольно часто, я постепенно привыкла к этим сценам. Этот реалистичный подход к смерти, как к чему-то естественному и неизбежному, подготовил меня к будущим, ужасным и травмирующим меня и всех, сценам во время войны.

Когда у соседей повесилась на кухне молодая дочь Леля, тетя нашей подруги Нины, я видела, как ее завернутое в одеяло тело бросили на подводу с крыльца, как бревно, и отвезли в больницу для анатомирования, а потом гроб с ее телом стоял у них в гостиной и все приходили смотреть. Зашитый черными нитками разрез от шеи и ниже виднелся из полуоткрытого платя, нагоняя ужас на нас — ребяташек из соседних домов.

Мы жили в индустриальном центре Донецкого угольного бассейна, окруженном шахтами с неизменными терриконами «породы» и заводскими, постоянно дымящими трубами. Воздух был предельно загрязненным. С терриконов, которые мы называли «глеями», постоянно поднимался желтый, с запахом тухлых яиц, дымок серного колчедана. Другие отбросы тоже перегорали и дымились, добавляя свои запахи к общему зловонию. Химический завод неподалеку, на окраине города, делал свое дело денно и ночью. От его выброшенных в воздух газов драло горло и пекло в глазах.

Вагонетки с отбросами ползли на «глей», переворачивались, и глыбы породы с небольшой примесью угля летели вниз, нередко перебивая ноги тем, кто искал на склонах этих «холмов» уголь для своих печек.

Техника безопасности здесь тоже была на низком уровне, и аварии бывали часто: то завал, то газ, то вода. Шахтеров хоронили почти каждую неделю. Громкие вопли вдов и плач детей разносился по району.

В начале нашей жизни на руднике по прошествии десяти лет на 16-й линии, в шахтах еще работали лошади. Они тянули по рельсам вагонетки с углем. Со временем они слепли, и когда их наконец «раскрепостили», благодаря появлению электричества, они уже никуда не годились...

Отец работал на шахте, будучи еще студентом института, а потом продолжал работать то замерщиком газа, то начальником участка, то в техническом бюро на поверхности.

Передавая как-то перед своим отпуском участок помощнику, он не смог остановить едущий на них электровоз. Сколько он ни сигнализировал фонариком, машинист не обращал внимания и летел прямо на них. Помощник был убит, а отца прижало к стенке и ранило одну руку, порвав сухожилия на внутренней стороне ладони. Его отдали под суд, но все обошлось благополучно, так как было доказано, что виноват был машинист, а не отец. Наша семья тяжело перенесла это испытание, ведь все-таки погиб человек, а отец не был партийным...

Было ли что-нибудь светлое в этом кромешном мраке ранних, послереволюционных годов? Представьте себе, что было. Между отлеживаниями в постели с разными болезнями, родители водили нас к старшей сестре отца, нашей тете Наташе, которая жила на Ларенке, по другую сторону завода. Над заводом проходил довольно высокий, но узкий мост из дерева и металла. Отец нес меня, как самую младшую, на руках или плечах, а мама вела моих сестричек за руки. Сквозь щели между ступенями, ведущими все выше и выше по мосту, были видны доменные печи с их вечным, негаснущим огнем, и что-то лязгало и шипело,

дымилось и испарялось там внизу, а по конвейеру уходили от печей еще раскаленные, но уже остывающие «болванки» чугуна. Я цеплялась за шею отца обеими руками в ожидании того «светлого», что готовилось для нас по другую сторону завода.

Квартира тети Наташи была теплой, светлой и приветливой. У нее был старший сын-подросток Андрей от первого брака, а от второго — дочка Таня на год младше меня, с которой я дружила, когда иногда гостила у них. Муж тети Наташи, дядя Ваня Розанов, смотрел на нас свысока, как на бедных родственников, но мама никогда не теряла своего достоинства, так как была гораздо более образованна и знала несколько иностранных языков, а что в трудные времена мы оказались беднее их, не смущало ее нисколько, ведь папа еще учился и лучшее было впереди. Ей с детства были знакомы иные ценности, подлинно духовные, вовсе не знакомые дяде Ване и почти забытые тетей Наташей.

У тети Наташи нам всегда было весело. Она делала замечательные куклы для ее домашнего кукольного театра. В дверях между комнатами переворачивался стол и завешивался простыней. За этой «сценой» пряталась тетя Наташа со своими куклами и представляла нам разные сказки, меняя голос с каждым персонажем, о чем мы не догадывались, сидя на полу по другую сторону завешенного стола.

Иногда мне разрешали погостить у тети Наташи несколько дней. Там тогда жила бабушка Клава с тетей Олей. Она читала нам вслух рассказы Чехова и сама хохотала до слез над прочитанным. Мы же, не понимая всего, что она нам читала, хохотали, глядя на нее. Иногда она играла с нами в карты, в какие-нибудь невинные игры вроде «дурочка», и нам очень хотелось оставить в дурочках именно бабушку. Когда она овдовела в 1928 году, ей было всего 57 лет, но она оставалась одна и жила поочередно у своих дочек, то у Кати, то у Наташи, а некоторое время жила даже у нас. Она была строгая вегетарианка и всегда следила за своей диетой. Возможно, потому она и прожила 96 лет.

*В Люботине. Я — вторая слева. За мной Ира, Таля и Лида.
Дальше — соседские дети*

Последнее фото в Харькове с Лидой, Талей и тетей Катей

Тетя Наташа шила для нас платья. Мама покупала два вида материи, относила к ней, и она шила по три совершенно одинаковых платя из каждого вида — на лето и зиму. Невзирая на наше полубедственное материальное положение, были люди куда беднее нас, особенно в годы сталинской насильственной коллективизации, когда деревня умирала с голоду и ее жители бежали в города в поисках работы и куска хлеба.

Миллионы умирали с голоду. Добравшиеся до города были опухшие, потерявшие всех родственников, остатки семей. Из жалости к ним городские хозяйки брали их в домработницы. Так что обе семьи, тетина и наша, время от времени пользовались услугами проживающих в нашей тесноте с нами домработниц из деревень. Эти девушки и женщины охотно стирали и гладили наше белье, стояли ночами в очередях за своих хозяек и добывали для них и себя промтовары, которые всегда, до самой войны, были в дефиците. Польза была обоюдная. Мама могла давать уроки ленивым сынкам партийцев, готовя их к экзаменам, и прирабатывать что-то к жалким доходам отца, что, в свою очередь, давало ей возможность скромно содержать кого-то еще беднее нас.

Первой домработницей у нас была украинка Аня. Она спала на раскладушке в пристройке с кривым полом и помогала маме по хозяйству. Однажды она повела нас троих на базар, где жизнь била ключом. Слепые, как настоящие, так и симулянты, просили милостыню, по-прежнему «Христа ради», пели заунывно под гармошку, ставя перед собой жестяную банку для подаяний. Нищие калеки, выставя свои гнойные, почему-то незаживающие раны, умоляли «посмотреть на их калецтво». Карманные воры шныряли под ногами, поэтому кошельки нужно было держать глубоко под одеждой. Торговки давали сдачу из-под шести юбок, задирая их одну за другой. Там, в самой последней, в потайном кармане хранились вырученные от торговли деньги. Понятия честных весов не существовало. Все обманывали и обвешивали, незаметно и ловко подсовывали гнилье и зелень...

Тут же были и доморощенные фотографы. Они вешали что-то пестрое на стенку, становились сами на этом фоне, и зазывали прохожих воспользоваться их искусством.

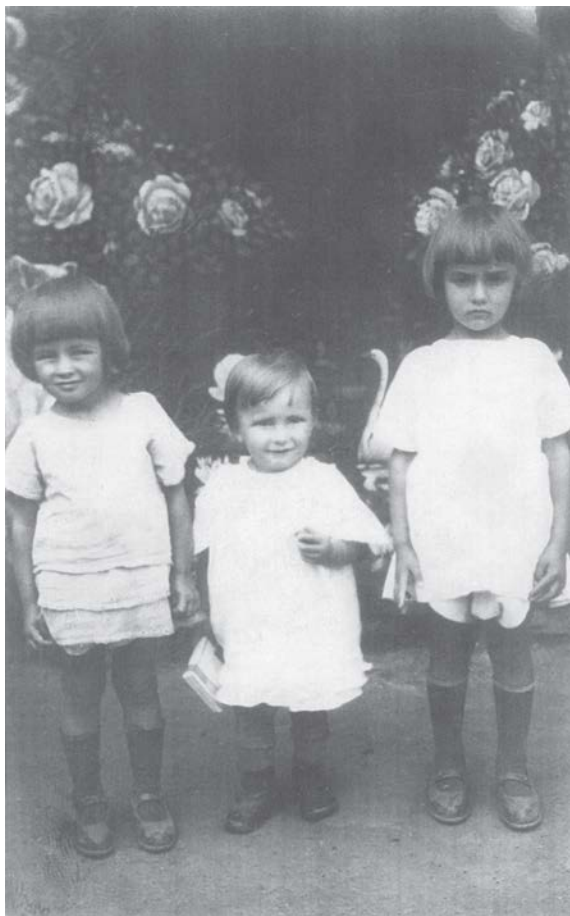
Анюта не устояла против соблазна сфотографировать своих «панычей». Она выстроила нас троих по росту, забыв подтянуть трусики моим сестрам. У обеих они спустились чуть ли не до колен. Фотограф исчез под своей черной тряпкой позади фотоящика и, конечно, не замечал недостатков у своих субъектов съемки. Мне, двухлетней, кто-то дал коробку из-под папирос, чтобы «не ревела», и этот черно-белый «шедевр» Анюта гордо передала маме, а мама сохранила для всех нас уже как реликвию.

Однажды, когда мы возвратились поздно от тети Наташи, Анюта спала крепким сном на своей раскладушке. Папа стучал и кричал, но не мог ее добудиться. Наконец, он открыл окно и залез внутрь, чтобы открыть двери изнутри. Анюта вскочила и закричала спросонья: «Чи я спала, чи мені приснилось?!»

Второй домработницей была «Нюршья» — курская молодая семейная женщина. Она была поденной домработницей, а ночевала дома, в землянке на окраине города, где были так называемые «Прицепиловки» и «Собачевки». Меня она называла не иначе, как «Верья», и если я убегала от нее, кричала: «Верья, да куды ж ты побегла?!» По сути, обе домработницы носили имя Анна в оригинале, но одну называли Анюта, а другую Нюра, а по-курски — Нюршья.

Нюрочка обладала необычайной преданностью нашей семье. Она приходила к нам даже и во время немецкой оккупации в начале сороковых годов, когда мы уже жили на руднике возле шахты.

Иногда она приходила вся в слезах — у нее «опять» умер ребеночек (второй за три года!), потому что она нечаянно ошпарила его кипятком из чайника. В ее землянке, где я была только один раз, стояла кислая вонь от щей и пеленок. Проветривать эти жалкие жилища было, вероятно, просто невозможно.

С сестрами на базаре (я в центре). Мне 2 года

Несколько раз в году у тети Наташи бывали вечеринки. Отмечался Новый год или чьи-нибудь дни рождения. Вечеринки были для взрослых, но нас тоже брали с собой. На столе были закуски и напитки. Дядя Ваня любил выпить. Все делалось в складчину. Каждый гость приносил что-нибудь по предварительному поручению хозяйки.

Маме всегда поручали печь «наполеон» — слоеный пирог с заварным кремом. Мама пекла тонкие крохкие коржи и затем промазывала их кремом и посыпала сверху крошками из обрезков коржей. Доставлять «наполеон» нужно было на трамвае. Однажды в теплую погоду все это сооружение расплозлось и растеклось по блюду по дороге к тете. Коржи были слишком крохкими! Мама вернулась домой, все смешала и сделала новые коржи плотнее, намазала этой новой смесью и привезла к тете. Все были в восторге и говорили, что Женя превзошла сама себя в своем искусстве.

После ужина взрослые танцевали под граммофон, хотя места для этого было предельно мало.

Моим самым счастливым и полезным временем были часы и дни, проведенные с мамой. Я была на три года младше Лиды и на два — младше Иры, так что, когда они пошли в школу, я еще два года была с мамой дома. К тому же я была еще и самая слабая и требовала особого внимания. В силу маминого хорошего образования и воспитания в доме с книгами, она была литературным кладом, а делиться этими сокровищами было не с кем, кроме меня, ее младшей тогда дочери.

Мы все были разные. Мои сестры мало интересовались накоплениями маминых знаний. Когда они стали подростками, Лиду тянуло к цифрам и рисованию, а в этом помогал ей папа. Иру тянуло на улицу, на каток, а летом в парк на танцплощадку. Она знала каждую улицу и закоулок в городе и была живым, озорным ребенком, училась средне, но зато была замечательной рукодельницей и мастерицей создавать что-то буквально из ничего.

Я боялась улицы и прочно и долго держалась за мамину юбку. Мама питала меня своим запасом заученных наизусть

стихотворений русских классиков: Майкова, Фета, Блока, Бальмонта, графа Алексея Толстого, Мережковского, Соловьева, Аксакова, Никитина, Полонского, Жемчужникова, Некрасова и, конечно, Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Надсона и Крылова. Несмотря на убогость обстановки, у нас в доме была масса книг и мы всегда были читающей семьей. Даже во время приготовления или приема пищи мама всегда что-нибудь читала и своим примером привила и нам любовь к чтению. Мы все по сей день читаем и передали эту любовь к книгам своим детям и даже внукам и правнукам.

Мама тосковала по своим родителям и сестрам, с которыми виделась последний раз в Германии в 1926 году. Ее молитвой и мечтой всегда было воссоединение с ними. Перед сном она молилась с нами, перечисляя неизвестных нам родных, и пела колыбельные песни. Я очень любила засыпать под звук ее голоса, глядя на настенный коврик над моей кроватью, в узоре которого мне мерещились таинственные фигуры людей и зверей, особенно когда я бывала в жару из-за очередной болезни.

С очень раннего возраста мама заносила в тетради свои любимые стихи. Поражает меня то, что ей удалось вывезти эти тетради и все важные документы на запад, вместе с некоторыми книгами. Я унаследовала ее тетради и до сих пор не могу открывать их без комка в горле. У мамы был чудесный, каллиграфический почерк, и хотя листы пожелтели, я все еще могу разобрать написанное ею.

Наши дни рождения никогда не забывались. Утром мы просыпались перед накрытой белой салфеткой табуреткой, на которой стоял стаканчик с какими-нибудь цветочками и обязательно подарок — кукла или книжка. Однажды мама подарила мне куклу с фарфоровой головкой и я почти сразу же уронила ее и разбила головку, из которой выпали на пол ее чудесные глазки. Мне было жаль куклу, но еще больше было жаль маму, ведь она потратилась на такой особенный подарок! Мы праздновали Рождество, когда оно официально в стране не праздновалось. Его отменили, как только решили, что «Бога нет». Снегурочка и

Дед Мороз заменили Младенца Христа и праздник был передвинут на Новый год. У нас же в доме росла в горшке живая туйка. Вот ее-то мы и превращали в рождественскую елку с самодельными украшениями и свечами. Мама читала нам вполголоса вечную историю о Вифлеемских яслях и о лежащем в них Господе Иисусе Христе, пела рождественские песни и давала нам скромные подарки. Семьна живого Слова западали в наши детские сердечки, только прорасти им было суждено не скоро. Плевелы безбожной школы и полное отсутствие общения с верующими помешали нам рано принять Христа...

Мама знала несколько языков. В ее семье в Одессе они говорили по-немецки и по-русски. Русский был ее второй родной язык, но так как она иногда давала уроки немецкого языка, ее считали немкой и соседи называли нас «немочками». Эта, казалось бы, мелочь послужила нашему спасению во время войны. Божья рука была над нами и тогда, когда мы, дети, еще не знали Его, и Его цепь чудес начала разворачиваться перед нашим взором гораздо позже, как только мы освободились от промывания мозгов в советской школе.

При всех стараниях наших родителей воспитать нас хорошо, мы не были паиньками. Мы ссорились и даже дрались, особенно Лида и Ира. Я не любила и боялась ссор и драк. В гостях Лида разыгрывала классную даму, щипала под столом Иру, если та не вела себя так, как следует, и цыкала на меня за чмыханье вечно текущим носом.

С самого раннего детства я знала наизусть массу стихотворений, как детских, так и серьезных, взрослых. На уроках истории или литературы я читала стихи «Казимир Великий» и «Василий Шибанов» с их глубокой моралью. Написанное на смерть Пушкина стихотворение Лермонтова «Погиб поэт...», я читала в школе наизусть, когда мне было всего десять лет. Стихотворение «Жена ямщика» Никитина доводило меня до слез. Стихи Надсона и графа А. Толстого на библейские темы я тоже знала наизусть, только не читала их в школе. Я знала много детских стихов

старых, неизвестных авторов, полных полезных нравоучений, а потом учила и новые, современные: Барто, Чуковского, Михалкова, Маршака. Это наследие мамы дало свои всходы, когда я достигла зрелости, но до этого было еще далеко...

ВИДЕНИЕ

Уже, казалось, прошлое забыто.
Я полюбила пальмы, лавры, мирт
И пряности, растущие открыто,
И всех сортов пахучий эвкалипт.
 От эвкалипта пахнет скипидаром,
 Закрыв глаза, стою в его тени.
 Вдруг вижу детство — я в постели с жаром —
 И слышу: «СПИ, ДИТЯ МОЕ, УСНИ...»
То мать поет, мелодию придумав,
На текст, что был в ее душе храним.
До носа укрывает, чтоб не дуло,
Мурлыча: «СЛАДКИЙ СОН К СЕБЕ МАНИ...»
 Натерла грудку, и не душит кашель,
 Губами лоб проверив, отошла.
 И пенье уже слышится чуть дальше,
 Но внятно: «В НЯНЬКИ Я ТЕБЕ ВЗЯЛА...»
С отцом в сговоре перешла на шепот,
Постель раскрыла и в нее легла.
Но все еще глухой доходит рокот
Той песни: «СОЛНЦЕ, ВЕТЕР И ОРЛА...»
 А мне казалось, прошлое забыто,
 И жизнь к закату катится, как шар...
 Как вдруг в тени пахучей эвкалипта
 Воскресло детство, мать и... скипидар.

Санта-Барбара, 1990 г.

Я (справа) с сестрами

С родителями и сестрами. Мне 4 года

С мамой и сестрами. Мне 12 лет

Перед поездкой в Люботин

Я (слева) с сестрами и соседками во дворе

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

В 1930 году, когда мне было почти четыре года, мама повезла нас на все лето на поезде в Люботин (около Харькова), на хутор Любовка, к двоюродной сестре отца, тете Кате Романовой. Она, конечно, не просто нагрянула с нами к ней без предупреждения. Была предварительная переписка и приглашение со стороны тети Кати.

Тетя Катя Романова была дочерью младшего брата бабушки Клавдии, Сергея Деомидовича, и его жены Надежды Федоровны. О них я упомянула в начале моей повести. Они оба увлеклись в свое время учением графа Льва Толстого, оставили петербургскую жизнь, должности и титулы и поселились в деревне, чтобы там «служить народу». Оба были благородного происхождения с хорошим образованием и, живя в деревне, послали свою старшую дочь, нашу тетю Катю, учиться в город, дав ей тоже хорошее высшее образование со знанием иностранных языков, а своего единственного сына, младшего брата тети Кати, Алешу, Надежда Федоровна учила дома.

На хуторе Любовка и вокруг на других хуторах жило несколько таких же благородных семей. Все они чем-нибудь помогали местному населению — простым украинским «селянам», за что пользовались немалым уважением.

Когда тетя Катя пригласила маму с ее выводком на лето к себе, мама не замедлила с вывозом нас на свежий воздух из пыльного, прокопченного, ветреного, индустриального Сталино. Последующие десять лет мы проводили каждое лето у тети Кати Романовой в ее скромной хате под соломенной крышей. Половина хаты из двух комнат сдавалась в аренду местной украинской семье.

Поскольку у тети Кати было хорошее образование, в ее хате было много книг. Там были русские и иностранные (в русском переводе) классики. В числе наиболее известных авторов были: Чарлз Диккенс, Виктор Гюго, Жюль Верн, Марк Твен, Фенимор Купер, Редьярд Киплинг, Жорж Санд (французская писательница с мужским псевдонимом),

Конан Дойль, Ги де Мопассан и много других, менее известных авторов.

Часть ее книг была унаследована от родителей, часть была приобретена позже ею самой. В числе русских авторов были не только прозаики и романисты, но также много поэтов. Тетя Катя любила стихи и сама прекрасно писала, по скромности пряча свои произведения от посторонних глаз. Только наша мама удостоилась знакомства с ними.

Летние дни были длинными, и как только мы научились читать, мы с упоением перечитывали всю библиотеку тети Кати. К счастью, тогда еще не было телевидения, да и радио тоже не достигало хуторов, где вообще еще не было электричества.

Тетя Катя работала сестрой милосердия в железнодорожной больнице на станции Люботин. Она была на несколько лет старше мамы, но никогда не была замужем. Просто жизнь сложилась иначе.

Единственный человек, которого она любила в юности, рано умер, а другие не подходили, но она любила детей и всю жизнь страдала от неудовлетворенного чувства материнства. Во время немецкой оккупации (в начале сороковых годов) в ее больницу попал раненый юноша, почти еще мальчик, и она сильно привязалась к нему, выходила его, а после выздоровления взяла к себе и еще долго возилась с ним. Когда же он связался со своими родителями в Никополе, он уехал к ним, а потом женился, завел семью... Тетя Катя посетила его только один раз и все поняла: она ему была больше не нужна. Несколько ее стихотворений отражают этот грустный период в ее жизни, ее душевную боль разлуки с временно приемным сыном и ее глубокое разочарование...

Больница, в которой работала тетя Катя, находилась в пяти километрах от ее хаты, и она каждый день ходила туда пешком, никогда не забывая принести нам что-нибудь сладенькое, ведь на хуторе магазинов не было. Часто это бывали плиточки соевого шоколада.

У жившей во второй половине хаты со своей семьей украинки Уляши была корова. Она доила ее под вечер и

приносила нам «глечик» парного молока, теплого и еще с пеной. Мы пили перед сном по чашке молока с соевым шоколадом и ложились спать на соломенных матрацах в комнате без освещения.

Воду брали из колодца перед хатой. Колодец был неглубокий и ведро опускали и вытаскивали палкой с крючком на конце. Нужно было только наловчиться зачерпнуть воду ведром, положив его на бок. Мы все быстро научились черпать воду для себя и тети Кати.

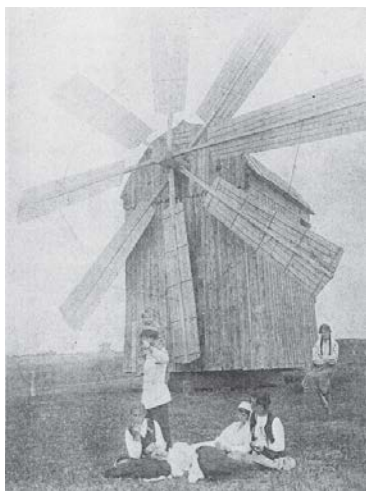
В стеклянной галерейке с одной стороны хаты в самом дальнем ее углу стоял ткацкий станок. Мы с любопытством и восхищением рассматривали челноки и шпульки с нитками и расспрашивали тетю Катю о мастерстве ткать с помощью всего этого ряда и подстилки. Она объяснила нам, что здесь ткала когда-то ее мать, а потом и она сама и что они учили ткать и местных жителей.

Рядом с хатой был огород, позади был фруктовый сад, так что овощи и фрукты были доморощенные. Мама варила борщи и делала салаты из огурцов и помидор с зеленым луком и укропом. Печку для этого топили соломой. Тепла было достаточно, чтобы что-то сварить, не перегревая при этом хаты, так как жар от соломы быстро остывал. Каши из гречневой крупы или пшена в чугунках заворачивали в ватное одеяло, давая им распариться и рассыпаться. В конце лета появлялась молодая картошка, которую варили целиком и подавали с маслом и укропом. Наша еда была простой, но очень здоровой.

У тети Кати был еще небольшой малинник — мое любимое место, куда я любила забираться, чтобы наполнить рот спелыми ягодами. Когда дядя Алеша, который любил фотографировать, выстроил нас в шеренгу по росту вместе со своей дочерью Талей (Наташей) и тремя соседскими детьми, мне было около пяти лет и мой рот был заеден малиной. Увидев на снимке пятно в углу рта, я счистила его до дыр, но не могла исправить злого выражения лица с насупленными бровями. Это осталось навсегда.

Колодец перед хатой

Старая мельница

*Памятник Т. Г. Шевченко
в Харькове*

*Таля и Лиза Маковейская
в дубняке, 1995 г.*

Тетя Катя с Иришей на завалинке своей хаты. Ириша — дочь Тали

Тетя Катя и Талина Ириша на «иляху»

*Дядя Алеша — Талин отец,
брат тети Кати*

Тетя Катя Романова, 1934 г.

В рощах и дубняке за греблей было много земляники, диких груш, лесных орехов и грибов. Мы научились отличать плохие грибы от хороших и приносили маме боровики, сыроежки и рыжики. Мы также радовали ее букетиками полевых цветов, а для себя собирали и засушивали в книгах разные цветы и листья деревьев, собирали коллекции насекомых — бабочек, кузнечиков, жуков.

Вокруг было много прудов. В них мы учились плавать, надувая на ветру наволочку. Держась за этот «пузырь» двумя руками, мы били по воде ногами, пока не научились плавать без этой помощи. Как только мы почувствовали безопасность воды под собою, мы заплывали далеко на глубину, ныряли на илистое дно и даже переплывали пруд вдоль и поперек. Дома было негде купаться, так что пруд был для нас ванной. Вечером нам нужно было только помыть руки и ноги в ведре у колодца. Мы все время ходили босиком.

По другую сторону огромного пшеничного поля жили друзья тети Кати, Сергиевские. У них было трое детей: девочка Галя на год старше нашей Лиды и два мальчика-близнеца, Юра и Костя, ближе по возрасту к Ире или мне. У них тоже был сад и огород. В саду росли прекрасные груши, «дули», такие сочные и сладкие, что одной можно было насытиться. Возвращаясь домой полем, мы рвали маки, васильки и ромашки, которые обильно росли среди пшеницы. Букет из этих цветов навсегда остался маминим любимым, и я всегда до самой ее старости старалась купить ей в сезон букетик именно из этих цветов.

Мама радовалась нашему благополучному возвращению, хотя нам ничего не грозило, кроме разве что собак на соседнем хуторе или быка, который, будучи единственным «мужчиной» в стаде местных коров, считал своим долгом защищать свой «гарем», отпугивая нас опущенной вниз головой, рогами вперед. Его я действительно побаивалась, хотя он никогда никого не атаковал и его грозный вид был простым блефом.

Между хатой тети Кати и Солодивкой протекал узкий ручей со слабенькой кладкой поперек для перехода на другую сторону. Если мы возвращались, когда уже начинало темнеть, пройдя благополучно через строй собак, я с ужасом думала об этой кладке — последнем препятствии по дороге домой.

Вдоль ручья густо росли осока, камыши, верба и ольха. Вечером все это сливалось в темную массу с едва заметным очертанием и глухим шорохом листьев от движения ветерка. После заката солнца темнота наступала быстро. Много ли надо пятилетней девочке, чтобы напугать ее на весь остаток пути?! Мамин подол, в который я утыкалась носом дома, давал сладчайшее успокоение перед сном.

Иногда тетя Катя и мама водили нас перед сном гулять. За хатой меж полей и садов тянулся «шлях», по которому селяне могли передвигаться на арбах и телегах. Вечером на нем не было никакого движения. Старшие шли впереди и тихо беседовали между собой. Малыши плелись сзади и рассказывали друг другу фантастические истории о видневшейся впереди мельнице. На фоне вечернего неба она выглядела как огромная птица. В ней гнездились совы и филины, гудел ветер... Позже, в зрелом возрасте, я написала о ней стихотворение.

Мы возвращались затемно, но не ложились спать сразу. Тетя Катя садилась с нами на ступеньки крылечка или на завалинку и в ясную ночь начинала знакомить нас со звездами, висящими у нас над головой так низко, что нам казалось, их можно было достать рукой. Изучая когда-то астрономию, тетя Катя знала названия всех видимых простым глазом созвездий и мы тоже вскоре научились опознавать планеты и созвездия.

Эти поздние вечера были незабываемыми. Отовсюду слышалось пение. Украинцы — певцы от природы. Гармонизация у них в крови. Как только запевала начинал песню, все остальные тут же разбивались на голоса и пели чудесным хором «Ніч яка місячна, зоряна, ясная» или «Розпрягайте, хлопці, коней». Пение перекликалось с другими

хуторами. Нарботавшись за день, народ возвращался домой, ужинал «коло хати» и часто спал у стогов, так как в хатах было душно и донимали блохи.

Иногда под вечер приходил брат тети Кати, дядя Алеша, со своей гитарой. У него был приятный голос и он знал много народных песен. Когда я подросла и у меня развился неплохой голос, я начала подпевать ему. Его жена, Клава, тоже имела хороший голос, но в то время у них были плохие семейные отношения, и мы мало видели ее и никогда не слышали ее голоса. Таля была их единственным ребенком, дочь, которую они оба горячо любили, так что позже даже сошлись ради нее и жили вместе до конца своих дней.

Любовка была родиной Тали и она каждое лето бывала там, проводя много времени с нами. По возрасту она подходила моим старшим сестрам, так что дружила больше с ними. Иногда она отлучалась в Полтаву, где жили ее тетки, но всегда возвращалась к тете Кате и к нам.

С одной стороны хаты была аллея из тополей. Между тополями были кусты жасмина, а поблизости кустики красной и черной смородины и крыжовника. В конце аллеи стоял столик с двумя скамеечками. Мама и тетя Катя любили сидеть там и читать друг другу вслух прозу и поэзию на разных языках. Мама находила полное эстетическое и духовное удовлетворение от общения с тетей Катей, которая тоже была верующая, хотя и как-то по-своему или, скорее, по-толстовски, по учению, которое основывалось на заповеди «Не противься злему». Тетя Катя была добрейшим и милосерднейшим человеком без тени эгоизма или гордости, хотя по-житейски рассуждая, она могла бы гордиться и своим происхождением, и образованием.

За «шляхом» была песочная яма, откуда местное население добывало песок для построек и других хозяйственных целей. Мы любили туда ходить «играть в песок» — рыть пещеры и ямы, хотя это было опасно. Глубокие пещеры могли завалиться и засыпать нас, малышей, с головой.

За песочной ямой простиралось гречишное поле. В цвету оно выглядело, как покрытое белой пеной море, и аромат разносился на всю окрестность. Пчелы жужжали в этой пене и собирали нектар для своих сот в ульях, расставленных неподалеку пасечниками.

В августе косили зерновые. На краю поля стояла кирпичная печь с вмазанным в нее котлом. В нем женщины варили свежие кочаны кукурузы, борщ или картошку. Из дому приносили хлеб или пышки, а также арбузы и дыни. Этим всем они кормили в обед мужчин-косарей и женщин, которые вязали и складывали снопы.

Будучи городским ребенком, я не знала, что ходить по стерне босиком опасно. Она была негнущейся и острой. Однажды я наступила пяткой на такое острие и проколола кожу, впустив под нее, вероятно, грязную шелуху от сухого стебля пшеницы. Образовался нарыв, а прорвать никак не мог из-за толстой кожи на пятке, ведь мы бегали все лето босиком. Началось воспаление. Вверх по ноге пошли красные полосы, поднялась температура. Боясь заражения крови, тетя Катя водрузила меня себе на спину и отнесла в свою больницу. Мне было тогда лет семь-восемь, так что ноша не была легкой, а путь был пять километров пешком. Мы несколько раз останавливались отдохнуть в тени орешника.

Дотащив меня до врача, она передала меня ему. Он быстро обмыл пятку, прорезал ланцетом нарыв, не дав мне времени зареветь, очистил рану, положил что-то в нее и забинтовал. Мне сразу же стало легче, температура упала и мы вскоре отправились в обратный путь. Тетя Катя опять тащила меня на своей спине, так как ступать на пятку пока что я не могла, да и врач не советовал. Неделью спустя все зажило.

Минимум раз за все лето тетя Катя и мама возили нас в Харьков в зоопарк и покупали нам мороженое. В парке перед зоологическим садом стоял памятник Тарасу Шевченко — поэт в окружении персонажей из его произведений. Я узнала памятник сразу. Я видела у Сергиевских его модель из пластилина. Отец этой семьи имел какое-то

отношение к памятнику, но он был за что-то арестован и все покрылось мраком неизвестности. То ли ему поручили сделать модель памятника и он сделал что-то не так, то ли сказал что-нибудь кому-нибудь... В то время не нужно было много, чтобы навсегда исчезнуть от семьи и друзей.

Отец приезжал за нами в конце лета, гостил несколько дней и возвращался со своей семьей в Сталино ночным поездом.

Вот так мы проводили десять замечательных летних каникул в простой деревенской хате, окруженной великолепной природой. Вокруг не было ни холмов, ни гор, только ровное место, покрытое полями и садами. Тут во время разных войн бывали известные сражения. Место было открытым, ровным и для этого удобным, но в нашем детстве оно было местом полного покоя и всестороннего обогащения нашей юной жизни.

Свои коллекции мы привозили домой и показывали в школе. Лида прекрасно рисовала карандашом и акварелью, но при нашем «исходе» с родины во время войны потеряла свои альбомы вместе с другими ценными памятными вещами.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Я по колени в лютиках стою.
Недавно мне исполнилось четыре.
Я потеряла мамочку свою.
Одна! Одна! В четырехлетнем мире.

Вдруг надо мною где-то высоко
Знакомый голос мое имя крикнул.
И я бегу по травке босиком,
Чтоб поскорей к родным ногам приникнуть.

К ногам и краю юбки — это все,
Во что с налету я смогу уткнуться.
А руки тянутся к лицу ее
И к шее, чтоб вокруг нее сомкнуться.

И на руках меня уносят в дом.
Мне хорошо, я прижимаюсь к маме.
Но жизнь спустя при мысли о былом
Душу сь сентиментальными слезами.

У прошлого есть с настоящим связь —
Не так ли Бог заблудший люд встречает.
И тех зовет, кто в «лютиках» увяз,
И на руки берет, и утешает.

Уносит в дом на отдых и покой,
Который все земное превосходит.
Тоску по прошлому о будущем тоской
Сам заменяет перед переходом.

Июль, 1998 г.

УКРАЇНА

Никогда не забуду Україну.
Есть ли что-нибудь в мире прекраснее
Хуторов, в деревьях утопающих,
Тополей, небеса подпирающих?
Хаты белые в шапках соломенных
Крыш, где ласточки гнезда устроили.
Пестрый луг, пчел жужжаньем наполненный,
Воздух чистый — хрусталь отшлифованный.
Поле лютиков желтых, как золото.
Там гречиха цветет белоснежная...
В дубняке на прогалинах мшистых
Изобилие ягод душистых.
Вдоль реки мята темно-зеленая,
Камыши разрослись бархатистые...
Смотрит в воду плакучая ива,
Улыбаясь сквозь слезы счастливо.
Нива желтая — масло топленое —
Шелестят колоски золотистые...
Сколько там васильков, сколько кашки!
К солнцу тянут головки ромашки.
Там богата земля плодородная,
Плуг шутя черноземом ворочает.
Под косою хрустит трава сочная,
Как арбуз переспелый, песочный.
Там до ночи все слышится пение —
Голосисты на диво украинцы,
Чернобровые девки-красавицы
Парубкам под луной улыбаются.
Ночью спят под стогами душистыми
Мужики, кожухами укрытые.
Ярки звезды ночами прекрасными,
Красны зори там утрами ясными.
Никогда не забуду Україну.
Детства дней золотых, там проведенных,
Хоть давно нахожусь я в скитании,
Сердцу дорого воспоминание.

1959 г.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Змейкой извилистой вьется чрез поле тропинка,
Утром повсюду росы серебристой слезинки...

Холм в отдалении, на нем у высокого клена
Мельница старая, хмелем обвита зеленым.

В ярких лучах восходящего солнца красивы
Даже лопух и репейник, и дебри крапивы.

Ласточки, голуби в дырах разваленной крыши,
Ласковый ветер разбитые крылья колышет.

Мирное зрелище — старая мельница, светом
Яркого солнца залита она и согрета.

Ждет она ночи, а ночью она превратится
В страшную, черную, злую чудовище-птицу.

Из-под дырявой, погнувшейся, сломанной крыши
С шумом взлетают на воздух летучие мыши.

Что-то сверкает во мраке подобно алмазам,
Филина это два ярких недремлющих глаза.

Ветер врывается в окон отверстые очи,
Мнится, что кто-то внутри иступленно хохочет,

Кто-то рыдает, и хлопает кто-то в ладоши...
Мельница ночью страшна запоздалым прохожим.

Кажется, хочет подняться чудовище-птица,
Хочет крылами взмахнуть и за тучами скрыться.

Лишь когда солнце целует всю землю влюбленно,
Снова стоит она мирно у старого клена.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Я в детстве любила ногами босыми
По мокрому лугу бежать
И раннее солнце с лучами косыми
На лоне природы встречать.

Глядеть, как сверкают на солнце росинки,
Сбивать их с деревьев, кустов,
Сплести из ромашек венки и в корзинку
Нарвать всевозможных цветов:

Вот розовый клевер, вот лютики, кашка,
Вот мак полевой, васильки,
Степной колокольчик склонился к ромашке
Целует ее лепестки...

Я в детстве любила на самой верхушке
Черемухи старой сидеть.
На поле, на лес под соломой избушки
На небо и землю глядеть.

А небо так сине, земля так прекрасна,
На сердце ни тени забот.
Ничто не тревожит, ничто не опасно,
Беспечно глядишь лишь вперед.

Любила в траве по колено высокой
Лежать и на небо глядеть.
Мечтать, что на облачке легком далеко,
Далеко смогу улететь.

Любила забраться в малинник. Плод сладкий
Без счету пихать себе в рот.
До тех пор, пока не покажется гадким,
Пока разболится живот.

Я в детстве любила ходить за грибами
В дубняк на холме, возле рва,
Искать землянику в траве между пнями,
Лесные цветы собирать.

В жару, когда воздух дрожит раскаленный,
Любила купаться в пруду.
Любила в траве шелковистой, зеленой
Заснуть под черешней в саду.

Любила подолгу глядеть с восхищением
На звездное небо в ночи,
Любила внимать деревенскому пенью,
Что так задушевно звучит.

А в дождь, в непогоду, взобравшись, бывало,
На жесткий сундук под стеной,
Я с жадностью книгу за книгой читала
Под ветра чарующий вой.

Действительно, было то время иль, может,
Оно лишь приснилось во сне?
Зачем же тогда мою память тревожит
И дух мой волнует во мне?

Я все по-иному теперь понимаю,
На жизнь по-иному смотрю,
Но детства беспечные дни вспоминая,
Тихонько молитву творю.

Мне хочется так же беспечно по-детски
У ног Иисуса сидеть.
И с духа высот, как с черемухи в детстве,
С любовью на землю глядеть.

ШКОЛА

Проболев за малым исключением почти все годы моего дошкольного возраста, я была хилым, худеньким ребенком, и даже поездки на лето в деревню не прибавили мне веса и силы. Меня всегда укачивало в поездах и автобусах, и я не любила отлучаться от дома и мамы.

Мои первые два года школы мы жили еще на 16-й линии в Сталино, но я не помню, где была эта школа, только помню, что ужасно дичилась и стеснялась всего и всех и в первый же день принесла домой головных вшей, выводить которых было не так-то просто. К тому же еще, получив первую библиотечную книжечку о цыпленке, я упала с нею в лужу и замарала и книжку, и пальтишко, которое во вторую смену надевала в школу моя сестра Ира.

Советская школа была местом не только просвещения, но и политической пропаганды. Идеологию вдалбливали с первых дней учебы. Революция и гражданская война были свежи в памяти населения. Песни, которым нас учили, все были еще революционными, партизанскими или связанными с гражданской войной: «По долинам и по взгорьям», «Шел отряд по берегу...» (про Щорса), «Дан приказ ему на запад...» и многие другие. Первые звуковые кинофильмы тоже были либо о революции, либо о партизанах, либо о гражданской войне. На «Чапаева» ходили по десять раз и садились почему-то в первом ряду, носом в экран. Как только открывались двери, дети табуном неслись вперед. Аппарат трещал громко, пленка часто рвалась, и тогда все начинали топтать ногами и орать на механиков «сапожники!», а когда снова гас свет и возобновлялся треск аппарата, все громко аплодировали от радости.

Ходить на просмотр этих кинофильмов нужно было обязательно, так как перед их началом нас учили новым песням того же политически-патриотического характера. Иногда просто все пели «Интернационал».

О каких-либо возражениях и отказах не могло быть и речи. Выражение «политически инкоррект», такое популярное сегодня в США, было хорошо известно нам в то

*Средняя школа
в Сталино*

*В классе с соучениками
и учительницей украинского языка*

*Я в 10 лет. В начальной
школе на руднике*

Лина Алексева

Я в 12 лет

Соученик Борис К.

Дом соседей

Моя улица

Моя кузина Таня спрашивает о нашем доме...

Первое посещение родины, 1989 г.

*Осевший террикон
папиной шахты*

*Дом на руднике,
осевший «глей» вдали*

На месте дома, где я родилась, — плакучая ива...

*Последнее место проживания
в Сталино. Квартира
на третьем этаже*

Посещение родины, 1989 г.

Павильон в сквере возле нашего последнего дома

Наш последний дом с тыльной стороны

Универмаг

Посещение родины, 1989 г.

время. Идти можно было только «в ногу», или, как писал Маяковский: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!»

Как я уже сказала раньше, все церкви и собрания в нашем городе были закрыты. Некоторые здания были разрушены или взорваны. Другие были превращены в «красные уголки» или склады. Более видные — в музеи антирелигиозной пропаганды. Мы даже не знали, что такое церковь.

У соседей висели еще иконы, и я, помню, спрашивала маму, для чего они и что с ними делают. Священников православные приглашали тайно окрестить детей, но все это скоро прекратилось. Ходило шуточное повествование о попе-лудильщике или паяльщике, который, толкая свою тележку по улицам, кричал: «А вот! А вот! Чинить, паять, чинить, паять!.. (а потом тише)... крестить, венчать... Венчать, крестить и хоронить». Но шутки шутками, а вокруг бывших церквушек могилки поросли бурьяном, кресты покосились, а то и вовсе упали...

Преклонение перед вождями было подобно идолопоклонству. Заменяв собою истинного Бога, эти идола принимали почести и поклонения без зазрения совести. Появились серии песен, посвященных «вождю народов» и «корифею наук» товарищу Сталину. Босые и голые, голодные и холодные, с одним пальто на двоих, мы должны были благодарить его «за наше счастливое детство». Нам внушали, что благодаря дневной и ночной заботе товарища Сталина и его партии мы самые счастливые дети на земле. Безбожные куплеты пелись с большим энтузиазмом: «Пионеры, в Бога вы не верите, а где ваше Рождество? Наше Рождество снегом занесло, вот где наше Рождество» и так далее о всех остальных христианских праздниках. Также стишки вроде: «Дядя Ленин дорогой, ты лежишь в земле сырой. Как мы только подрастем, в твою партию пойдем», заучивались наизусть с первого класса. Или еще: «Бога нет, про то мы знаем. Боги — выдумка попов, их приятелей буржуев, фабрикантов, кулаков». Все было построено на классовой ненависти, кровавой

мести, политической корректности и теории эволюции Дарвина.

Вот в такую атмосферу окунулась я прямо от маминой юбки, и с этим багажом мы приходили домой к страху и ужасу наших верующих родителей. К тому же вожатые в школе советовали нам доносить на таких родителей и грозили забрать нас от них, если их «вредное» религиозное влияние дома будет продолжаться.

Вскоре с нами было невозможно спорить, мы «все знали», а наши родители представляли отсталые пережитки прошлого... Бедная мама перестала «метать бисер перед свиньями» и только усерднее молилась о всех нас.

Программа обучения была строго академической, готовящей к высшему образованию, но не все справлялись с ней, и пришлось открыть ремесленные училища, ведь не все могут быть интеллигентами и профессорами, кому-то нужно и у станка стоять, по польской поговорке «когда все паны, некому свиней пасти».

При таком строго академическом образовании в школе, начитанности дома и высокоинтеллигентных родителей в нас был заложен прочный фундамент для интеллектуального и культурного развития. Духовный фундамент тоже был заложен отцом и мамой, только он на время исчез из виду под наслоениями всего того отвратительного нового, чем пичкала нас тогда наряду с просвещением школа.

Училась я хорошо, на «отлично» и получала похвальные грамоты. Любила русский и украинский языки и литературу. На школьных вечерах («кострах») часто декламировала длинные стихи и поэмы на злобу дня.

Была смелой и никогда не боялась публики. Участвовала также в выпусках стенной газеты, проявляя свой ранний дар писать стихи и прозу.

Другими любимыми предметами были история и география и, как ни странно, геометрия. Я любила рисовать и чертить. Это было у меня от папы. Что-то нужно же было унаследовать и от отца!

Вторая мировая война забрала у всех нас самые лучшие годы жизни — нашу молодость, но мы наवरстали поте-

рянное позже, уже на западе, и стали достойными и полезными гражданами в «плавильне» Америки.

Посеянные родителями живое духовное семя тоже в свое время принесло плод, о чем я подробно расскажу позже...

Отец окончил учебу в горном институте в 1936 году и нам «дали» квартиру на руднике за речкой прямо рядом с шахтой, на которой он работал. Квартиры давали и отнимали по решению партийного начальства. Нам выдали также мебель со склада шахты, конечно, не новую, а взятую у кого-то, кто либо впал в немилость, либо был куда-то переведен. Диван и кровати были полны клопов, война с которыми не прекращалась все годы нашей жизни в этой квартире.

Мне было десять лет, когда мы переехали на рудник Калиновка (до этого Рыковка, но Рыков оказался «врагом народа», и рудник переименовали). Меня зарегистрировали в местной четырехгодичной школе (бывшей приходской). Неподалеку от школы стояла заколоченная досками церквушка с облупленной штукатуркой и остатками росписей на потолке. Я заглядывала в окна и щели этого таинственного здания и не могла понять, почему оно в таком запустении. В бывшем домике священника была контора школы. В единственной классной комнатке помещалось около 30 учащихся. Я ходила туда пешком, так как мы жили вблизи, разделенные только трамвайной линией. Мои сестры были старше и учились в городе, куда добирались на трамвае.

Через два года я присоединилась к ним в их десятилетке. Учителя и многие ученики были евреи из недавно закрытой еврейской школы.

За нашей шахтой простирался рабочий район под названием «Шанхай», возможно, что там когда-то жили китайцы, которых на руднике было немало. Это были ряды кирпичных домиков на узеньких улочках с «отхожими домиками» с выдвигаемыми ящиками для ассенизаторов в конце каждой улочки прямо посередине поселка, на самой широкой из них. Для того чтобы попасть в парк с иронически громким названием «Парк культуры и отдыха» за

поселком, нужно было пройти «сквозь строй» этих «домиков» с переполненными ящиками, угрожающими поселку извержением типа Везувия в дни гибели Помпеи и Геркуланума...

Ассенизаторами были татары-мусульмане. Если работа заставляла их на закате солнца, они тут же рядом, на фоне этой неприглядной картины из отхожих мест и своих бочек, расстилали коврик и склонялись лицом на восток для молитвы...

Наша квартира была одной из шести в двухэтажном доме, каких было два неподалеку друг от друга и в которых жил технический персонал шахты и вообще «элита» из учителей и врачей.

Несмотря на заселение квартир такими «престижными» жильцами, никто не позаботился об их санитарных условиях. В квартирах были ваннные чуланчики — без туалетов! Над ванной висел бак, вода в котором нагревалась при помощи змеевика в кухонной печке (удивительное изобретение!), а «туалеты» были теми же шанхайскими «отхожими домиками» за рядом сараев перед домами. При этом сараи служили также и летними кухнями. Все удобно, все близко, чего вам еще нужно?

В маленькой квадратной кухне был водопровод, но грязная вода из квартир текла в сливные ямы с деревянными крышками под окнами дома. Канализации на руднике еще не было, но зато было паровое отопление! Горячую воду подавала маленькая котельная в подвале дома. Котел топил дежурный истопник. На радиаторах в квартире мы сушили зимой свои единственные школьные платья и ленточки для косичек, так как то и другое стиралось руками вечером и должно было высохнуть до утра. В подвале, часть которого занимала котельная, были также шесть отгороженных друг от друга погребков для каждой квартиры, где можно было хранить запасы на зиму: картофель, лук, разные другие овощи и бочонки с квашеной капустой, огурцами и помидорами.

Нужно сказать, что наш индустриальный район неплохо снабжался продуктами. Осенью к шахте подгоняли вагоны

с овощами для засола. В единственной продуктовой лавке на руднике всегда были хлеб, селедка в бочках, килька, масло, сахар, мука и другие необходимые на каждый день продукты. Для всего остального в центре города был гастроном, кондитерские и, как я уже говорила раньше, открытый рынок.

Второй рабочий поселок в новом «бесклассовом» обществе простирался за нашими домами. Там жили рабочие и десятники шахты в убогих двухкомнатных домиках без водопроводов, ванн и туалетов и с земляным полом. Там жила моя подруга Олимпиада Алексеева (Липа), дочь десятника шахты, всегда пьяного и развратного мужика, приволившего своих подруг прямо в присутствии жены в дом и требовавшего, чтобы она обслуживала их у стола во дворе. Старшая сестра Липы была от другого брака матери. Она работала на шахте и была девицей легкого поведения. Мать Липы готовила холодец из коровьей требухи (желудка), и я помню тот неаппетитный запах, который разносился по всей округе.

«Отхожее место» у этого класса рабочих было прямо в сарае, где не было никакого пола и можно было лопаткой копать себе ямку и засыпать ее потом, как учили солдат на фронте...

Напротив окна нашей детской спальни стоял электрический столб с фонарем на нем и «удобным» выключателем на уровне детских глаз.

Весной 1940 года, когда мне было 13 лет (14 исполнилось осенью), я была однажды сама дома. Папа уехал с Ирой в Гомель к своей сестре Кате Ивашко, Лида была в Люботине у тети Кати Романовой, а мама давала кому-то уроки в городе. Помню, я постирала в тазике какие-то свои личные вещички и решила протянуть веревку от дома к столбу, так как постоянных веревок нигде не было. За день до этого была гроза и все были рады солнцу.

Став босыми ногами на два куска рельс, подпиравших столб, я обвила его правой рукой, держа в левой веревку. Вдруг что-то вонзилось мне в палец и по всему телу пошел электрический ток. У меня потемнело в глазах и все,

что я слышала, это сильный стук своего сердца, боровшегося за сохранение моей молодой жизни. Угасающим взором я все еще смогла рассмотреть неподалеку возле дома ребят на скамейке, которые почему-то громко смеялись... Оказалось, что в своей предсмертной агонии я обмочилась...

Потом все исчезло... меня убило током! Я прошла все стадии умирания, и когда уже казалось, что всему пришел конец, я вдруг оказалась на земле на ногах и в сознании. Переставляя ноги, как робот, не сгибая колени, я пошла в дом, обмылась, посмотрела в зеркало и увидела призрак, бледный, как сама смерть, с черными кругами под глазами. Меня трясло от шока, но, к счастью, вскоре пришла мама. Она расспросила меня о случившемся и, увидев на моем пальце электрический ожог, перевязала мне руку. Эти ожоги очень долго заживают, но я была жива!

Мы тут же решили переставить мою кровать так, чтобы я не видела этот злосчастный столб, который я потом еще долгое время обходила десятой дорогой и вообще всю последующую жизнь боялась электричества и не могла смотреть, как люди работают с проводами. Чуть позже после этого события приехал дядя Алеша. Он был по своим делам в нашем городе и решил навестить нас. «А ты что тут делаешь? — спросил он, — ведь Лида в Люботине, поезжай-ка и ты со мной туда».

Я радостно согласилась, а мама охотно отпустила меня. Это было нашим последним летом в деревне. Мне было почти 14 лет, Тале — 15, а Лиде — 17. Мы были уже развившиеся девушки.

Помню, однажды Лида и Таля из-за чего-то поссорились, кто-то кого-то обидел, а я не любила ссор и сидела в углу и ревела. Вдруг пришла тетя Катя. «А ты чего реवेशь? — спросила она, — ведь ты ни в чем не провинилась. А ну-ка собирайтесь, поедем в Харьков к фотографу и снимемся вместе на память».

Мы приоделись, и хотя у меня в одном глазу был конъюнктивит, и я была не в лучшей форме для снимков, я все же

присоединилась к остальным, предчувствуя, что это наш последний раз вместе...

Тучи собирались на горизонте. Гитлер был уже в Польше. Какой-то дальний родственник мамы появился у нас на пороге, очевидно, присланный к нам бабушкой Фаней из Польши. Нам ничего не объясняли. Мы не знали ни бабушки, ни даже того, что наша мама по происхождению еврейка...

Приехали в город странные, по-европейски одетые поляки (или евреи?), чтобы устроиться на работу в шахтах, спасая свою жизнь бегством от наступающих захватчиков. Надвигалось что-то грозное, страшное...

ЛИПКА

Вспоминаю с невольной улыбкою
Ту, что запросто звали мы Липкою.

Мы сидели за партою рядом
С Алексеевой Олимпиадой.

Нос курносый и щеки в веснушках
Были яркой приметой подружки.

Смех задорный и голос был звонкий
У простой этой русской девчонки.

Мы могли говорить с ней часами,
А о чем, мы не знали и сами.

О политике, фильмах и книгах,
О провалах в учебе и сдвигах.

Обо всем было твердое мнение.
Вот как только закончим учење,

Мы на северный полюс уедем,
Где олени, моржи и медведи.

И из глины липучей (не мы ли?)
С ней плавучую льдину слепили.

И на белой поверхности гладкой
Прицепили флажок над палаткой.

Нам война перепутала планы,
Я уехала в дальние страны...

И в стране, где растут эвкалипты,
Помню шустрюю девочку Липку,

Ту, что в детстве была мне отрадой
Алексееву Олимпиаду.

1965 г.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО

Наши родители были лишены христианского общения со времени закрытия всех общин и ареста их руководителей. Отыскать истинно верующего было почти невозможно. Люди боялись друг друга и никто никому не доверял. Аресты были повальными. «Черный ворон» увозил каждую ночь кого-нибудь, оставляя растерянных жен и испуганных детей, которых тоже иногда забирали и помещали в закрытые детдома подальше от «вредного» влияния верующих родителей.

В такое вот время, где-то в начале тридцатых годов, власти открыли в нашем городе «Торгсин» (торговля с иностранцами), чтобы не только обзавестись иностранной валютой, но и выведать, у кого есть родственники за границей. В этом магазине можно было купить то, чего не было в других. Этот хитрый трюк сработал. В «Торгсин» потекли струйки тех, у кого были иностранные денежные переводы.

Поскольку и наша семья имела родственников за границей и жила в страшной нужде, бабушка время от времени присылала нам кое-что из Польши, вроде теплого нижнего белья, шерстяных шапочек и кашне, а тут вдруг открылась возможность перевести немного «злотых».

Мама пошла в «Торгсин» со своим богатством, выбрала кое-что из продуктов и пошла к кассе платить за них. В окошке сидел средних лет человек, прекрасно объясняющийся по-немецки. Это был, по сути, мамин родной язык, когда ее семья приехала в Одессу для миссионерской работы ее отца. Русский стал вторым, а другие иностранные языки были добавлены к этим двум через частные уроки и университет.

Не в силах сдержать свою радость, она разговорилась с этим человеком, почему-то чувствуя, что ему можно доверять. Так началась многолетняя дружба с менонитской семьей Диков. Оказалось, что в своих поездках по менонитским деревням мамин отец, пастор Леон Розенберг, близко познакомился с отцом жены кассира «Торгсина»,

Агнессы Давидовны Дик, и даже одно время вместе с ним проводил евангелизационную работу.

Как только контакт был установлен и мама поняла, что она наконец нашла верующую семью, с которой она может общаться, наши семьи стали неразлучными. У них тоже было три девочки немного старше нас, но младшая была всего на год старше меня.

Когда-то эта менонитская семья была весьма зажиточной, но новая власть раскулачила их и они оказались почти на самом дне нового общества. Они жили на Ларенке, заводском районе Сталино, в самом крайнем углу такого двора-мешка, каким был и наш двор. Под окнами их спальни была общая уборная. Однако, будучи немцами, они сохранили свой уголок таким уютным и чистым, что из него не хотелось уходить.

Родители Агнессы Давидовны жили неподалеку на Собачевке, в землянке, с их внуком Оскаром, и так как они часто посещали их дочь, мы тоже имели возможность познакомиться с этими благочестивыми старичками. Бабушка была совершенно глухая, и однажды, отправившись пешком к дочке, попала под трамвай. Ее подхватил скотосбрасыватель и кто-то доставил ее к дочери. Она не долго прожила после этого, не выдержав удара и сотрясения, и умерла на руках своей дочери в их уютной квартирке.

Вскоре отец этой верующей семьи, которого звали Абрам Абрамович (у менонитов часто бывали библейские имена) был арестован и сослан на дальний север за то, что не пожелал доносить КГБ на своих покупателей. То есть короче, отказался сотрудничать. Ему дали 10 лет без права переписки, как это было со всеми политарестантами.

Мама продолжала дружить с его женой, а мы — с их дочками. Агнесса Давидовна работала в библиотеке, старшая дочь, тоже Агнесса (Нюся), училась в медицинском институте, средняя, Эрна — на курсах медсестер, а младшая, Мета, училась еще в средней школе.

К студентке мединститута Нюсе приходил ее соученик и друг Вася Шагаров. Он был немного старше нее и, по моему, успел окончить институт до начала войны в 1941 году.

У Диков. Их семья и мы с мамой

Дики в Казахстане

Шагаровы, Вася и Нюся, и я в Канаде

Я видела их вместе и мне они казались влюбленной парочкой.

Когда гитлеровская армия приблизилась к нашим границам и местами перешла их, все студенты были увезены на рытье противотанковых рвов где-то у Днепра. Нюся, Вася и наша Лида, которая тоже уже училась в педагогическом институте на физико-математическом факультете, все были увезены на эту работу.

Мы все ощущали что-то грозное, но обладая только отечественной пропагандой, не могли разобраться, в чем дело.

Пока студенты отсутствовали, власти начали выселять всех немцев, и семья Нюси была отправлена в Казахстан. Им не позволили ожидать возвращения дочери с окопов. Когда же студенты возвратились, у Нюси не было встречающей ее семьи. Она обратилась к тете Жене (нашей маме) за советом и кровом. Но как только нацисты захватили город, она расписалась с Васей и он увез ее к своим родным в Мелитополь. Мы потеряли их из виду на последующие два года — весь срок немецкой оккупации. Перед отъездом она отдала нам две деревянные кровати с изразцово гнутыми спинками, мебель ее родителей.

Нам казалось, что разлука с Диками была окончательной, но она оказалась сравнительно короткой, по крайней мере с некоторыми членами этой семьи. Нам было суждено остаться пожизненно друзьями и даже породниться годы спустя. Я вернусь к нашей дружбе с этой семьей, а пока возвращусь в 1940 год, где я остановилась на нашем последнем лете в Люботине на хуторе Любовка.

ПРИБАВЛЕНИЕ СЕМЕЙСТВА

К концу 1940 года мы начали замечать перемену в нашей маме. Она, казалось, прибавила в весе... Оказалось, что она ожидала ребенка. Ей был 41 год, Лиде — 17, Ире — 16, а мне — 14 лет!

Поначалу идея появления младенца в нашем устоявшемся семействе показалась нам дикой, но постепенно мы смирились с ней, тем более что процесс был необратимым. Родители надеялись на рождение сына, но если это будет опять девочка, ее назовут Катей. Мы тут же сочинили для нее песню на мотив «Катюши» и приготoвились исполнить ее хором, как только девочку привезут домой из больницы. Для мальчика у нас ничего не было готово...

Рождение состоялось 14 января 1941 года. Папа помчался на трамвае в клинику и начал читать вывеску с полом новорожденных. В списке была наша фамилия и даже слово «мальчик», только имя родившей его матери было Дарья, а не Евгения. Бедный папа был огорчен, хотя с другой стороны был рад найти редкую однофамилицу.

Рядом с маминым именем четко стояло «девочка». Ее называли Катериной в честь папиной родной сестры. Наша песня на мотив «Катюши» была очень к месту, когда ребенка привезли домой и положили в кроватку возле маминой постели.

Начало жизни с ребенком не было очень гладким. У Кати образовался на затылочке нарыв, а у мамы — мастит груди, и их пришлось снова отправить на несколько недель в больницу. Когда они возвратились, была ранняя весна — начало марта — и страна готовилась к возможным бомбардировкам. Нацисты были в Польше с 1939 года и успели уже захватить половину Европы. Сталин подписал с Гитлером (тайный) договор о ненападении в знак взаимного доверия друг другу, и советские войска вошли в несколько приграничных славянских стран, воображая, что теперь им ничего не грозит.

В школе нас учили стрелять, бросать гранаты и обезвреживать невзорвавшиеся бомбы. Нам показывали, как их нужно «остороженько» брать специальными щипцами и что-то там отвинчивать, но у меня от одной мысли о вероятности этого проходил мороз по коже. Ночами мы практиковали бегство в бомбоубежища (просто в наш подвал), где мы пели патриотические песни вроде «Если завтра война...» или «Нам чужой земли не надо и своей не отдадим»,

Мама с Катей

Лида с Катей

*Последние дни в Сталино:
Лида, мама с Катей и я*

или «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

Мы все ожидали чего-то страшного и надежды на «бронепоезд на запасном пути» было, откровенно говоря, очень мало.

ВОЙНА

К концу лета 1941 года местные коммунисты начали готовиться к отступлению. Стратегия «выжженной земли» применялась ко всему, что могло быть полезным наступающему врагу. Правительству было известно то, о чем народ мог только догадываться. Ответственные лица начали эвакуировать свои семьи, и руководство шахты предложило эвакуацию и нашей семье только в открытых угольных вагонах с теплушками и почти без провианта. Папе выдали где-то на каком-то складе ящик макарон и мешок ржаных сухарей. Никаких других запасов у нас тогда не было.

Приближалась осень, и наши родители быстро взвесили ситуацию: нас повезут неизвестно куда за Урал, с нашими жалкими пожитками и еще более жалкой провизией и ребенком еще у маминой груди. Они помолились и решили остаться, будь что будет, положившись на волю Божию.

Вскоре все местные шахты были взорваны и затоплены водой. Магазины и склады были почти полностью опустошены. Коммунисты исчезли. Наступил период безвластия, который продолжался несколько недель. Народ бросился грабить все оставшееся на складах, в магазинах и даже на фабриках и заводах. На одной мебельной фабрике были ящики с гвоздями и винтами, а на заводе безалкогольных напитков были еще запасы патоки и сиропов. Мы присоединились к грабителям и принесли домой кучу гвоздей и винтиков и немного патоки. Лида накопила в соседнем огороде корзинку сахарной свеклы и мешочек лука. Кто-то дал папе кусочек протухлого, «ёлкого» сала и у мамы в кладовой в гусятнице была какая-то жареная птица, не

то гусь, не то курица. С таким запасом продуктов мы вступили в первую голодную зиму войны.

Наш шестиквартирный дом быстро опустел. «Элита» эвакуировалась, и мама решила, что было бы не мудро оставаться в большом пустом доме. Схватив наш дверной ключ, она помчалась искать для нас другое жилище. Пустых квартир было много. Ключ подошел к первой же квартире, в двери которой она его сунула. Это была квартира бывшего начальника милиции в расположенном напротив нашего дома поселке, состоящем из двухквартирных домиков с сарайчиками и огородиками. У домиков была общая тыльная стена. Как многие другие строительные проекты молодого Советского Союза, этот тоже был незаконченным. В квартирке был чуланчик для уборной, но не было самого главного — раковины для умывания и унитаза... а на дворе не было даже нужного «домика». Отхожим местом должен был служить сарай, как у моей подруги Липы в их рабочем поселке. Но раздумывать и выбирать было поздно, и мы поспешно вселились в это новое временное жилище.

В квартире было две разной площади комнаты и кухня. Меньшую комнату мы оборудовали под гостиную, а большую — под общую для всех нас спальню. Туда были поставлены две, полученные от Диков в наследство кровати: кровать для Катюши и две узкие кровати для меня и Лиды. На одной из сравнительно широких кроватей спали родители, на второй спала Ира, а мы с Лидой ютились под стенками в разных концах комнаты на своих узких кроватях.

Надвигающиеся трудности и мытарства не были чем-то новым для наших родителей. Еще детьми они пережили первую (неудачную) большевистскую революцию 1905 года, еврейские погромы в Одессе во время миссионерского служения там отца мамы в 1906 году, в более зрелом возрасте — три года Первой мировой войны (1914—1917), вторую (удавшуюся) революцию (1917—1918) с последовавшей за нею трехлетней гражданской войной, с голодом, эпидемиями и грабежами (1918—1921). С тех пор

прошло только 20 лет, полных нужды и беды с закрытием церквей, запрещением и полной отменой Бога и всякого рода религии, бесконечными репрессиями, арестами, ссылками, политическими процессами и чистками.

Новый режим еще боролся за свое существование за закрытыми границами, заглушенными радиоволнами из внешнего мира из страха перед «капиталистической пропагандой», которая могла бы ввести народ «в заблуждение», подорвать авторитет новой власти политбюро и коммунистической партии и подвергнуть весь «эксперимент» опасности провала, что и произошло несколько десятилетий позже.

В октябре 1941 года можно было ясно слышать отдаленный грохот канонады и слухи о том, что немцы не только у наших границ, но на подступах к нашему городу. Небо было красным не от заката, а от сражений, которые бушевали где-то очень близко. Потом в один ужасный день по нашему району прошел отряд австрийских офицеров с записными книжками в руках. Они обошли все дома и квартиры и вносили в свои книжечки, где и сколько солдат можно будет разместить, когда войска возьмут город. Мы поняли, что захват не за горами.

Когда двое австрийских офицеров в темно-зеленой форме вошли к нам в дом, их поразило приветствие нашей мамы на чистом немецком языке: «Grüss Gott!» Их диалект был другим, но приветствие было типично австрийским.

Наконец, несколько дней спустя, по району разнесся крик: «Они здесь! Немцы здесь!» Многие побежали к главной дороге встречать чужеземцев на нашей земле. Я тоже помчалась к моей подруге Ане Гулевской, которая жила в доме с окнами в сторону главного шоссе, по которому уже шли немецкие войска. Это было незабываемое зрелище: пехотинцы в зеленой форме шли, согнувшись под тяжестью своей солдатской ноши, стуча по мостовой сапогами, подбитыми гвоздями с круглыми выпуклыми шляпками. Их было слышно на много улиц вокруг. Они разбивались на группы и направлялись на приготовленные им заранее для ночлега места: самые крупные здания и жилые дома,

включая и наш бывший дом из шести квартир. Это были фронтовики, и утром им нужно было двигаться дальше.

Несколько солдат вошли во двор моей подруги и начали мыться под краном посреди двора. Некоторые мылись из ведер. Я стояла и смотрела широко раскрытыми от удивления глазами. Ничего подобного мне никогда даже не снилось. Мне было 15 лет и из истории я знала, что со времен нашествия Наполеона на нашу землю не ступала чужая нога. А тут были иностранные солдаты прямо у нас в городе!

Они маршировали много дней и были грязные, голодные и усталые. На захват Украины от Киева до нашего города ушло всего три недели. Два миллиона советских пленных шли под конвоем с ними. Целая армия сдалась немцам в первые три месяца войны, а нам внушали через песни, что, «как один человек, весь советский народ за свободную родину встанет». Он не только не встал, но сдавался и в некоторых местностях встречал немецкое войско с цветами и хлебом-солью в надежде, что пришли избавители от коммунизма...

После ушедшей на фронт пехоты пришли части авиации в серой форме. Этих ребят расквартировали у нас в домах и квартирах.

Возвратившись домой от подруги, я обнаружила у нас молодого немецкого унтер-офицера. Он занял ту комнатку, которую мы называли гостиной. Мы теснились в спальне и кухне. Мама, которая знала немецкий язык с детства, приветствовала гостя на чистом немецком языке, что его немало удивило. Он был так далеко от дома!

Он не был приветлив с нами, потому что немецким солдатам, а тем более офицерам, не разрешали сближаться со славянскими «унтерменшен», но, увидев в кухне на высоком стульчике ребенка, он начал оставлять часть своей порции супа в котелке и в таком виде давал маме «помыть», полагая, что она не выльет суп, а накормит им ребенка. Возможно, у него были дома маленькие дети. Мы же не забыли этой, плохо замаскированной доброты.

Помимо этой малой доброты, нам было мало пользы от того, что у нас жил немец. В доме не было ни электричества,

ни воды в кранах. Эти услуги прекратились с отступлением коммунистов. Зима наступила уже в ноябре 1941 года и была самой холодной за все время оккупации. Водопроводные трубы полопались и люди начали рыть колодцы в попытке добраться до грунтовой воды. Колодец неподалеку от нас был мелкий, воду вычерпывали быстро и она не успевала набраться, была мутной, глинистой. Мы носили ее маме в ведрах на коромысле, скользя по льду в папиных сапогах. Это была единственная прочная обувь у нас в семье.

Эта первая зима оккупации была также и самой тяжелой для всего населения, а для нас особенно. Наши запасы быстро истощились, хотя к ним прибавился еще мешок подсолнечных семечек, который я принесла на своем 15-летнем горбу с поля за сорок километров от дома, куда я пошла с несколькими соседями. Колхозные поля стояли полные необранного урожая. Мы выбивали семечки из подсолнухов и наполняли ими свои мешки. Дорога домой казалась бесконечной, зато из почищенных семечек, смешанных с Лидиной сахарной свеклой или даже с кормовой брюквой, получались интересные, и, по-моему, питательные лепешки.

На базаре не было ничего путевого. Капуста и картошка были мерзлые и превращались при варке в слизь. Не было ни жиров, ни сладостей, ни приличной муки. Если удавалось раздобыть в деревне зерно, его мололи вручную, засыпая между двух консервных банок без дна, вставленных одна в другую и пробитых часто гвоздями, чтобы получилось подобие двусторонней терки с ручкой на внутренней банке. Голь на выдумки хитра. Чего только не придумывали, чтобы выжить в тот страшный год!

Коммунисты при отступлении подожгли зерновые элеваторы, и зерно еще дымилось, когда его спасали бывшие колхозники. Оно было черным как сажа, но его все равно мололи и из этой пропахшей дымом «муки» пекли «хлеб» с разными добавками из отрубей, кормовой свеклы и картофельной шелухи. Все шло. Все ели и, представьте себе, мы ни разу не болели все два с половиной года оккупации.

Божья невидимая рука по молитвам родителей и где-то в Польше бабушки и дедушки держала и вела нас, недостойных, намеченным Им путем.

Мы едва выживали на грани голода. Калории от нашей еды не грели тела, а дом был плохо отапливаемым единственной печкой в кухне. Хотя в стене между двумя комнатами было подобие голландской печки с квадратной пустотой над топкой, которую нечем было топить. Уголь был некачественный, перегоревший сам в себе, принесенный с куч вокруг шахты. Мы ломали забор по досточке, боясь разобрать его совсем, и подтапливали эту единственную топку между комнатами. Кошка спала в теплом квадрате над нею, а вечером туда «ныряла» по пояс мама. Папа любил острить и сказал, что у нашей мамы «уткнутовпечевый характер».

Наши кровати стояли под стенками, покрытыми льдом, а теплых ночных рубашек или пижам, ни даже одеял, не было. Помимо тонких байковых одеял мы укрывались всем, чем только можно было укрыться: ковриками, пальто, кофтами. Это наслоение мама называла «наполеоном», вспомнив, очевидно, свои чудесные слоеные пироги с тем же названием.

Добрая соседка с окраины нашего поселка приносила молоко для Кати, пока была жива ее корова, но вскоре корову пришлось зарезать, и молока не стало. Мама сохранила немного белых сухариков, которые она заливала теплым молоком и кормила этой «кашей» Катю, но Катя не ела корочки сухарей и мы с нетерпением ожидали конца ее кормления...

Кто-то однажды подложил нам под двери мешочек с манкой для Кати. Мы не знали, кто, но были благодарны за кашку, которую мама варила ребенку, а потом ожидали, кому из нас она разрешит выскрести и облизать мисочку.

У моей подруги Ани положение было лучше. У них были родственники в деревне и она была единственным ребенком, но когда мне как-то предложили поесть у них что-то очень нормальное и вкусное, я отказалась, помня свою голодную семью, и убежала домой в слезах.

*Период немецкой оккупации
Я и Липа. Нам 16 лет*

1942—1943 гг.

*Ребята из Никополя, проводившие нас
в дорогу...*

Друзья и соседи

Когда пришли немцы, Кате было 10 месяцев. Многие дети уже ходят в этом возрасте, но она начала ходить только в марте 1942 года в год и два месяца, держась за остатки забора.

При свете «коптилки» из фитилька, положенного в растопленное на блюде протухлое сало, мы ужинали лепешками из кормовой свеклы и плохо помолотого зерна. Уголь в печке едва тлел, поэтому воду почти невозможно было довести до кипения, чтобы сварить суп из раздобытых папой где-то конских ребер. Эти ребра напоминали нечто с поля битвы... На них не было мяса, но при варке они выдавали на поверхность кастрюли жиринки из остатков костного мозга в них. Мы были рады и этому «бульону» и жили одним днем в надежде на лучшее.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Как я уже сказала раньше, немцы взяли в плен более двух миллионов советских воинов только в первые три месяца войны. 300 тысяч (5 армий!) были окружены и взяты в плен только под Москвой, а убитых было к тому времени 150.000. К концу войны СССР потерял погибшими по разным причинам 12 миллионов человек! Нападение нацистов было внезапным, и целые армии и подразделения бежали, отступали или сдавались пачками врагу. Сталин отказался от своих военнопленных, даже от собственного сына, сказав, что у него «нет пленных, есть только предатели». Его сын был расстрелян в немецком плену.

Советский Союз не принадлежал как другие страны к Международному обществу Красного Креста. Из Кремля был дан приказ не сдаваться и не давать поймать себя живьем. Кончилось тем, что об этих военнопленных было просто некому заботиться. Их гнали, как скот, голодных и холодных перед или между частями наступающей немецкой армии, которая тогда на Украине по численности равнялась количеству пленных. В отличие от русских у немцев

не было бесконечных ресурсов мужского населения для восполнения потерь. Когда Советы потеряли под Москвой 300 тысяч человек пленными и 150 тысяч убитыми, они пригнали из Сибири почти столько же вооруженных до зубов и оснащенных всем необходимым новобранцев, и Москва так никогда и не была отдана врагам. Гитлер просчитался, повторив ошибку Наполеона...

Когда я впервые увидела колонну молодых людей, чуть старше меня, с небритыми, худыми, изможденными серыми лицами, в рваных шинелях и обмотках на ногах, у меня разрывалось от жалости сердце и я бежала за ними по улицам нашего рудника до Ларенки, чтобы посмотреть, куда же их поместят. Их загнали в местный парк, огородили все это место колючей проволокой и оставили так под открытым небом, хотя была уже поздняя осень и стояли утренние заморозки. Они были продрогшие и обезумевшие от голода. За проволокой лежаладохлая, замерзшая кобыла... Они прорвали проволоку и растерзали эту тушу на куски. Варить было негде, так что мерзлое мясо елось сырым. Большинство пленных вскоре умерло от голода и холода.

Когда спустя почти 50 лет мне удалось посетить родной город, я пошла посмотреть на этот парк. Там стоял обелиск с надписью: «Жертвам нацистского варварства». Чьего? Да, они были жертвами, но кто был большим варваром, тот ли, кто отрекся от них и обрек на верную смерть, или тот, кто захватил их в плен, не подумав о том, как он будет их всех кормить? Сталин или Гитлер? Или, может быть, оба?

Улицы нашего шахтерского поселка не были вымощены. Немцам нужно было везти на фронт тяжелые машины: танки, пушки, грузовики и полевые кухни. Весной, когда растаял снег, дороги стали непроходимыми. Пришлось заставить работать выживших пленных. Они должны были приготовить грунт, утрамбовать и засыпать, потом укатать рассыпанную на дорогах породу, доставленную грузовиками с терриконов шахт. Этого материала было больше чем достаточно.

Захватчики не могли сами прокормить пленных и поручили это дело голодному местному населению. Потрясала изобретательность местных женщин. Они рвали крапиву и лебеду, несли со своих огородов все, что само собой возшло на них от корней и семян прошлого урожая, и варили «зеленый борщ», полезный и полный витаминов, хотя и при очень малом количестве настоящего хлеба. Были только лепешки из черного как сажа с запахом дыма, грубо перемолотого, полусгоревшего в элеваторах зерна, которым пользовалось и все остальное население.

Мне тоже захотелось чем-нибудь помочь. Дом, в котором мы жили, не был нашим, но в огороде возле него кое-что проросло. Там было немного молодой морковки и зеленого лука. Я собрала все это и понесла на улицу нашим несчастным ребятам для супа. Еще у меня было немного табака из окурков нашего немецкого квартиранта. Табак был валютой, и мы тщательно собирали окурки, потрошили их в коробочку, авось пригодится. Но как только я поднесла зелень и табак к работающим на нашей улице пленным и один из них протянул руку, чтобы взять мой скромный дар, пожилой, низенький, на кривых ножках немецкий охранник из рабочего батальона начал колотить его прикладом своей винтовки. Пленный кричал: «Пан, не бей!», но тот ничего не слышал и стал угрожать еще и мне.

Эта встреча с нашими военнопленными не была последней, и каждый раз, когда я их встречала на родной земле, а позже и на чужой, мое сердце сжималось от боли и сострадания, ведь это были «наши ребята», оказавшиеся в трудных обстоятельствах. Позже у меня было то же чувство к другим военнопленным, особенно американцам, которые стали «нашими ребятами» в приютившей нас стране, но это было позже, намного позже...

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

1926 — 1976

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылось...
Я запомнила то, что полезным заполнила.
Остальное туманом забвенья покрылось.

Я запомнила случай... Тот год был особенным.
Я девчонкой была восемнадцатилетнею.
Дождь осенний лупил по дорожным колдобинам
И по спинам у пленных хлестал словно плетью...

Мне позволила жизнь улыбнуться тем пленникам,
Помахать им рукой, показать сострадание...
На них было клеймо: «Вы враги и изменники».
К ним улыбка моя не пришла с опозданием.

В каждом взоре печаль и тоска беспросветная.
Юность лиц не видна под щетиной небритую.
Но улыбка девчонки улыбку ответную
Все же вызвала в них... никогда не забытую.

Это мелочь, пустяк, но такими моментами
Наши лучшие годы земные отмечены.
Они высятся в сердце людей монументами,
Только их мы считаем святыми и вечными.

Все они в нашу память легли и остались —
Кто-то хлеба просил, кто-то слов утешения,
С кем-то мы навсегда на земле распрощались
И в слезах перед кем-то просили прощения.

Я запомнила год... В безысходном страдании
Мне явился Спаситель звездой путеводною,
Подарил мне спасение чрез покаяние
И бесплодную жизнь превратил в плодородную.

Я запомнила годы, что были полезными,
Что в служении ближнему были проведены —
Благодарные взгляды и руки любезные
Тех, кто были в болезни и горе проведаны.

Я запомнила годы великих возможностей,
Годы юности трудной и годы супружества,
Материнства блаженство и горестей множество,
Сладость близости кровной и близости дружеской.

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылось...
Слава Богу за часть, что полезным заполнила!
Слава Богу за жизнь, что в Христе мне открылась!

*Обелиск в Донецке. Снимок сделан в 1989 г.
во время первого посещения*

УРОДЛИВОЕ ЛИЦО НАЦИЗМА

Помимо зелени, которая прорастала в наших огородах, в нашем поселке начало «прорастать» и что-то совсем другое — ядовитое и страшное. Проходя однажды утром по улице, я увидела странное зрелище: на отворотах пальто или жакетов у некоторых людей была почему-то желтая звезда со словом «Jude» (еврей) на ней. Вскоре разнесся слух, что евреев для чего-то сгоняют в одно место за городом. Потом вышел указ сдать властям определенную сумму денег.

Евреи начали продавать на базаре свою домашнюю утварь, посуду, мебель... Люди покупали у них даже и то, что никому не было нужно, чтобы помочь им собрать требуемую сумму. Когда же это было сделано и власти сообразили, что деньги не имеют никакой ценности, был дан приказ сдать все драгоценности. Это тоже было исполнено в надежде на избавление местного еврейского населения от неминуемой смерти.

Спустя пару дней я увидела на стенах домов и на заборах странные надписи: «Бей жидов, спасай Россию!» Этот призыв не возникал со времени еврейских погромов начала двадцатого века. Как видно, не все сочувствовали катастрофическому положению евреев.

Моя соученица и подруга, еврейка Ида Каждан рассказала мне, что ее отца выволокли на улицу и избili сапогами нацисты. Все учителя и многие ученики в нашей школе были евреи и мы дружили с ними. Вопрос национальности никогда не стоял. Я тогда еще не знала, что наша мама тоже еврейского происхождения. В ее паспорте стояло «Евангельская христианка», каковой она и была на самом деле, но потому что ее отец, пастор и миссионер Леон Розенберг, был гоним за христианскую веру, был дважды арестован и потом выдворен из России, от нас тщательно скрывали эти подробности, чтобы мы не проболтались в школе и нас не отняли бы у родителей. Никто, кроме папы и его родственников, не знал истинной истории маминой семьи, а мы, даже если бы нам и объяснили что-нибудь, все равно бы ничего не поняли и только жили бы в постоянном страхе, уже одним этим выдавая свое происхождение. Наше незнание тогда спасло нам жизнь.

Картина «Вечный жид»

«ВЕЧНЫЙ ЖИД»

*«Не две ли малые птицы продаются за ассарий?
И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца
вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены.
Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц».*

(Матфея 10:29-31)

Мне говорить о том не хочется.
Я прогоняла мысли жуткие
Те, от которых сердце корчится,
И дрожь, и колики в желудке.
Я их гнала в подвалы памяти,
Хранила за семью печатями,
Но каждый год Израиль, как нанятый,
Те мысли будит с их печальями.
Со дня познания Спасителя
Вопрос терзал о совмещении
Слов, что «...и волосы сосчитаны...»,
С тем непонятным допущением...
Ведь нет у Господа случайностей,
Нет власти не в Его внимании.
Да, люди допускают крайности
Под сильным диавола влиянием,
Какого стать пришлось свидетелем
(Частично с опытным познанием)
В бессилии, присущем детям лишь
Перед угрозой наказания.
Весь мир молчал, за исключением
Немногих стран и добрых личностей.
Катился вал уничтожения,
Давя «ненужное» и «лишнее»...
Когда со свастикой нашествие
Однажды наводнило родину,
Непревзойденным было бедствие
И личное, и всенародное
Для тех, чей облик древний «Симовый»
Проглядывал в типичной внешности:

С горбинкой нос, глаза не синие,
Кудряшки на висках потешные...
Кого-то внешность та корежила
И доводила до истерики.
И шел «семит» от страха съезженный
По переулочкам и скверикам,
Звездою желтою отмеченный,
Путем для бегства перерезанным.
И выглядел тем «**жидом вечным**»,
Бегущим над бездонной бездною.
Одной могилой обеспеченный,
Попав ногой в капкан железный,
Беднее, чем сверчок запечный,
На вид став нищим и болезным.
Лишенный прав, защиты личности,
Он шел, смирившись, на закляние
Без адвоката, что вступился бы,
Иль дал пред казнью указания...
Он не увидел правосудия,
Когда в пустые шахты брошенный
Летел на дно в кровавый студень,
Одною пулею подкошенный.
Там жены, дети и родители
Уже лежали слой за слоем,
Друг друга кровию залитые
В могиле братской для изгоев...
Есть тайный смысл в любом страдании.
В любом гоненье — назначение.
Нет зла в Творившем мироздании!
И в этой вере **всем** спасение.
Нет, не ошибся Бог в избрании,
И не расторг завет Свой кровный.
Не спит Хранящий дом **Израиля**,
Хранит, ведет и в час суровый.
Я в память глубоко упрятала
Дней неприятных впечатления,
И верю: все то непонятное,
Понятным станет откровением,

Когда, придя в Небес обители,
Паду перед Святым Израилевым,
И встречу всех, кого обидели,
Кого избили и изранили.
Когда боялась вспоминать о том,
Когда смущали мысли страшные,
Вдали виднелся темный холм с Крестом
И Божий Сын с грехами нашими.

10 мая 2001 г.

Большинство наших соседей полагали, что мама — немка, так как она свободно говорила по-немецки и давала уроки немецкого языка. Аристократическое происхождение нашего отца тоже скрывалось от нас. Мы были с обеих сторон «политически неблагонадежными», так как и духовенство, и дворянство были тогда больше, чем не в моде.

Евреям поручили очистить местные больницы и тюрьмы от трупов, которые накопились там в моргах. Я бы не знала об этом, если бы не увидела все своими глазами. Как я уже упоминала раньше, окна дома моей подруги, Ани Гулевской, выходили на главную дорогу, мощенную булыжником, по которой немцы вошли в наш город. Однажды я была у нее в гостях и случайно выглянула в окно. Какой-то странный обоз медленно двигался по дороге, приближаясь к нам. Арба за арбой, наполненные чем-то бесформенным и непонятным, двигались к отдаленному пустырю. На козлах сидели евреи со своими желтыми звездами.

Я помчалась посмотреть поближе, что же это такое. Все еще не соображая, что это за странный обоз, я подошла вплотную и увидела горы полусгнивших голых трупов, набросанных в повозки как попало. Между планками торчали ноги, руки, головы. Мне в нос ударил страшный запах разложения, запах, какого я никогда не обоняла раньше и никогда не забывала потом. Прошли десятки лет, а эта картина все еще отчетливо стоит перед моими глазами.

Затопленные стволы шахт вскоре превратились в массовые могилы для казненных евреев, убиваемых только за то, что они евреи. Многих убивали и в других местах, но у нас большинство везли на крытых грузовиках в заброшенные шахты. Целые семьи исчезали под зорким оком нацистов. Местное население приглашали в свидетели этого варварского зрелища, но никто из нашей семьи не шел, и я дрожала от ужаса при одной мысли об этом.

Однажды, когда мимо нас везли грузовики с евреями к шахте, я услышала из одного из них свое имя: «Вера! Вера!» Я посмотрела в ту сторону и увидела из-под приподнятого брезентового полога лицо Иды Каждан. Ее семью везли на убой в злосчастную глубокую шахту, где одним выстрелом в затылок убивали взрослых и толкали вниз, а на младенцев и детей не тратили пуль. Их бросали в пропасть на глазах у матерей, которых потом убивали. Об этом я узнала от тех, кто ходил смотреть на это ужасное зрелище.

К счастью, некоторые евреи рано поняли, что их может ожидать под оккупацией нацистов, и бежали на восток — далеко за Урал. Некоторых эвакуировали подальше от фронта, но многие наивно верили, что им ничего не будет, пока уже стало поздно бежать и они все погибли.

После того как с еврейским вопросом было покончено, нацисты принялись за чистку местного населения, выискивая воров и партизан. Указом командования немецкой армии следовало стрелять на месте всякого, кто нанесет вред их солдату. За одного немецкого солдата можно было расстрелять все население улицы, где ему был нанесен вред. За мелкие кражи вешали и расстреливали без лишних разговоров.

Когда я впервые увидела публичное повешение, я прибежала домой в ужасе и три дня тряслась, как в лихорадке. Увидев расстрелянного под стеной универмага в луже крови, я долго не могла избавиться от этой сцены. Она мерещилась мне даже и во сне. Но когда эти казни стали частыми, и повешенных или расстрелянных можно было видеть почти каждый день, острота шока притупилась. К чему только не привыкает человек!

У всех казенных висела на шее табличка с указанием их преступления: украл ботинки или кусок мыла, или буханку хлеба и т. д.

Однажды вешали четверых на виселице в сквере напротив нашего последнего на родине жилища в центре города. Один из них был подростком моего возраста. Он умолял немецкого офицера не убивать его, но «бефель ист бефель» (приказ есть приказ), и его тут же вздернули вместе с остальными приговоренными.

Мое раннее знакомство с реальностью смерти помогло мне справляться с ужасными сценами вокруг. Но это было не все, с чем нам пришлось столкнуться и сжиться за два с лишним года немецкой оккупации. К сожалению, моральное разложение тоже было повсеместным. Мы увидели вещи, которых никогда бы не увидели в нормальное время в нашем возрасте. Местные молодые «соломенные вдовы» — жены русских и украинских фронтовиков, чуть не дрались за то, чтобы получить на квартиру немца, а потом охотно сожительствовали с офицерами и рядовыми солдатами в обмен на продукты питания и ширпотреб. За такими молоденькими девочками, какой была тогда я, немцы охотились, чтобы либо убедить, либо изнасиловать. Мне удалось три раза отбиться от попыток взять меня силой.

Приведу только один случай. Был поздний вечер, и я была дома одна. Ира и Лида работали где-то в городе, и мамы с папой тоже не было дома. Меня, как младшую, часто оставляли дома с Катюшей, которой было чуть больше года. Она спала в своей кроватке, когда я услышала гул мотора под окном. Дальше все произошло с молниеносной быстротой. Мы не запирали двери из-за немца на квартире. Его тоже не было дома. Вдруг кто-то открыл дверь. Полагая, что это кто-то из наших, я сначала даже не обернулась. Вошел здоровенный военный и, не раздумывая долго, схватил меня поперек туловища и стал толкать к кровати. Мои руки были выше его хватки. Догадываясь чисто инстинктивно об ужасной опасности, я выскользнула вниз из его «объятий» и вылетела пулей во двор. К тому

времени стало уже темно, и луна освещала половину стены дома. Вторая половина была в тени. Я прижалась к этой темной части спиной и затаила дыхание. Мне казалось, что мое сердце выскочит у меня из груди. Я боялась, что он услышит мое дыхание, когда он пробежал мимо меня с табуреткой в руках. «Невидимые руки» Господа, о которых я тогда еще ничего не знала, охраняли меня в тот момент. Взбешенный негодяй чудом не заметил меня, и вскоре я услышала звук отдаляющегося мотора.

Я прокралась в дом, чтобы посмотреть на Катю. Ведь он мог выместить свою злобу на ребенке, но он, видать, вообще не заметил ее, и она беззаботно проспала до утра.

Я была в самом расцвете молодости. В неполных 16 лет я была, как едва начинающий распускаться бутончик недурной наружности, а для оккупантов далеко от дома и семей я была, естественно, лакомым кусочком, но Господь дивно сохранил меня и моих сестер в это ужасное время и доставил всех нас нашим мужьям каждую в свое время в целостности и сохранности.

ПОХОД В ДЕРЕВНЮ

В декабре 1941 года, когда сухари, макароны, семечки и макуха (жмыхи из подсолнечных семечек) и все остальное съестное, включая сушеные картофельные очистки для свиней, приближалось к концу, ведь нас было в семье шесть человек, папа решил двинуться в село, где у бывших колхозников были еще запасы зерна и корнеплодов. Это был его первый поход. И хотя у нас не было ничего ценного, кое-какие вещички еще могли быть обменяны на зерно. Он сделал деревянные санки без полозьев, привязал к ним веревку и уговорил Лиду пойти с ним. Они привезли немного зерна и кормовой свеклы, это продлило нам жизнь до февраля 1942 года.

Нам нужно было снова идти в село за провизией. На этот раз папа взял с собой меня. Менять практически было нечего. Помню, были три бумажных пуловера, которые

нам дали «на елке» в папином институте. У них были неисправимо растянуты воротники, но другого ничего у нас не было, на что бы избалованные к тому времени крестьяне могли обратить внимание. Они интересовались тогда только драгоценностями...

Село было в 25 км от нашего рудника, и дорога вела через поля. Февраль на Украине не зря называется «лютый». Мороз стоял уже с утра, когда мы вышли из дому, а к вечеру разыгрался буран.

Подбодряя меня, истощенную и слабую, папа шел довольно быстро впереди, пока почти не исчез из виду в белой пурге. Я была плохо одета. Рваные ботинки стерли ноги в кровь. Старый, дырявый шерстяной платок сбивался на затылок, торчащие из-под него волосы превратились в сосульки. Когда я натягивала платок на лоб, его край леденел от моего дыхания и становился твердой коркой. Я едва различала папину фигуру далеко впереди и из последних сил тащилась за ним. Он спешил попасть в село дотемна. Зимой вечереет рано, но, не зная, который час, я боялась, что скоро наступит ночь, а мы окажемся в дороге!

Наконец послышался лай собак и вдали показались огоньки в окнах хат занесенного снегом села. Мы начали стучать в двери первых хат. Таких, как мы, приходило в село много. Ответ был всегда один: «Нічого не потрібно! Ідіть далі!» И мы шли «далі», пока одна добрая душа не открыла нам двери и непустила нас в свою теплую хату.

Увидев меня, молодая хозяйка всплеснула руками и крикнула: «Боже мій, а це що таке?!» Она сразу принялась приводить меня в человеческий вид. Сперва сняла обледенелый платок, потом расчесала оттаявшие волосы и помыла кровавые ноги и, все еще не спрашивая, что мы принесли, посадила меня за стол и поставила передо мной миску горячего украинского борща, вкуснее которого я ничего не ела ни до ни после. Я не помню ее лица, только помню эти добрые руки...

Этой женщине тоже ничего не было нужно, но она, едва посмотрев на наши жалкие пуловеры и не взяв их,

отсыпала нам меру муки, столько же зерна и немного свеклы и наутро отпустила домой.

Мама с нетерпением ожидала нас. Ведь каждый такой поход среди зимы был ужасно опасным. Но нужда была такой сильной, а папино чувство ответственности за благополучие семьи таким глубоким, что пересиливало все, включая и страх перед грозящей из-за каждого угла опасностью. «Невидимые руки» Небесного Отца продолжали вести нас вперед, и мы успешно вступили во второй год немецкой оккупации.

НАШ ВТОРОЙ КВАРТИРАНТ

Нашим вторым немецким квартирантом был молодой унтер-офицер по имени Пауль Шудра. Он тоже служил в авиации и ожидал приказа двинуться на фронт. Он был низок ростом, кривоног и уродлив лицом. При нем нам восстановили электричество. Конечно, не ради нашего удобства, а его.

Ко второму году оккупации местное население раскусило характер оккупантов и кое-где началось партизанское сопротивление.

Однажды утром во всех дворах лежали под камешками листовки с какими-то воззваниями. Немцы знали, что это работа партизан-коммунистов и что местному населению нельзя больше доверять.

К этому времени в центре города было открыто хозяйственное бюро с целью развернуть частную экономику и восстановить производство нужного немцам сырья. Там регистрировали всех трудоспособных мужчин по профессиям, хотя таковых было мало. Наш отец был горным инженером и его тут же завербовали на работу на слюдяной карьер около Мариуполя. Слюда была нужна немцам в авиастроительстве.

Наш квартирант, не зная, куда девался наш отец, вообразил, что он ушел в партизаны. Он велел отключить у нас свет и громко возмущался, выкрикивая свои немецкие проклятия на нашу голову.

Мама, невзирая на свое происхождение, о котором никто ничего не знал, ответила таким же громким возмущением (конечно, без проклятий):

«Herr Shudra, was denken sie sich?» (Господин Шудра, что вы себе позволяете?) и еще какие-то вопросы и фразы, которых я не помню.

Она объяснила ему на его родном языке, куда девался наш папа, и он притих, как отчитываемый родителями ребенок, покраснел и ретировался. К вечеру у нас снова горел свет. Я всегда восхищалась маминой смелостью. Она давно научила нас не отвечать на вопросы, которых нам не задают, но такой смелости, как у нее, ни у кого из нас не было, даже у папы.

Пауля Шудру почему-то долго не брали на фронт. Зажившись у нас, он начал со временем поглядывать на меня «масляными глазками». Удивительно, что я, будучи почти еще ребенком, всегда ощущала приближение опасности и спешила от нее избавиться. Я боялась, чтобы он не застал меня дома одну, но один раз это все-таки ему удалось.

Толкнув меня спиной к стене, он взял свое ружье и начал целиться в меня. Ему хотелось увидеть предсмертный страх в моих глазах. Но когда он его увидел, он вдруг дико расхохотался и опустил ружье. Это было только «шуткой». «Эх ты, разбойник!» — сказал он по-немецки, но я не поняла этого слова, а так как он произносил его на своем диалекте грамматически неправильно, даже мама не могла понять, что он хотел сказать. Вместо «ройбер», он говорил «ройва», но это я поняла только позже, когда столкнулась с разными немецкими диалектами.

СТРАННОЕ ОРУДИЕ НАШЕГО ИЗБАВЛЕНИЯ

Говоря о «невидимых руках», которые вели нас, избавляли и спасали, я должна сказать, что самым таинственным и чудесным их действием было средство, или орудие нашего избавления. Мы были избавлены от гибели благодаря нашей маме! Да, нашей маме-еврейке! Не наш рус-

ский отец, но наша еврейская мать стала тем «Моисеем», который вывел нас из нашего Египта.

Когда немецкая оккупация вошла во второй год, наша семья уже доедала остатки своих пищевых запасов. Нам нечего было больше нести в деревню для обмена на зерно. Нам самим было почти нечего носить и нечем укрываться ночью. Мы благополучно пережили жестокую, голодную зиму. Нас не вызвали на заклатие, когда нацисты убивали евреев, а добровольно вряд ли кто-нибудь вызвался бы сам идти на казнь. Божья защищающая рука была явно над нами. Наши родители были достаточно мудры, чтобы не отвечать на вопросы, которых им никто не задавал. Они внушили и нам тот же метод выживания: «Хотите остаться в живых? Молчите, когда вас не спрашивают».

Мама была бесстрашной. Отец всего боялся, и мама часто говорила, что «Сереже веревка постоянно муляет шею».

Однажды вечером она возвращалась из города на рудник. Было уже темно. Ее голова была обмотана толстым платком, плечи согнулись под тяжелым папиным пальто. Был комендантский час. Немецкий часовой обратился к ней строчкой из стихотворения Гёте «Лесной царь», которому учили всех немецких детей в средней школе: «Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?» (Перевод Жуковского не точен, но звучит так: «Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?») Будучи абсолютно уверенным в том, что эта «русская баба» в платке не поняла его, часовой опешил, когда в ответ прозвучала на чистом немецком языке следующая строчка того же стихотворения: «Siehst, Fater du, den Erlkoenig nicht?» («Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул».) Остолбенеv окончательно, он пропустил ее без лишних слов, а дома она рассказала нам эту незабываемую историю.

Когда мы дошли до точки, вдруг пришла к нам наша бывшая соседка и сказала маме: «Евгения Леонтьевна, ваши дети голодают, в городе выдают помощь таким, как вы. Ведь вы же знаете немецкий язык. Вы же, наверное, нем-

ка». Так как она не спросила: «Вы немка?» и тем более «Вы еврейка?», мама, держась своего принципа, не ответила ничего, но на другой день пошла в город в хозяйственный отдел, усматривая в этом «толчке» соседки открытую дверь для нашего следующего шага к избавлению.

Она вошла в бюро и спросила на своем безукоризненном немецком языке, не могла бы она получить помощь для своей голодающей семьи. (Отца не было с нами. Он работал на слюдяном карьере под Мариуполем.) Чиновник спросил ее фамилию. Она назвала фамилию отца, но чиновнику не понравилось звучание этой фамилии и он спросил ее девичью фамилию. Она ответила: «Розенберг».

Офицер-хозяйственник за соседним столом, размышляя вслух, сказал: «Розенберг... Розенберг... Это звучит по-еврейски». Интересно, что историческое «совпадение» (одно на миллион!) послужило тогда нашему спасению. Правой рукой Гитлера в то время был нацист из нацистов, высокого ранга офицер над всеми восточными землями, некто Альфред Розенберг. Мама могла бы не знать об этом, но она знала... и ответила типично по-еврейски вопросом на вопрос: «А Альфред Розенберг тоже звучит для вас по-еврейски?» Чиновник умолк, но зато другой отозвался с другого конца бюро: «Что за чушь! Она не может быть еврейкой. Этих честных людей я ловлю нюхом за километр против ветра». Так выковалось первое звено в длинной цепи чудесных совпадений и избавлений.

Молодой, 28-летний офицер-хозяйственник в летной форме подозвал маму к себе и сказал, что такого немецкого языка он давно не слышал и не согласилась бы она быть его переводчицей. Никаких вопросов, никаких подозрений, никаких сомнений. Мама согласилась, положившись полностью на Божью защиту. Через неделю нас перевезли в квартиру в центре города рядом с хозяйственной конторой (бывший «Державный банк»), где раньше, очевидно, жили банковские служащие.

Мы прожили там только одно лето — наше последнее лето на родине. Осенью началось отступление немцев. Бои шли под Сталинградом. Через наш город гнали на фронт

пополнение из стариков и подростков из «гитлерюгенд». На этих розовощеких, безусых юнцах форма висела как на вешалке. Рукава были завернуты два раза, шинель волочилась по земле и пилотка падала на глаза. Старики тоже были одеты не по размеру и выглядели усталыми и голодными. Они с трудом тащились за военными машинами к фронту, с которого мало кто возвратился домой. Положение у оккупантов было безнадежным, но хозяйственники все еще пытались создать экономику на захваченной земле.

Обе мои сестры работали. Лида — в маминой конторе, а Ира — на аэродроме, тоже в бюро. Отца давно не было с нами. Разлука с ним длилась полтора года, и только один раз мне удалось навестить его. Наша бесстрашная мама уговорила троих мужчин, работавших по снабжению в ресторане в том же здании, где была ее контора, прихватить меня с собой в очередной рейс по доставке соли в деревни по дороге к Мариуполю (городу на Азовском море). Она была христианка, а христиане заведомо доверчивые люди. Общаясь в основном с верующими, они забывают, что есть страшный внешний МИР, который и ведет себя по-мирскому! Моя мама не видела никакой угрозы для меня со стороны троих мужчин, с которыми мне придется быть три-четыре дня в дороге.

И вот я, 16-летняя девочка, отправилась в разгар войны неизвестно куда с тремя незнакомыми мужчинами! Они сидели в кабине, а я тряслась на мешках с солью в кузове. Я слышала их саркастические реплики в мой адрес, но молчала. К вечеру мы достигли первой деревни и они добросовестно сдали меня хозяйке на ночлег, а сами спали на дворе в своем грузовике. Это повторилось и на следующую ночь. Наконец мы прибыли в папину деревню. Мы не виделись с ним целый год. Почта не доходила, телефоны не работали, никакого контакта не было, и вдруг я появилась на пороге его комнаты!

Отец был безумно рад моему приезду. Он снимал комнату у местной украинской семьи. Карьером управлял немецкий офицер. Рабочими были местные украинцы. Между

слоями слюды попадались полудрагоценные камни и минералы: гранат и кварциты. У отца была приличная коллекция из разных пород и он показал ее мне. Потом он накормил меня и повел в сад набрать свежих абрикос. Я наполнила ими свой дорожный саквояж. Привезшие меня туда мужчины торопили меня. Они спешили в обратный путь, чтобы попутно развезти оставшуюся соль по деревням.

Приближаясь к Мариуполю, мы попали в руки военной полиции. Нас сразу арестовали и сопроводили в ближайшую тюрьму. Будучи впервые в жизни разлученной с семьей и не зная, что меня ждет в будущем, я начала так громко реветь, что меня сочли ненормальной и у первой проверили документы. Они оказались в порядке. Меня отпустили на свободу бродить по городу до вечернего поезда на Сталино. Я сходила на пляж и даже зашла в воду, так как у нас многие купались просто в нижнем белье, но к вечеру возвратилась в полицейский участок, и один из полицейских проводил меня на станцию и посадил в вагон. Мужчин, с которыми я приехала, задержали под арестом, и я даже не знаю, когда они были отпущены и возвратились ли домой.

Наутро я была на станции в Сталино, но меня никто не встречал и сообщить о моем прибытии тоже было невозможно. Я начала искать кого-нибудь, кто помог бы мне добраться домой. Вдруг мой взор упал на грузовик с названием на борту знакомого ресторана в здании, где работала мама. Я подошла к шоферу и спросила, не подвезет ли он меня домой. Он согласился, но в кузове его грузовика был ЛЕД!

Прежде чем садиться на ледяные блоки, я открыла свой саквояж. Он был полон гнилых абрикос. Я выбросила их в мусорный ящик и забралась на прикрытый мешковиной лед. Когда я прибыла домой, подо мной была мокрая глубокая выемка, а я вся дрожала от холода. Мама была рада увидеть меня в целости и сохранности, только не могла понять, почему у меня в летнюю жару стучат зубы...

Живя в центре города, мы могли наблюдать за передвижением немецких войск и ощущать общее беспокой-

ство и озабоченность тех, кого все еще гнали на фронт. Они шли туда неохотно. Это были усталые, истосковавшиеся по родине мужчины, которые уже не боялись общаться с «унтерменшен» и открыто критиковали безумного Гитлера и всю эту его военную затею. Их песни были грустными, и мы знали многие из них наизусть и охотно подпевали им. Самой известной была «Лили Марлен», которую популяризировала Марлен Дитрих, а также «Родина, твои звезды...», которую пела низким грудным голосом Цара Оландер.

Летом 1943 года стало известно, что немцев бьют под Сталинградом, что их армия из 250 тысяч человек окружена, а не попавшие в кольцо, отступали на запад. Позже мы узнали, что только 90 тысяч остались в живых при сдаче в плен советской армии.

Наша семья опять оказалась перед важным, меняющим всю нашу жизнь, выбором. Решение наших родителей перед вторжением немцев не эвакуироваться уже подготовило почву для нашего следующего решения — покинуть страну и двигаться на запад, пользуясь отступлением немцев. Это решение принимала только мама. Отца все еще не было с нами и посоветоваться с ним было совершенно невозможно.

В понимании Сталина, мы были врагами, потому что не эвакуировались на восток с коммунистами. Одно это уже было верхом предательства наравне со сдачей в плен. Положение усугублялось еще и тем, что некоторые наши родственники работали во время немецкой оккупации, что понималось, как помощь врагу, но ни в коем случае не как средство к выживанию, особенно при мамином происхождении. Ведь то, что нас не раскрыли, как евреев по маме, было самым обыкновенным чудом!

Мамина семья жила за границей. Ее отец уже открыл миссию в Америке, хотя бабушка была еще в Польше. Никакой связи с родителями мамы давно не было, но она по-прежнему рвалась к воссоединению, решив, что если немцы начали отступать, Гитлер не продержится долго... Она руководствовалась глубоким внутренним чувством,

что это решение приведет к нашей окончательной свободе и спасению.

Мама не просчиталась, но до окончательной свободы было еще очень далеко, а до духовной свободы ее детей еще дальше.

Часть II

ИСХОД

После того как решение было принято, перед нами оставались только две проблемы: как двигаться без отца и где найти транспорт?

Общественный транспорт в период немецкой оккупации не работал. Частное владение машинами при советской власти не допускалось. Легковые автомобили с личными шоферами для начальников-коммунистов и грузовые машины принадлежали предприятиям. При немцах на машинах ездили военные и владельцы малым бизнесом, типа магазинчиков и ресторанов, в которых новые хозяева пытались начать дело и развить экономику. Я не помню, откуда они добывали горючее.

Время истекало. Русские войска гнались за немцами по пятам после победы под Сталинградом. Видя наше безвыходное положение, мамин молодой начальник раздобыл для нас и еще одной семьи, старшая дочь которой тоже работала у него, небольшой грузовичок, снабдив его шофером и горючим и поручив доставить нас в Запорожье.

Мы собирались всю ночь. Нелегко было решить, что брать с собой, а что оставлять. Мы не знали, куда мы едем и где закончится наш путь. Личные бумаги, документы, фотографии, некоторые книги вроде русских классиков дореволюционного издания были первыми в списке того, что мы брали с собой. Одежды у нас было мало, но была еще пара байковых одеял и подушек. Все это было уложено в старый сундук, послуживший мне первой постелью почти 17 лет назад. Прихватили также пару кастрюль и сковородку и немного продуктов. Никто не знал, как долго будет длиться наше путешествие. Кате было два с половиной года.

Нашими молодыми друзьями последнего лета оккупации были украинские ребята из Никополя, работавшие в немецкой компании «Bosch». Мы принципиально не «гуляли» с немцами. Эти ребята провели с нами всю последнюю бессонную ночь, помогая паковать наши жалкие пожитки и желая проводить нас в дальний путь.

После слезного прощания с ними, когда наш грузовик выкатился из ворот двора, к нам подбежала мама Липы с письмом от нее. Как я уже говорила ранее, Липа (Олимпиада) Алексеева была моей близкой подругой и соученицей все годы учебы в средней школе вместе с Аней Гулевской. Ни с одной из них мне не удалось попрощаться. Письмо от Липы было датировано 3 сентября 1943 года — датой нашего отбытия с Родины. Я храню его по сей день вместе с пожелтевшими фотографиями Липы и других моих тогдашних подружек. В письме сообщалось что-то и об Ане, но мы спешили, телефонов не было и я не успела повидаться с моими подругами.

В своем школьном портфеле я хранила бумаги, школьные дневники с отметками, похвальные грамоты, фотографии старых и новых друзей и дневник, который я вела все время немецкой оккупации.

Семья, которая ехала с нами, состояла только из мамы и маленькой, лет шести, девочки, а старшей дочери не было тогда с ними и им было так же тяжело уезжать без нее, как нам без отца. Как и мы, они надеялись на воссоединение где-то позже... Маленькая девочка щебетала как птичка, острила и смеялась всю дорогу до Запорожья. Она была болезненная и слабенькая, рожденная поздно, как и наша Катюша. Тоненькая, как ивовая веточка, она в конце концов надломилась где-то в пути и рано умерла, о чем мы узнали позже из письма от старшей дочери, с которой ее мать и мы в конце концов наладили связь.

После долгого путешествия по плохим дорогам, с остановками в каких-то селах, мы прибыли на главную товарную станцию Запорожья, индустриального города на берегу Днепра. Река в этом месте изобиловала порогами, поэтому здесь была сооружена руками заключенных крупная гидроэлектростанция.

Наш грузовик остановился высоко над кручей, откуда было видно бесконечное количество железнодорожных путей с товарными поездами на них. Молодой немецкий офицер в зеленой форме шнырял между путями и, очевидно, руководил движением и нашей погрузкой в товарный

вагон какого-то поезда. От него мы узнали, что вагон ждет нас на сороковом пути от места, где нас высадил усталый от долгой дороги шофер.

Мы выгрузили вещи, стащили их вниз с кручи к первому ряду рельсов. Нам оставалось переступить еще 39 путей со стоящими на них тут и там товарными и военными поездами.

Когда мы уже были внизу и собирались помахать шоферу, мол, «мы здесь, отъезжай», как вдруг заметили в его кузове свернутый в рулон наш старый шерстяной, черный с красными розами ковер — папино приданое от его матери. Рулон торчал, как пушечное дуло, на фоне красного от заката и отдаленной артиллерийской стрельбы неба. Этот ковер видал виды, но никогда не знал чистки, ведь пылесосов тогда ни у кого не было. Он был затоптан, запятнан, заляпан супами и сладкими соками и мы решили расстаться с ним там же и притом навсегда!

Военные самолеты гудели над головой, грохот пушек доносился с расположенного недалеко фронта. Мы покинули свой город третьего сентября, а восьмого там уже были русские. Они двигались за нами буквально по пятам.

На некоторых путях под надзором бородатых, грязных немецких фронтовиков стояли товарные поезда с платформами, нагруженными танками и другой военной техникой. Нам нужно было перетащить наши вещи на другую сторону. Они согласились пропустить и даже помочь, если мама даст им поцеловать одну из ее молоденьких дочек. Подходящей для этого оказалась только я. Лида отвернулась в сторону мамы, а маме было тогда 42 года, то есть было понятно, что не она имела в виду. Ира схватила Катю, а я осталась стоять одна. Мама в полном отчаянии сказала «хорошо», и грязный, небритый фронтовик схватил меня и поцеловал в губы. Мы тоже были грязные, давно невымытые, и, как только вещи были в нашем вагоне, Лида и я побежали искать колонку с водой. Найдя воду, мы умылись, прополоскали рот и горло и наполнили водой большую жестяную банку из-под тушенки, чтобы отнести маме для нее, Иры и Кати.

Расположившись на ночь на соломе на полу вагона, мы поужинали хлебом и колбасой, запили водой и улеглись спать. Наша спутница с маленькой девочкой была все еще с нами. Утром поезд дернул с лязгом вагоны и покатил нас в Никополь. Я все еще плохо соображала, что происходит, и что поезд, по сути, увозит нас навсегда с нашей родины...

За двухсуточный срок мы превратились в бездомных, без подданства, нищих беженцев войны без всяких перспектив на будущее. Мы двигались из лап Сталина в когти Гитлера. И это с маминым-то происхождением! (О котором мы тогда все еще ничего не знали.) До сих пор о нем никто, кроме папы и его родных, не знал, и это никого не интересовало. Никто не задавал вопросов, а мама не давала никакой информации добровольно. Так вел нас тогда Господь, и родители покорно входили в те двери, которые перед ними открывались, но никуда не ломались силой, уповая на руководство свыше.

К утру мы прибыли в Никополь и нам велели выйти из вагонов. Мама послала меня в какое-то бюро узнать, что же будет с нами дальше. Нашу спутницу с маленькой девочкой другой поезд вскоре увез в Польшу. Они со слезами расстались с нами, все еще не зная, встретят ли они где-нибудь свою старшую дочь.

Нашим местом назначения после Никополя была Александровка, переименованная немцами в Александрштат. Там за нами приехал немецкий фермер из местной менонитской колонии и, погрузив наши вещи на телегу, отвез нас к себе в конюшню, где уже разместилось несколько семей беженцев.

Конюшня была разделена пополам сточным желобом и вся устлана свежей соломой. Высоко под потолком были узенькие окошки, через которые влетали и вылетали голуби. Я не раз завидовала женщинам, у которых головы были покрыты платками...

Ночью я обнаружила, что между семьями, расположившимися на соломе, не было никаких перегородок. Рядом со мной храпел какой-то бородатый мужик, дыша мне в лицо табачно-чесночным перегаром. Лидой и мной завершалась

наша семья. Остальные спали между нами. Однажды утром Лида обнаружила пропажу с ее руки кольца с аквама-рином, подаренного ей кем-то еще дома. Невинный вид соседа не давал основания для подозрений, но кольцо так и не нашлось.

Спустя пару дней мама сильно заболела воспалением среднего уха. Она лежала на соломе с замотанной платком головой, не в состоянии ухаживать за Катей. Я взяла на себя эту заботу.

В дальнем углу конюшни расположился со своей семьей хиромант-предсказатель. Всем хотелось знать будущее, и к нему потянулась очередь. Маме было не до нас и я, вырвавшись из-под ее наблюдения, тоже стала в очередь к хироманту. Он, как дыню, помял своими ладонями мою глупую голову и потряс ею из стороны в сторону. Как бы в подтверждение того, что «дыня» еще не созрела, в ответ ничего не затарахтело. Потом он посмотрел на мои нижние зубы (почему именно нижние?) и сказал, что я буду нравиться мужчинам, проживу 90 лет и буду матерью 12 детей. Я отошла от него довольная его предсказаниями, улыбаясь своими, такими важными, нижними зубами. Каким глупым нужно быть, чтобы верить таким чисто человеческим предсказаниям! Когда спустя еще несколько лет я узнала Того, Кто действительно знает все, мне было стыдно вспоминать этот эпизод из моей юной жизни, но я узнала также и то, что грех, совершенный в неведении, не вменяется и не наказывается так сурово, как умышленный.

Однажды к нам в конюшню пришел немецкий офицер-хозяйственник: весь в зеленом, в пенсне и крагах, ну, ни дать ни взять, гигантский кузнечик! Он спрашивал всех подряд, есть ли среди нас знающие немецкий язык. Мама уже несколько дней лежала, не поднимая головы, Катя была маленькая и я смотрела за нею, так что только Лида и Ира встали в надежде, что их работа как-то улучшит наше положение. Нашлась еще одна девушка из другой семьи, так что на другой день обе семьи были погружены на подводы со всем своим багажом.

Нас везли в районное село, где была контора по распределению продуктовых карточек и ордеров на фураж для лошадей, так как многие беженцы отступали на запад на подводах.

Дорога не была длинной, только вот вся в рытвинах и ухабах. Мамина голова ударялась о дно телеги, густая пыль закрывала от наших глаз красивый украинский пейзаж, вызывая горечь во рту и кашель.

По прибытии в Александровку наши две семьи поместили в двухкомнатной украинской хате, из которой временно были выселены хозяева, чтобы дать место все время прибывающим туда беженцам. Руководители «исхода» ждали, пока соберется достаточное число людей, чтобы всех потом погрузить в «телячьи» вагоны и отправить через Польшу в Германию.

Большую комнату с большой русской печкой захватила приехавшая с нами агрессивная семья, а в маленькой комнатке разместились мы. Маму положили на солому на полу. Лиду к этому времени сковал какой-то непонятный паралич. У нее болели все мышцы, так что трудно было передвигаться. Для нее мы сделали постель на нашем знаменитом, выдавшем виды, сундуке. Для Кати нашлась во дворе ржавая железная детская кроватка. Мы с Ирой устроились на полу возле мамы.

Кто же были эти беженцы? В основном это были немецкие или смешанные немецко-русские или украинские семьи, так называемые фольксдойче, но было много и просто тех, кто работал во время оккупации у немцев или (что хуже!) служил в украинской полиции, которая зачастую участвовала в акциях по уничтожению евреев.

Было много таких, которые были недовольны советским режимом и решили воспользоваться возможностью выбраться на свободу в надежде, что Гитлеру скоро придет конец, и они окажутся на западе. Возвращаться в сталинский «рай» они не собирались.

В нашей группе были в основном смешанные немецкие семьи, но в общей массе были кто угодно, то есть все, кто хотел покинуть родину. Многие ехали на подводах семьями

через села и прибывали на сборочный пункт в Александровку. Здесь их регистрировали и готовили к далекому пути на запад. Немцам нужна была бесплатная рабочая сила. Они еще не думали тогда, что всей этой гитлеровской военной затее скоро придет конец.

В далеком пути на запад многие беженцы погибли от невыносимых условий, а потом — в лагерях беженцев. Выжили люди среднего возраста и молодые, какими были тогда мы, дети наших родителей, которым было тогда по 44 года. Там мне исполнилось 17 лет!

Был конец сентября. Стояло бабье лето. Поля и огороды были полны плодов. Я водила маленькую Катюшу с собой в чужие сады и на огороды, где набирала все необходимое для хорошего супа или борща. Кур можно было покупать на рынке, но иногда какой-нибудь наивный петушок заходил на наш беженский двор, где я немедленно хватала его. Через час он уже кипел в моем супе, неузнаваемый своим хозяином. Ведь я еще в детстве научилась рубить головы курам, ошпаривать их и общипывать перья. Так что тут не было для меня ничего нового!

Варила я тогда на примитивном сооружении из двух кирпичей с железной бляхой на них. То и другое было трудно найти в мусоре возле хат. Огонь от хвороста между кирпичами быстро грел воду в кастрюле, которую мы прихватили с собой из дому. Супы и борщи были питательные, и ими я кормила тогда нашу семью.

Вскоре пришли за Ирой и повели ее в контору, где она должна была выдавать карточки и ордера. Был обеденный перерыв, но она почему-то никуда не пошла, хотя другие сотрудники разошлись по своим домам.

Дверь ее комнаты была открыта и из-за стола можно было видеть вестибюль, где на стенах были развешаны разные объявления.

Вдруг она увидела, как какой-то мужчина в очках вошел и начал рассматривать объявления на стенах. Ира тут же узнала в нем нашего отца. «Папа! Папа!» — закричала она не своим голосом и бросилась ему на шею. На другой день ее уже не позвали на работу, она была больше не нужна...

Отец, как выяснилось потом, приехал в Александровку на подводе, запряженной двумя лошадаками. Ира приехала с ним в наш временный дом. Услышав шум, больная и давно не встававшая мама подняла голову и, увидав отца, крикнула «Сережа!» и встала на ноги. Отец взял ее на руки и понес в посадку неподалеку от дома. Там они долго сидели и говорили, вероятно, обо всем, что накопилось за полтора года разлуки. Потом папа рассказал и нам, как он попал сюда.

Мы буквально нашли «иголку в стоге сена». Вместе с ним в обозе из подвод и телег находились семьи жителей того села, где располагался слюдяной карьер. Это были украинские семьи. Достигнув Днепра, им понадобился фураж для лошадей, и так как папа был без семьи, его послали в районное село за фуражом... Дальше все пошло, как было нам предписано свыше. Почему он попал в Александровку именно в тот единственный день, когда в бюро работала Ира? Почему она не ушла на обед из конторы? На эти вопросы мы никогда не получим ответа. Это было явное чудо, совершенное «невидимыми руками» спасавшего нас тогда от смерти Бога.

Отец не вернулся к своему обозу, и кто-то другой приехал за фуражом день-два спустя. Лошади и телега были вскоре проданы на базаре, и мы начали готовиться к долгому путешествию. На этот раз уже всей семьей!

По стечению обстоятельств, нам сулилось в далеком и совершенно неопределенном тогда будущем, в Канаде, где поселилась в свое время наша уже взрослая младшая сестра Катя, отыскать мужчину моих лет, который был в том обозе, в котором двигался на запад наш отец. Ему было тогда тоже 17 лет. Он хорошо помнил, как собравшиеся мужчины говорили отцу: «Сергей Сергеич, ты ведь один, а мы с детьми. Поезжай-ка в районное село за фуражом...» Этим свидетелем был украинец Анатолий Босенко. Когда все эти события оказались уже далеко позади, я описала это чудо в рассказе «Чудесная встреча». Этот рассказ был опубликован и в газете «Наши Дни» в США, и в журнале «Вера и Жизнь» в Германии. В 1996 году я получила письмо

от дочери хироманта из нашей конюшни под Александровкой. Она прочитала мой рассказ и решила написать мне. Она дала мне фамилию этого человека и поделилась многими деталями из жизни их семьи и тем, что они где-то навсегда потеряли своего отца.

Со дня нашего отбытия из дому прошел целый месяц. В начале октября состав из товарных вагонов для нас, беженцев войны, был готов, и нас начали грузить в него по 52 человека с вещами в каждый вагон.

Вагоны были так тесно набиты людьми, как сардинки в банках, и не у всех была возможность прилечь. Лежали старики и дети, а молодежь сидела тут и там и ждала утра, чтобы наконец вытянуться и поспать.

Я тоже сидела ночами, свесив ноги из дверей вагона. Молодой человек с гитарой присоединился ко мне. Мы быстро подружились, как это часто бывает в молодости, и тихо пели всю ночь. Таких ночей было тринадцать. С ним ехала мать и девятилетняя сестричка. Утром, когда старшие вставали, мы укладывались на пару часов спать.

Иногда мой новый друг не хотел спать и сидел, прислонясь к раме дверей вагона. Я смотрела в звездное небо, считала убегающие куда-то назад, в мое прошлое, телеграфные столбы, видела черный край кустарника, леса на фоне ночного неба и не могла сдержать рыданий. Я вдруг поняла, что из-под колес нашего поезда уходит навсегда моя родная земля и что куда бы мы ни попали, все, что останется у меня родное, будут луна и звезды, которые светят всему миру одинаково.

Наш длинный состав подбирал по пути другие вагоны с беженцами. Один вагон был прицеплен в Житомире и еще несколько в Шепетовке — последней узловой пограничной станции между Украиной и Польшей.

Машинист был человек осторожный. Всюду орудовали партизаны. Они подкладывали под поезда мины или обстреливали их из пулеметов. Поэтому машинист останавливал поезд для «насуточных нужд» пассажиров только среди бела дня и только в открытом поле, где не было ни кустика, ни былиночки, за которыми можно было спрятаться от

посторонних глаз. Вообразите, по 52 пассажира (мужчины, женщины и дети!) из каждого вагона в длинном составе бегут в открытое поле, где, забыв всякое стеснение, отвечают при всех на «зов природы»... А машинист подаёт тревожные гудки, дескать, «я сейчас уеду, спешите назад!» И все, застегиваясь и подтягиваясь на ходу, бегут обратно...

Мама ожидала более нормальных условий для своих нужд, вроде остановки на какой-нибудь станции. Когда эта возможность представилась, папа отнес ее за сарай, где она почти сразу же упала в обморок от слабости. Он принес ее обратно бледную, полумертвую... Она была такая слабенькая после долгой болезни, но, слава Богу, живая!

Каждый раз, когда наш поезд менял направление, паровоз кочевал то вперед, то в конец состава. Когда мы селись в поезд в Александровке, наш вагон был впереди состава — вторым по счету от паровоза. В пути у нас было две серьезные аварии. Первый раз, когда между паровозом и первым вагоном взорвалась мина, мы были как раз сзади состава, а когда на нас налетел другой поезд сзади и свалил четыре вагона, по два на каждую сторону насыпи, мы были впереди состава! Почему? Опять нашим спасением Кто-то явно руководил.

Последний несчастный случай нанес серьезный вред не только поезду и вагонам, но и людям. Было много раненых и, возможно, погибших. Четыре вагона лежали на боку — два дверями вверх и два дверями вниз. Ира и я побежали в хвост поезда посмотреть, что там происходит. На траве лежал тяжело раненый в грудь мужчина, а над ним склонился молодой человек... Когда я подошла вплотную, он поднял голову и повернулся ко мне лицом. Это был Вася Шагаров, муж Нюси Дик, дочери наших менонитских друзей! Мы расстались с ними в 1941 году, когда родители и сестры Нюси были увезены в Казахстан, а Нюсю, ставшую его женой, Вася увез к своим в Мелитополь. Оказалось, что их вагон присоединили к нашему составу в Житомире. Они тоже двигались на запад. Какое совпадение! Какой радостной была для Нюси встреча с тетей Женей и

всеми нами! Это было еще одно чудо в цепи Божьих чудес в процессе нашего исхода. Нашей тесной связи хотя бы с частью этой семьи было суждено продолжаться еще многие годы. Впереди еще было много сюрпризов.

После двух недель в пути без нормальных санитарных условий наш вагон по запаху и виду напоминал свинюшник. Поезд прибыл в городок Пабьяницы в Польше и нам велели всем выйти из вагонов, которые нужно было продезинфицировать, а нас всех следовало выкупать и переодеть, прежде чем мы въедем в немецкий Рейх.

Нас отвели в большую общественную баню с отделениями для мужчин и женщин и велели раздеться догола. В большом зале с рядами раковин и кранов мы столпились в чем мама родила перед группой журналистов-фотографов, почему-то снимавших нас для каких-то местных газет. Мы не могли понять, кому были нужны снимки огромной группы голых женщин всех возрастов? Разве нельзя было сфотографировать нас ДО купания? Но никто не задавал вопросов. Не то было время.

Мы помылись и были тут же опрысканы каким-то средством от вшей. Только после этой процедуры нам велели одеться в чистое белье и опрысканную, пока мы купались, верхнюю одежду и отвели обратно в проветренные и продезинфицированные вагоны. Следующей остановкой был город Бреслау (Вроцлав).

Мы проезжали очень близко от Лодзи, где была тогда наша бабушка Фаня со своим еврейско-христианским сиротским домом «Вефилем». Мама, должно быть, знала об этом, но скрыла от нас. Для ее последнего откровения еще не наступил час.

Когда поезд остановился в Бреслау, мы были сравнительно чистыми и нам позволили выйти на перрон. Первый раз в жизни я увидела чистую европейскую станцию с красивыми фонарями, скамейками и тележками для багажа и не выдающими себя по запаху туалетами. Все было чинно, царил полный порядок и тишина. После еще недавно пережитого хаоса и непролазной грязи все это было таким странным и непривычным.

После Бреслау поезд время от времени останавливался в разных точках Судетенланда, отцепляя вагоны по одному или два и высаживая пассажиров для разных беженских лагерей, куда их доставляли уже другим транспортом. Тут мы снова на некоторое время потеряли Шагаровых, так как не знали, где отцепили вагон с ними.

Нас привезли в Константинбад, в бывший трехэтажный «курхауз», то есть бывший дом отдыха с минеральными водами. Здесь разместилось около 100 человек — по одной или две семьи на комнату. С нами была семья из трех человек. Ею оказалась семья того парня, с которым я пела под гитару всю дорогу до Польши. Мы стали друзьями, хотя мне было всего 17 лет, а ему уже 26. Он строил серьезные планы на будущее и даже посвятил в них свою мать, но я чувствовала себя еще ребенком, да и время тогда было не для серьезных планов. Самое страшное для Германии было еще впереди. Кто мог думать тогда о чем-нибудь личном? (Судетенланд был частью Чехословакии, присоединенной к рейху из-за множества проживающих там немцев. Чехов выселили в протекторат.)

Мамаша моего нового знакомого стала вести себя, как моя свекровь, и продолжала эту комедию все время нашей совместной жизни в одной комнате. Она следила за каждым моим движением, хотя сама была стареющей дамочкой весьма легкого поведения. У всех троих членов их семьи были разные фамилии. Эта изголодавшаяся по мужчинам развратная женщина называла маму «собакой на сене» за то, что она, имея мужа, не «жила» с ним. Это обстоятельство выводило ее из себя. Но как могла мама «жить» с ним на виду у всех нас в одной комнате с четырьмя двухэтажными кроватями? Наши родители не имели никакой личной жизни все время нашего пребывания в лагере. Даже поговорить наедине и то было трудно, и они уходили для этого на прогулки или ожидали, чтобы вторая семья куда-нибудь ушла.

Свою девятилетнюю дочь эта незаурядная дамочка воспитывала тоже как-то по-своему. Она настраивала ее против всех и вся. «Валя, — говорила она ей при нас всех, — знай, что все люди — сволочи!»

Я не знаю, что из этой девочки выросло при таком воспитании, так как год спустя мы перебрались из лагеря на частную квартиру и потеряли всякую связь с этой семьей.

Вскоре после нашего вселения в комнату в лагере беженцев туда явился местный начальник жандармерии герр Фриц Людеке со своим сотрудником. Они пришли выбрать своим женам домработниц. Выстроив всех молоденьких девушек в ряд, они осмотрели нас всех, и главный жандарм выбрал для своей жены меня, а его друг выбрал для своей жены Иру.

Мой новый хозяин был нацист, начальник жандармерии, который преследовал беглых пленных или иностранных работников на местных фермах. Перебежчиков сурово наказывали в маленькой тюрьме рядом с нашим лагерем. Герр Людеке систематически их избивал, и мы могли слышать их крики и стоны по ночам.

Жена начальника жандармерии была крупная высокая женщина весом в 130 кг, очень хорошая и добрая. Она была великолепной хозяйкой с незаурядными кулинарными способностями. Для меня работа в ее доме оказалась прекрасной школой наивысшего качества. Я научилась вещам, каким бы никогда нигде не научилась. После почти трех лет лишения, голода и холода я стала помощницей исключительно хорошей немецкой хозяйки. Она научила меня стирать и отбеливать постельное белье, расстилая его на газоне на солнышке и поливая периодически чистой водой из лейки. После этой процедуры я собирала и полоскала белье еще раз и тогда только развешивала его на веревках сушиться. Оно сияло на солнце, как диамант, без помощи хлорки, и пахло чистым воздухом и солнышком.

Я видела, как она варит супы и готовит гарниры, как готовит дичь (ее муж охотился!), отмачивая мясо зайца или оленя в смеси уксуса с водой. А как великолепно она жарила фазанов, уток и гусей! Мне разрешалось есть ту же пищу, только не с ними за столом, а на кухне. Я не обижалась, ведь я была сыта по горло!

По субботам она пекла, и я была ее «мешалкой» теста для разных «кухенов». Попутно училась печь сама. Я и по

В семье Людеке

Вилли Шпинер

сей день умею прекрасно печь что-угодно из любого теста.

У фрау Людеке были свои гуси. Иногда она посылала меня пасти их на лугу неподалеку от дома. Гусей резали к Рождеству, но они об этом не догадывались и мирно щипали травку у моих ног.

Мы были бесплатными работниками, но в конечном счете я получала уроки, за которые в любом другом месте нужно было бы платить большие деньги. Девушки из хороших семей в западных странах должны были брать такие уроки перед замужеством в специальных школах, а я получала их даром!

Грустной страницей в этой идиллии были мои две встречи с нашими военнопленными. Хозяйка посылала меня за крестьянским хлебом и продуктами к местным фермерам. Вся страна жила по карточкам и «бецугшайнам», а я брала тележку и список всего нужного и отправлялась в путь. Все знали, у кого я работаю, а в сенокос моя хозяйка вместе со мной работала в поле — граблями ворошила сено. Фермеры уважали ее за это.

Однажды по пути я увидела, как наши пленные строили или копали что-то у дороги довольно далеко от меня. Я помахала им рукой и улыбнулась. Они ответили тем же. Они были далеко от родины без надежды на возвращение, но они не знали, что я тоже «оттуда».

Второй раз я встретилась с нашими пленными ближе. Герр Людеке приводил иногда беглых узников из своей тюрьмы, чтобы они нарубили дров его жене. Оставив их во дворе, он сам уходил, а мы с его женой должны были заботиться об этих работниках. Хозяйка шептала мне на ухо: «Он ушел, Вера, это твои люди, ты знаешь их язык, отнеси им немного бутербродов». Она ловко приготовила огромные бутерброды из крестьянского хлеба с маслом, колбасой и сыром и я понесла их «своим» ребятам. Обменявшись с ними несколькими фразами на родном языке и подарив им улыбку, я ушла в дом почему-то в слезах...

Это было в 1944 году, Гитлер был еще у власти и никто не знал, когда и чем все это закончится. Из всех динамиков

доносилась пропаганда Геббельса, колонны «коричнево-рубашечников» маршировали по улицам.

Больше я не видела наших пленных до самого конца войны и нашего освобождения американцами в мае 1945 года.

С четой Людеке жила их невестка, жена старшего сына, Ева, с двумя детками — мальчиком и девочкой. Они временно эвакуировались из Дрездена, боясь возможных бомбардировок. Узнав, что Дрезден не бомбят, они возвратились домой, но в феврале 1945 года этот город был бессмысленно разбомблен союзниками в пух и прах. Погибли многие родственники Евы и ее маленький четырехлетний сын. Она уцелела, но от страха лишилась голоса и долго говорила только шепотом.

Пока я жила в лагере и работала у Людеке, оба их сына приезжали к ним на побывку. Один служил в авиации в Берлине, другой был на русском фронте. Увидев смазливую 17-летнюю русскую девушку в доме их матери, они принялись меня фотографировать и в профиль, и анфас. Я была тогда еще в своем единственном (мамино) полотняном платъице, но когда сыновья уже уехали, моя хозяйка раздобыла для меня несколько перемен приличной одежды с какой-то недавно умершей девушки. Она отдала все это знакомой модистке, которая перешила все на меня. Мой внешний вид преобразился, и приехавший опять из Берлина сын сделал новые снимки, посадив меня на клумбу перед их домом. Его брат больше не приезжал. Он погиб на русском фронте.

Помню, как плакала фрау Людеке. Потеря сыновей на войне — страшное горе, которое для всех одинаково, независимо от национальности. Эти сыновья были только ее детьми от первого брака. С Фрицем Людеке у нее не было детей, и он был равнодушен к ее сыновьям и, возможно, даже к ней, потому что часто ей изменял.

Она была безмерно добра ко мне и, одев меня прилично, даже взяла однажды с собой в Дрезден показать своим родственникам. Она водила меня в оперетту и на какие-то концерты. По возвращении, когда я первый раз подавала

к столу в своей новой одежде, хозяин сказал: «Одежда делает людей». С тех пор он стал смотреть на меня иначе... Это был старый потаскун лет шестидесяти, которому было все равно, за кем волочиться, но я избегала и боялась его как огня.

Я не знаю, на чем была основана доброта моей хозяйки ко мне. Она была лютеранка, но в церковь при Гитлере народ Германии в массе своей не ходил, тем более жена такого нациста и начальника, каким был муж этой женщины. Я еще не была тогда верующей, и мы не говорили с ней о Боге, но Господь вел меня так, что я попала в руки доброй и щедрой женщины, которая даже не подозревала, какого я по матери происхождения. Неизвестно, как бы она отнеслась ко мне, если бы она это узнала...

*«И взыщете Меня и найдете,
Если взыщете Меня всем сердцем вашим».*
(Иеремия 29:13)

ИЗ ПРОШЛОГО

Поезд быстро уносится в непроглядную мглу,
Спят усталые люди, кое-как разместившись,
Полусидя и лежа, на узлах, на полу,
В сне тревожном, хотя бы на время забывшись.

Свесив ноги с порога, прислонясь головою
К приоткрытым, железным вагоном дверям
Едет девушка. Взор затуманен слезою,
Вдаль направлен к несущимся мимо полям.

К рекам, рощам, долинам любимой России,
Что уходит безудержно из-под быстрых колес...
Чует сердце, что Кто-то Великий и Сильный,
Кто сильнее ее и России приговор произнес.

Ей нескоро открылся Он, судьбы решающий,
На чужбине ей многое пережить привелось...
«Кто же Он вездесущий, миром всем управляющий?»
Не давал ей покоя неотвязный вопрос.

Когда жажда познания стала невыносимой.
Стала больше самой ее и важнее всего,
Даже нежно-любимой, далекой России,
Он открыл ей Себя, и она полюбила Его.

Ему имя – Бог крепкий, Творец и Владыка Вселенной,
Он Спасителем миру единого Сына отдал,
Дабы всякий, кто примет Его, навсегда, неизменно
Вечной жизнью, спасеньем и счастьем навек обладал.

Лагерь в Константисбаде

Grüss
aus
Ottobrunn

Пригород Мюнхена

Мариенбад

Город План у Мариенбада

ПЕРВОЕ НОРМАЛЬНОЕ РОЖДЕСТВО

Мы прибыли в наш лагерь поздней осенью. Большая часть беженцев принадлежала в какой-то мере к немецкой расе, и с нами обращались вполне прилично. Хотя мы работали бесплатно, как и все привезенные на работу в Германию люди, но нам было лучше, чем тем, кто носил на себе знак «Ost» или «P». Это были славяне с востока или из Польши. На западных украинцах не было никаких знаков. Их считали «чистой расой» и брали в «SS», а девушек определяли в специальные дома, где шло «производство» младенцев от чистокровных арийцев для немецкой расы. Такие же дома были и в Скандинавии. Рождавшиеся дети не знали, кто они и чьи они... Знак «Jude» был, конечно, самым страшным. Эти люди были отмечены для уничтожения. Их увозили в концентрационные лагеря, откуда большинство из них так и не возвратилось. Это хорошо известная печальная страница в истории нацистской Германии и об этом уже много написано.

Частью хорошего обращения с нами был праздник Рождества в нашем лагере в декабре 1943 года. В общем зале была поставлена огромная, вся в огнях и украшениях, елка. Нас собрали на Святой Вечер, и директор лагеря раздал листочки со словами рождественских песен. Кто-то начал руководить общим пением, которое звучало неуверенно и вразнобой, пока все не ознакомились со словами и мелодиями колядок и песен.

Эта праздничная атмосфера и казавшееся мне «небесным» пение коснулись моих, затухших под влиянием безбожной пропаганды, сердечных струн. Некоторые слова показались вдруг знакомыми, словно я слышала их когда-то давно, и мелодии тоже напоминали те, которые мама полупшепотом пела нам в детстве при свечах бедно украшенной туйки в горшке. «Тихая ночь», «О, детки, идите», «Ныне все верные» и «Полный радости, полный благодати» были так хорошо знакомы, что я смогла легко включиться в общий хор. Другие песни были новыми для меня,

но трогали душу с не меньшей силой. Что-то вставало со дна поросшего бурьяном неверия сердца.

Я была глубоко тронута, и даже сейчас, почти 60 лет спустя, я не могу вспоминать этот вечер без слез в глазах. Мое обращение ко Христу происходило очень медленно и достигло кульминации позже и при других обстоятельствах, описание которых вы прочтете во всех подробностях на страницах этой повести. Но это первое «нормальное» Рождество было еще не вполне осознанным, нежным прикосновением к струнам моей уснувшей духовно души, чем-то неуловимым, ведущим медленно, но верно к моему рождению свыше. О, эти дивные, тогда еще «невидимые руки»! Они делали свое дело, «в тоске, в нужде, в разлуке», пока не привели туда, куда по предугнанию Божию были намерены привести меня со дня моего рождения.

ОПАСНОСТЬ У САМЫХ ДВЕРЕЙ

До сего времени Божья рука охраняла нас от общей участи евреев под властью тирана Гитлера. Никто, кроме узкого круга папиных родственников, не знал о мамином происхождении. Ее считали «немкой», а папа был русским. Если и возникали иногда подозрения, они падали на нашего отца из-за его фамилии. Хотя она была польской, многие евреи носили ее. Среди них было много Абрамовичей и Рабиновичей. Отца несколько раз просили раздеться. В России обрезанными были только евреи и разве что еще мусульмане. Славян никогда не обрезали, и наш отец, крещеный в младенческом возрасте в православной церкви, имел метрическое свидетельство о рождении и был, конечно, не обрезанным.

Он рассказал нам, что когда еще работал на слюдяном карьере, он чуть было не лишился жизни из-за глупой, слепой подозрительности местных украинских рабочих и их ненависти к евреям.

Однажды с вахты карьера пропало ружье. Все решили, что папа «жид», который прячется в их селе без семьи,

и, наверное, похитил ружье. Немецкого начальника карьера не было в его бюро, но на это мало кто обратил внимание. Отца арестовали и решили утром расстрелять. Но к вечеру возвратился начальник с пропавшим ружьем в руках. Он ездил с ним на охоту. Он пристыдил проявивших горячность рабочих, выпустил отца на свободу, а вскоре началось отступление, которое завершилось его встречей с нами.

Да, быть евреем или находиться под подозрением, что ты еврей, было в то время очень опасно. Так было на всей оккупированной немцами огромной территории, и тем более в самой Германии.

В нашем лагере было много немцев-менонитов из разных колоний Украины. Некоторые оказались из-под Одессы. Мамин отец, будучи там когда-то миссионером, посещал эти села и проповедовал там по-немецки, заменяя арестованных братьев-проповедников. У него были прекрасные отношения с братьями-менонитами. Многие знали, что он еврей-христианин. Не зная этого могли разве что только дети.

Маму несколько раз спрашивали, не был ли пастор Розенберг ее отцом. Она всегда говорила правду и отвечала утвердительно, надеясь на лучшее. Эти женщины были тогда девочками и просто не знали, что Леон Розенберг был еврей. Его немецкий язык был совершенным. Опасность обминула нас и в этих случаях.

Но вот однажды прошел слух, что население лагеря будут «просеивать», чтобы убрать евреев. Одна семья была уже увезена в концентрационный лагерь. Нам назначили дату, когда мы должны будем явиться перед «коллегией экспертов» для проверки и прохождения созданных нацистами тестов, которые якобы с точностью устанавливают расовую принадлежность любого смертного.

Когда другой семьи не было дома, родители собрали нас возле себя и впервые сообщили нам, что наша мама по происхождению еврейка! Реакция была подобна взрыву бомбы... Отец и мама были явно встревожены и думали про себя: «А что, если гитлеровские тесты действительно

что-то значат?» Мне было 17 лет, Ире — 19, Лиде — 20, а Катюше едва исполнилось три года, когда мы узнали правду о маме, и нас впервые охватил страх.

В указанный день мы отправились по назначению, чтобы предстать перед комиссией знатоков своего дела. У нас брали кровь, измеряли наши черепа и ступни ног, заглядывали в рот и делали еще что-то, чего я уже не помню. Отец и мама тихонько молились про себя. Девичья фамилия матери звучала по-немецки, а фамилия матери моего отца была Романова, что произвело соответствующее впечатление на комиссию: «Романофф! Романофф! — повторил один из них несколько раз, — не эта же фамилия была у русских царей?» Вопрос не был адресован отцу, а был просто размышлением вслух, поэтому папа промолчал. Будь что будет. Нам велели подождать решения комиссии. Мы сели в ожидалке, и вдруг нас позвали и сообщили результат сложного и долгого испытания: «Gute Rasse» — хорошая раса! Нас не называли арийцами, но называли «хорошей расой», а не обреченными на истребление «унтерменшен». Как это могло случиться? Ошибка? Или гитлеровский тест не так уже точен, как они воображали?

Наученные мамой не отвечать на незаданные вопросы, никто из нас не давал добровольной информации, а вопроса «вы еврей?» нам никто не задавал. Наши родители предались воле Божьей и приняли бы из Его рук любой ответ. Если немцы ошиблись или их глупый тест почему-то в нашем случае не сработал, да будет так! Не мы выносили это решение, а они, а мы только приняли его без возражений. Возражать в таком случае мог бы только полный безумец. Родители еще раз увидели руку Божью над нами. Но почему мы были защищены, когда миллионы гибли? Независимость (суверенность) действий Бога может быть единственным ответом. Это будет моим первым вопросом, когда я увижу моего Спасителя лицом к лицу в вечности.

Мы еще раз избежали смерти, будучи на волосок от нее, но мама потеряла покой и искала возможность поскорее покинуть лагерь и перебраться на частную квартиру. Для

этого потребовалось еще одно Божье чудо, но вскоре мы были одними из первых, кто навсегда покинул этот лагерь беженцев. Чудо же произошло следующим образом.

Неожиданно заболела наша маленькая Катюша, и родители поехали с ней в ближайший городок в больницу. Пока врач осматривал Катю, папа «случайно» натолкнулся в коридоре на своего, спасшему ему жизнь, бывшего начальника на слюдяном карьере возле Мариуполя. Их фирма вернулась на родину и находилась неподалеку от больницы, куда родители привезли Катю. Начальник предложил отцу снова работать у них...

У Кати ничего серьезного не было, поэтому ее тут же отпустили домой, зато неделю спустя мы уже перебирались на еще одну временную (арендованную) квартиру в Plan by Marienbad (Плане при Мариенбаде). На работу пошел не только папа, но и Лида. Они взяли и ее.

Нашей квартирой стал нижний этаж домика, в котором наверху жили хозяева. В квартирке было всего две комнаты, но в той, которую мы считали кухней, на стене висел портрет Гитлера, который смотрел на нас своим злобно-глупым взглядом. Убрать его со стены было опасно, и мы оставили его до конца войны и нашего освобождения.

НОВАЯ СТРАНИЦА

По начальному договору мне полагалось проработать у Людеке один год, но когда летом 1944 года их невестка с детьми возвратилась в Дрезден, местная Биржа труда сообщила им, что домашняя помощь им больше не полагается. Влияние моего начальника не помогло, так что меня отправили в другую семью. Там была только мать и трое маленьких детей, а отец был где-то на фронте.

Новое место мне не понравилось и несколько дней спустя я ушла оттуда, расфыркавшись и заявив, что я вообще не домработница, что я происхожу из благородной семьи и только чрезвычайные обстоятельства превратили меня в прислугу. «Гордость житейская» подступила к моему горлу

и я громко и дерзко пошла против властей, посмевших поместить меня куда попало на черную работу с тремя сопливыми ребятами... Я не противилась работе в престижном доме начальника жандармерии, это даже подогревало мою гордость, но работать у кого угодно? Извиняюсь, это не для меня! Никогда! Это был мой первый урок по предмету: «Никогда не говори “никогда”».

Чиновницы на бирже труда выслушали мою тираду и вдруг спросили, сколько мне лет. Я ответила, что осенью мне исполнится 18 лет. «Ach so?!» — воскликнули они дуэтом и тут же сообщили мне, что в день моего рождения в сентябре я должна явиться в другой отдел по трудоустройству, где меня завербуют на год в женский рабочий батальон, в так называемую «рабочую службу рейха», или по-немецки: RAD (Reich's Arbeit's Dienst). Поскольку нашу семью называли хорошей расой (хотя и не арийской), мы должны были служить стране, в которой мы тогда жили. Всякое возмущение могло вызвать подозрения и повторную проверку на расу. Всех девушек моего возраста призывали на эту женскую службу на год: полгода у крестьян и полгода на заводе или в обороне.

Рабочей силы не хватало катастрофически, и Германия ввозила иностранцев со всех оккупированных земель. Немецкие девушки или такие, как мы, которых не причислили к «унтерменшен», помогали фермерам и их семьям, работали на военных заводах или у зениток. Я не знала, куда меня отправят, а пока наша семья, пользуясь моим освобождением от работы у Людеке, поспешила переселиться в План.

За несколько недель до нашего переезда моего друга, Вилли Шпинера, тоже забрали на борьбу с партизанами в Польше. Я никогда не обещала ему, что буду его невестой, и мы расстались, хотя и переписывались еще некоторое время. В короткий период перед моим призывом в RAD у меня появились новые друзья. Я была общительная и веселая девушка, но серьезных отношений все же избегала. Наше шаткое положение и война к таковым не располагали.

Однако моя самозваная «свекровь» бодрствовала и зорко следила за мной. Увидев меня в кино с другим парнем, она немедленно сообщила сыну о моей «неверности». Он отпросился в короткий отпуск и пригласил меня на разговор, но я твердо стояла на своем и еще раз повторила, что никаких обещаний давать не собираюсь. Мы расстались друзьями, но никогда больше не виделись. (Недавно я порвала и выбросила написанное им романтическое стихотворение, но сохранила две фотографии, которые он мне дал во время нашей короткой дружбы.) Нужно учесть и тот факт, что я была еще неверующая и могла бы наделать глупостей, но Господь чудесно охранял от зла по молитвам наших родителей.

Моя сестра Ирина тоже закончила свою работу в доме ее хозяина и была послана в Мариенбад, бывший курорт, превращенный во время войны в город-лазарет, где все отели превратились в военные лазареты с красными крестами на крышах в знак запрета их бомбить.

Многие молодые люди в нашем лагере начали покидать это свое первое жилище и уходить на работу туда, куда их направляла Биржа труда. То же происходило и в других беженских лагерях. В результате нам удалось снова наладить связь с Шагаровыми. Они тоже ушли на частную квартиру в Мариенбаде, где Вася нашел работу по специальности в одной из местных больниц. Нюся ожидала их первого ребенка и незадолго до его рождения посетила нас еще в лагере. Она была на сносях и спешила заняться приготовлениями к родам. Близился сентябрь. В начале этого месяца мы уже были на нашей новой квартире и мне пора было готовиться к регистрации.

Бог знает, как смирать гордые сердца, а в то время никто в нашей семье не нуждался в смирении больше меня.

Готовясь к регистрации в RAD, я помогала родителям по хозяйству. Как-то раз я принялась рубить дрова по новому методу, которому научилась в Германии: я придерживала бревно одной рукой и рубила другой. Без ловкости в этом деле не обойтись, ведь нужно было вовремя убрать пальцы. Этой-то ловкости у меня еще не было, и я рубанула

*Перед
призывом*

Я в форме после призыва

*В рабочем призыве.
Мои 10 подруг*

топором по своему большому пальцу и отсекла кончик — мякоть, а не кость. (На протяжении моей жизни мне было суждено еще не раз отрезать или отбивать себе части пальцев.)

Мама завязала мой палец салфеткой и отправила меня в Мариенбад к Ире, которая работала там в больнице. Ира отвела меня к Васе. Его метод лечения был радикальным — «из пушки по воробьям». Он усыпил меня хлороформом и произвел пересадку кожи.

Я проснулась от тошноты и не могла сразу возвратиться домой. Няня оставила меня «няней» для своего новорожденного сыночка и побежала по своим делам. Вернувшись, она начала рыться в своих вещах и нашла подаренные ей кем-то вещи: черное бархатное платье и серебряный медальончик на цепочке. (В 1946 году это платье и медальон были моим свадебным нарядом, что подтверждается нашей первой фотографией...)

Когда я возвратилась домой, мои призывные бумаги уже ожидали меня на столе. Я пошла к фотографу со своим завязанным пальцем и соответственно грустным выражением лица, и он выдал мне четыре паспортные фотографии, из которых одна находится по сей день в портмоне моего мужа, а вторая висит в рамке, обрамленная сухими цветами.

В последних числах сентября 1944 года я села в поезд и отправилась в Эгер. Близлежащая деревня была местом моего назначения. Там был лагерь для рабочих девушек, завербованных, как и я, в RAD. Я пошла туда пешком и вскоре предстала перед начальницей лагеря. Очень быстро я поняла, что мне придется заниматься (вы не поверите!) самой черной работой, включающей помощь на фермах возле коров и свиней, с разбрасыванием навоза на полях и ворошением сена, а главное, тут были не только соплевые носы, но и выведение вшей у фермерских детей! Следующие шесть месяцев Господь ломал мою гордость и учил меня смирению. Это не была утонченная школа фрау Людеке в ее вылизанном до блеска доме, а была «школа тумачков», предназначенная сломить гордость и выковать

сильный характер. Эта школа сделала из меня послушную, бескорыстную дочь своих родителей, служительницу ближним, жену и мать и многое другое, о чем я тогда даже не догадывалась.

Лагерь состоял из нескольких рядов деревянных барачков разных размеров и назначений. В одном из них была огромная уборная, которую девушки сами должны были выгребать весной и выливать содержимое на лагерный огород для его удобрения. В жилых бараках помещалось по 10 девушек на пяти двухэтажных деревянных кроватях с покрывалами в сине-белую клеточку и с такими же наволочками на жестких подушках. Набитые соломой матрацы тоже были очень жесткими.

После краткого приветствия нас подвергли унижению, придуманному специально для новичков, которые не сразу сообразят, что все это только злая шутка, а не часть нормальной программы. Одна из таких шуток заключалась в том, чтобы после мытья пойти к начальнице лагеря и с самым серьезным видом попросить выдать клозетную бумагу. Помню, с каким трудом она пыталась сохранить серьезное выражение лица, глядя на мою, тоже серьезную, но глупую физиономию. Какими же униженными почувствовали мы себя, когда узнали, что все это было только злой шуткой, что всех нас просто «околпачили».

В начале я ужасно тосковала по дому. Будучи в первый раз так далеко от дома и в разлуке с родителями, сестрами и нашей маленькой Катюшей, я зарывалась лицом в подушку, поворачивалась спиной к другим девушкам и долго безутешно плакала. Прошло несколько недель, прежде чем я начала заводить знакомства с окружающими меня девушками, и еще больше — чтобы подружиться с некоторыми из них. Ведь ко всему прочему я была еще и иностранка и надо мной подтрунивали, когда я говорила что-нибудь неправильно или с акцентом. В столовой мы должны были знать каждая свое место. Места были отмечены карточками с именами девушек. Возле моей тарелки стояла карточка с указательным столбом из козявой доски и словом «Сталино» на нем, дескать, вот туда

тебе и дорога. «Невидимые руки» все еще ломали мою гордость.

Каждую группу из десяти девушек возглавляла «фюрерша» чуть старше нас. Она будила нас затемно, проводила с нами зарядку и затем вела в ночных рубашках мыться в общую, неотопливаемую умывальню, где я вскоре привыкла мыться нагишом у всех на глазах. Там в ряд стояли цинковые раковины с кранами, но не было душей. Чистить зубы и мыться нужно было очень быстро.

Потом нас вели военным маршем обратно в бараки, где мы должны были одеться в свои синие формы и застелить проветренные кровати. Тут тоже нужна была скорость и точность. Количество клеточек на покрывале от одного, почти острого, края кровати до другого должно было быть всегда одинаковым. Его пересчитывала наша руководительница. (Я настолько привыкла к этой точности, что по сей день стелю постель таким же «сумасшедшим» образом, чтобы края были ровные и узор не нарушался, как будто бы кто-то придет и начнет проверять или считать мои клеточки или цветочки.)

Мы быстро проглатывали свою синюю овсяную кашу вприкуску с каким-нибудь фруктом по сезону, обычно с яблоком, и шли отдавать честь флагу посреди лагеря с пением каких-то там объединяющих, политических гимнов. Германия была пропитана милитаризмом.

Как я уже сказала, у нас была синяя форма: платье, козынька и зимой тужурка; ботинки были грубые, тяжелые. Чулки тоже были толстые, плотной вязки. Для города у нас была парадная форма: коричневый в двух тонах костюм (жакет и юбка), белая блузка с брошкой со знаком нашей службы и фетровая шляпа. Мы всегда маршировали. В деревне или в городе; по дороге на работу или на развлечения мы шли колонной, маршем, под пение народных песен про «любимых» (Feinsliebchen) и «эдельвейс» с припевами «голла-ри, голла-ра!»

Самим нам не разрешалось иметь любимых или вообще встречаться с мужским полом вне лагеря, а в лагере он полностью отсутствовал, кроме старого истопника, который

подсовывал девушкам неприличные открытки, привезенные им из Франции. Я бежала, как от чумы, от этих его экскурсий в бараки под видом проверки отопления.

Однажды мне сообщили о прибытии на станцию в Эгер военного поезда, в котором был якобы мой «жених». Я пошла туда и увидела, что военным парнем был мой последний знакомый Виктор, из-за которого у меня произошла размолвка с Вилли. Когда меня забрали в RAD, мы обменялись с ним несколькими письмами, и он знал, где я буду в следующие полгода, и что он, оправившись после ранения, будет отправлен на фронт.

Пришло, очевидно, его время ехать на фронт. Поезд сделал остановку в Эгере. Виктор вспомнил, что я здесь где-то поблизости, а он хотел передать своей матери в Вену (Австрия) какие-то вещички и немного продуктов. Я взяла все это и отослала его матери, а вскоре узнала от нее, что Виктор погиб на фронте. Жаль! Он был еще почти безусым юношей из тех отчаянных гитлеровских пополнений, которые я видела еще на Украине.

Зимой мы работали в домах, помогали хозяйкам с детьми, доили коров, кормили кур и свиней, а весной и летом на полях ворошили сено, секли солому. Осенью собирали урожай, копали картошку, свеклу, лук.

Я прибыла в свой лагерь осенью, а зимой после нескольких недель поденной службы в одном крестьянском доме со швивыми, сопливыми детьми меня отправили на бывшую мебельную фабрику, которая во время войны изготавливала для барачников стены, окна, двери...

Под зорким наблюдением мастера я быстро научилась одним ударом молотка вбивать в балки длиннющие гвозди так, что даже шляпка уходила в дерево, оставляя аккуратную ямочку.

Моей последней работой в этой деревне было прислуживание в доме, магазине и гостинице местного мясника. Я была «Пятницей» у его жены. Мною затыкали множество дыр. То я убирала комнаты в гостинице и перестила там постели, то прислуживала у столов, то мыла полы в хозяйском доме, то стояла за прилавком в мясной лавке

или помогала хозяйке тереть картошку для «кнедлей» из сырой и вареной картошки, которые она готовила на выходные дни. Кормили меня на этом «хлебном» месте впроголодь. Колбаса и сосиски, хлеб и вкусные блюда на их столе были не для меня.

На их маленькой бойне работал француз. Мы не понимали языка друг друга, но, видя мое голодное выражение лица, он совал мне в карман фартука пару сосисок всякий раз, когда для этого представлялась возможность, то есть, когда нас никто не видел.

Возвращаясь из разных дворов и рабочих мест в лагерь, мы стекались к главной дороге, которая вела туда, и проходили (колонной!) мимо лавки другого мясника. Он совал нам всем в руки по куску еще горячей кровяной колбасы. В ней не было ни жира, ни каких-либо добавлений, только кровь, от которой ему нужно было так или иначе избавиться, и немного специй. Мы были рады и тому, хотя я не могла никак избавиться от чувства отвращения...

Приближалось Рождество 1944 года. Меня охватило беспокойство, я начала умолять начальницу лагеря отпустить меня на пару дней домой. Я была так настойчива, что все-таки ее уломала, ведь моя семья жила ближе чем у других девчонок.

На барачной фабрике, где я тогда работала, я упросила мастера помочь мне смастерить стульчик для Кати. Я не хотела ехать домой с пустыми руками. Я никогда не делала никакой мебели раньше, но под руководством мастера сколотила вполне приличный детский стульчик. Связи с домом не было. Телефоны не работали, почта приходила плохо и я не успела предупредить родителей о моем приезде.

В день моего отъезда я встала до рассвета. Было еще темно, на небе только начинали гаснуть звезды. Я шла одна с маленьким саквояжником в одной руке и стульчиком в другой. Поезда ходили нерегулярно, но я все же попала в свой вагон, где от частых бомбежек не было ни окон, ни дверей.

Холод в поезде был невероятный, ветер дул в разбитые окна и покореженные или вовсе отсутствующие двери. По

дороге несколько раз приходилось останавливаться и бежать в бомбоубежище. Налеты были постоянными.

Я все же добралась домой. Мама всплеснула руками и бросилась мне на шею. Катюша обнимала мои колени и кричала «Вея! Вея!» (она еще не могла произносить букву «р», как когда-то я в детстве). Стульчик понравился ей, особенно потому, что я смастерила его своими руками. Вскоре пришли с работы Лида и папа, и только Иры не было дома, она все еще работала в лазарете в Мариенбаде.

На четвертый день меня проводили в обратный путь. Время было тревожное. Союзники уже открыли второй фронт во Франции и двигались на Германию, а мне нужно было продолжать свою работу.

Мне было жаль моих товаров по RAD, которым не дали отпуска на Рождество, но они понимали, что моя семья жила довольно близко и это было причиной моего отпуска.

Когда моя работа в деревне закончилась, нас разделили по алфавиту на две половины: первая половина должна была работать на авиастроительном заводе в Фалькенау, а вторая — у зениток. Мне опять «повезло»... О эти дивные «Невидимые руки»! Моя фамилия была на букву «А» и я поехала в Фалькенау на военный завод строить самолеты для военной авиации Гитлера. Меня поставили у токарного станка, на который я смотрела, как баран на новые ворота. Вскоре с помощью опытного мастера я стачивала тысячные доли миллиметра с малюсеньких деталей! Он измерял все сам и браковал негодное.

Мы работали в ночную смену. Завод был эвакуирован из Берлина из-за постоянных бомбежек там, но за его передвижением следили и продолжали бомбить его и тут. По два-три раза за ночь нам приходилось уходить от станка в бомбоубежище, а когда возвращались, мы уже не помнили (да и не хотели помнить!), что мы делали. Когда окончилась война, я всегда говорила, что помогла Гитлеру ее проиграть, так как я и подобные мне голодные саботажники так строили его самолеты, что они вообще не могли взлетать.

Нас плохо кормили: 400 граммов черного хлеба, кусочек маргарина и две-три картофелины в «мундире» в сутки.

Каменные казармы, в которых мы жили, не отапливались, поэтому вода в кранах была только холодная. На двухэтажных кроватях с соломенными матрацами невозможно было выспаться, тем более что спали мы не ночью, а днем. Нам было по 18 лет, но даже это обстоятельство не облегчало нашего положения.

Радио сообщало о приближении союзников. Девушки из Эльзаса рвались домой в освобожденную Францию. С востока через Польшу двигались русские. Мы мечтали о конце войны, гибели Гитлера и возвращении домой. Германия была обречена, но Гитлер упорно не сдавался. Одержимый своей идиотской идеей арийского превосходства, он терял захваченные страны одну за другой, а также и свою собственную, но упорно не желал капитулировать.

Две девушки в моем новом лагере были из близлежащих к Плану городков. Поговорив коротко о побеге, мы решили на другое утро бежать домой, хотя у нас не было ни отпускных бумаг, ни денег. Одно было в нашу пользу на этой работе: мы не носили форму.

Бежать со второго этажа так, чтобы этого не заметила руководительница, которая до последней минуты твердила о «победе», было непросто. Мы связали три простыни, спустились через окно до рассвета и пошли пешком на станцию. У нас не было билетов. Увидев издали кондуктора, мы решили сойти на следующей станции сами, не ожидая, когда нас высадят. Оттуда двинулись дальше пешком вдоль железнодорожных путей до следующей крупной станции в Карлсбаде. Я несла свои вещи через плечо в двух связанных веревкой картонных коробках. По сей день у меня углубление в кости на одной ключице.

Не помню, сколько километров мы прошли, но когда дошли до платформы на станции Карлсбада, там уже сидели люди с узлами и ящиками (приличных чемоданов ни у кого не было) и ожидали на авось какого-нибудь поезда. Расписание движения поездов было ненадежным, так как пути регулярно бомбились союзниками и бывали часто минированы партизанами.

Наконец, неведомо откуда явился поезд, битком набитый военными. Они высовывались из окон, стояли на площадках между вагонами и даже сидели или лежали на крышах. Войти в такой поезд было просто невозможно. Наша молодость помогла. Военные втащили нас вместе с нашим багажом через окна, но внутри было так тесно, что ноги не доставали до пола. Когда я протискивалась вниз, мое платье задралось вверх и собралось у шеи. С большим трудом я постепенно опустила его вниз.

Когда мы приближались к Мариенбаду, где тогда работала и жила моя сестра Ирина, меня вдруг охватило какое-то необъяснимое беспокойство. Вопреки логике и здравому рассудку, я решила вылезти из поезда в 20-ти минутах пути до дома! Я начала просить моих спутников помочь мне покинуть поезд. Кто-то из военных неохотно открыл окно и с отборной руганью вытолкнул меня через него на платформу, бросив вслед мои коробки. Мои спутницы были особенно обижены, ведь мы убежали вместе с завода в Фалькенау и должны были добраться до дома тоже вместе...

Я водрузила свои коробки на стертое в кровь плечо и пошла вдоль станции по привокзальной улице к городу. Я была в дороге не более пяти минут, когда вдруг налетели бомбардировщики и разбомбили только что покинутый мною поезд в пух и прах.

Мариенбад был город-лазарет и поэтому не должен был подвергаться бомбежкам, но станция и пути не подлежали этому запрету. Их можно было бомбить, и союзники знали об этом.

Я отыскала Ирин лазарет, нашла ее и остановилась у нее на ночь. Выздоровливающие раненые всю ночь разгребали разбитый поезд, вытаскивая убитых и раненых из-под бесформенных груд причудливо изогнутого металла. Я так и не узнала, уцелели ли мои подружки.

Наутро я стояла у главной дороги и, выставив большой палец, просила подвезти меня домой. Все дороги постоянно бомбились. Если что-нибудь двигалось по ним, самолеты пикировали и обстреливали все и вся из бортовых

пулеметов. Я рисковала жизнью, но другого выхода не было. Нужно было во что бы то ни стало добраться домой. Поезда тоже бомбили, а идти пешком вдоль дороги было не менее опасно, чем ехать на грузовой машине или подводе. Надеюсь на удачу, я ожидала транспорта, пока не остановила грузовую машину, и шофер согласился взять меня, так как ехал в наш город и вез туда молоко.

Когда я вошла в нашу квартиру, мама чуть не потеряла сознание. «Как тебе удалось добраться домой в такое время?» — спросила она, и я до полуночи рассказывала ей о своих похождениях. Она узнала, что я без документов, что бежала незаконно, но союзники были так близко и освобождение не за горами, что она была рада видеть меня дома в уверенности, что теперь уже все неважно и скоро все кончится.

Я приехала домой в начале апреля 1945 года. По какой-то непонятной причине на другой день у нас в доме появился мой бывший начальник герр Людеке. Возможно, жандармерия превратилась в ополчение или в так называемый Volks Sturm где-то неподалеку, и он решил посетить нас. Мама сказала, что это было не в первый раз. Я боялась, что он узнает, что я бежала из RAD без документов, но он ничего не спросил, не имея надо мной больше никакой власти.

Вскоре возвратилась из Мариенбада и Ира, и наша семья была снова вся в сборе под одной крышей, но опять стояла перед неопределенным будущим в надежде, что скоро все разрешится и заветная мечта о воссоединении с маминной семьей осуществится.

Мне хотелось еще раз повидать фрау Людеке, и я поехала в Константинсбад, где был наш первый лагерь и где раньше жили Людеке. Я нашла их в какой-то скромной квартирке, откуда они собирались бежать в Дрезден в русскую зону, воображая, что там никто их не узнает, а русские будут менее суровы к ним, чем американцы или англичане. По-моему, они заблуждались. Разве не были они нацистами высокого ранга?

Я немного пообщалась с фрау Людеке, но, уловив из-за угла прежний похотливый взгляд ее мужа, поспешила

уехать домой. Я не виделась с ней больше никогда, но ее муж еще раз явился к нам через несколько дней...

Союзники были очень близко. Окраину нашего городка бомбили. Небо полыхало заревом артиллерии, ночные улицы освещались ракетами. Мой бывший хозяин пришел как-то под вечер и попросил, чтобы я помогла ему подвезти на тележке его багаж к автобусной станции далеко за городом.

Я заняла у хозяйки нашего дома тележку, он погрузил на нее свои чемоданы и сказал, что на станции нас будет ожидать его жена. Я заподозрила что-то неладное, но выхода не было. Окраина города горела и дымилась, а я тащила тележку за этим подозрительным типом, боясь его послушаться. Мои подозрения оправдались. Никакой фрау Людеке там не было. Как только чемоданы были сняты с тележки, герр Людеке распахнул свою шинель и прижал меня к себе. Я вырвалась (у меня был опыт!) и убежала домой, забыв тележку. Хозяйка была недовольна пропажей тележки, но что было тогда важнее — я или тележка? Я не могла ей объяснить, что со мною могло произойти, если бы я задержалась из-за ее тележки.

Ничто не имело тогда уже значения. Мы проводили почти все ночи, а то и дни в подвале, прислушиваясь к взрывам бомб и не зная, куда может упасть следующая. Кто мог знать такое заранее? Лида боялась и бомб, и самого бомбоубежища, как закрытого места, которое могло в любой момент стать нашей семейной могилой. В панике она плакала и кричала: «Мама, мы все умрем! Я не хочу умирать!» Мама, которая тоже не особенно хотела умирать, но, ощущая ответственность за семью, уходила наверх в квартиру и преспокойно, под грохот канонады, готовила на печке суп в полной уверенности, что мы будем его есть. И мы действительно всегда его ели!

Однажды я выглянула в окно из ванной комнаты и увидела, как из летящего на нас самолета падали две бомбы. Имея в этом деле некоторый опыт, я знала, что сброшенные видимым для меня образом бомбы полетят прямо на нас. Они всегда летят вперед, а не назад. Вдруг весь дом

задрожал, страшный взрыв оглушил нас всех, но бомбы упали не на наш дом, а прямо через дорогу на железнодорожные пути. Мы жили напротив станции и наша улица называлась «Станционная» или «Bahnhof Strasse».

Четвертого мая 1945 года наш город окружили со всех сторон американские танки. Обстрел длился всю ночь. Снаряды попадали в стены домов. Дыры от них были и в нашем доме. Мы остались в квартире, но утром 5 мая спустились в подвал, чтобы из его окон, расположенных на уровне улицы, посмотреть, что же там происходит.

На улице стояла жуткая тишина, но по другую сторону станции по склону холма спускались рядами солдаты. Они шли через вокзал на нашу улицу. Здесь они разделились на две шеренги и шли по обе стороны улицы с опущенными вниз ружьями-автоматами. Они целились в подвалы, откуда можно было ожидать сопротивления. Солдатами были американцы!

В отличие от немецких солдат, у которых сапоги были сплошь подбиты гвоздями с выпуклыми шляпками, так что их можно было слышать за версту, особенно на европейских булыжных мостовых, американские ботинки, высокие и зашнурованные, были на толстой резиновой подошве и были бесшумны. Солдаты подкрадывались, как коты, к окнам подвалов и целились в них из своих автоматов.

Они не могли знать, будет или не будет оказано сопротивление со стороны наскоро собранного ополчения из пожилых мужчин и стариков, поэтому должны были быть очень осторожными. Ополчение действительно было, и наш папа тоже был призван в него ночью, так что его не было с нами во время ночного обстрела.

Достигнув центра города и ратуши, американцы встретили группку ополченцев, готовых к капитуляции без сопротивления. Над крышей ратуши взвился белый флаг, а вслед за ним по всему городу и на всех домах были вывешены такие же флаги в знак полной сдачи города победоносным американцам. Так за мою короткую жизнь я стала очевидцем двух вторжений иностранных войск на

территорию, где жила наша семья. Первый раз — в моем родном городе Сталино, второй — в нашем беженском жилище в Плане у Мариенбада в Судетенланде (бывшей Чехословакии).

В жизни нашей семьи все это было еще одним чудом, еще одним действием «невидимых рук» для нашего окончательного избавления. Я объясню, почему. Наш город должны были освободить от нацистов русские войска, и эта территория по договору между союзниками должна была перейти к ним по окончании войны. Однако, когда американский генерал Паттон подошел к Чехословакии (Судетенланду), русских еще там не было. Они (почему-то!) где-то задержались, хотя по предварительному договору всю Чехословакию должны были освободить они. Паттон подождал некоторое время и решил, чтобы не оставлять вакуума, хотя бы временно захватить узкую полосу территории в виде полумесяца, а потом передать ее русским. Мы «случайно» оказались именно на этой полоске земли! В высшем плане было очень важно, чтобы нас освободили не русские, а американцы! Другие части Чехословакии были уже захвачены русскими. Полным ходом шла подготовка к знаменитой встрече союзников на Эльбе в Австрии. Эта историческая и хорошо документированная «случайность» в стратегии Паттона и его танковой дивизии послужила орудием для нашего следующего исхода и бегства от «своих»...

ВТОРОЙ ИСХОД

После окончательной сдачи нашего города американцы начали размещаться во временно захваченном ими Судетенланде, ожидая дальнейшей передачи этой территории русским.

Портрет Гитлера с его глупо-злым выражением лица мама сняла с нашей стены и выбросила в мусорный ящик в момент захвата города американцами. Мама долго с нетерпением ожидала этого момента!

К нашему угловому дому подъехал танк со своим небольшим экипажем и возглавляющим его молодым сержантом. Как подобает всем победоносным захватчикам, они свалили танком наш забор и подкатали прямо к дверям. Затем разбили дверной (незапертый!) замок прикладами своих автоматов и вошли в дом. В данном случае все это было, конечно, лишним, потому что мы не были намерены сопротивляться, даже наоборот, ожидали их с большим нетерпением.

Молоденький сержант в трофейных немецких летних сапогах уселся за кухонный стол, положив ноги на стол (американцы любят отдыхать, задрав ноги на стол). Он объявил маме, что им нужна на ночь квартира, и мы должны освободить для них свою. Мама не возражала. Она приветствовала очередных захватчиков на их родном языке. Ее английский был немного слабым, почти забытым, но объяснить она могла прилично и потому тут же перешла на личный разговор, сообщив кратко, кто мы и какова цель наших странствий по «белу свету».

Солдаты были голодны и выгребли все съестное из наших шкафов. Пообедав, они начали устраиваться на ночлег. Провалив нашу единственную двуспальную кровать, они расположились на полу и на одинарных кроватях.

Сержант неохотно приготовился выслушать маму. Не теряя ни минуты времени, она попросила разрешить ей написать ее отцу в Америку, что мы пережили войну и находимся там-то и там-то. Адрес отца в Лос-Анджелесе, куда он перевел свою Миссию в начале сороковых годов, был четко зафиксирован в ее памяти. Сержант категорически отказался исполнить ее просьбу. Мотивировка была такая: «Мадам, вы сошли с ума! Война еще не кончилась, это фронт и мы идем дальше на встречу с русскими. Военная почта подлежит цензуре, а цензор ни за что не пропустит такое письмо...» Мама не отступала, и сержант смягчился. Он задумался и, полагая, что она не сможет написать сама такое письмо отцу, предложил ей написать его, а он, мол, позаботится о цензуре...

Мама СМОГЛА написать письмо, и сержанту пришлось сделать приписку для цензора на конверте: «Это письмо

от русской женщины в городе, который мы взяли СЕГОДНЯ (дата). Она не видела своей семьи почти двадцать пять лет и не слышала о них последние пять. Ее отец живет в Лос-Анджелесе». Цензор пропустил письмо. Оно сохранилось у деда и сегодня находится в моем архиве вместе с фотографией молодого американского сержанта.

Дедушка Розенберг сразу же принялся хлопотать, чтобы вывезти нас из Европы в Америку, но на это ушло еще два года для моих родителей и двух сестер (старшей и младшей) и четыре с половиной года для меня и Ирины с нашими мужьями.

Мы провели ночь у хозяйки на втором этаже нашего дома, а утром папа активно искал для нас другое жилище. Он нашел его в ближайшей деревне, и мы прожили там следующие несколько недель.

Оккупация нашего городка американцами длилась от начала мая до начала августа 1945 года. Уже в середине лета чехи начали возвращаться домой из протектората, куда были насильно выселены Гитлером. Коммунистическая партия Чехословакии приняла бразды правления и приветствовала русских с распростертыми объятиями, как родных славянских братьев. Вместо знакомого приветствия «Хайль Гитлер!» мы услышали не менее знакомое «Рот Фронт!» с поднятым вверх кулаком. Все это было слишком неудобным для нас: коммунистический режим, от которого мы так долго и с таким трудом бежали, достиг нас в Чехословакии!

Мама обратилась к американскому капитану Ричардсону. Она сказала ему, что у нас есть родственники в Америке и нам нужно немедленно переправиться в американскую зону для воссоединения с ними. Он посочувствовал маме, понимая, что время уходит, что нужно что-то делать для тех, кто не желает оставаться под Советами. Он собрал небольшой лагерь из нескольких, в основном еврейских, переживших холокост, семей в Куттенплане и занялся поисками транспорта. Мы присоединились к ним со всеми своими вещами (вы не поверите!) опять в конюшне на земляном полу и соломе!

Plan of Increased
d. S. 55

My dear father,

I will try to advise you,
that we all are thank
the Lord healthy and
safe. We live in Germany
Plan of Marienbad, Bahnhofs.
261/II of Lenka

I hope, that you are also
well and that we will soon
hear from you

In love

Your daughter

Jenny

Rev.

111

Leon F. Rosenberg.

252 N. Dillon Street

Los Angeles, Calif
U.S.A.

NOTE FOR CENSORS

THIS LETTER IS FROM A RUSSIAN LADY
IN A TOWN WE TOOK TODAY IN SWEDENLAND.
SHE HASN'T HEARD FROM HER PARENTS IN 5
YEARS SO I AM SENDING THIS.

Arthur G. Petty
2-13-45

Мамина записка

...его приписка цензору

Американский
сержант...

To: Mr. and Mrs. Serge Abramovitz
Plan of Marienbad
Bahnhofstr
261/II of Lenk
Sudetenland.

From: Rev. Leon I. Rosenberg
252 N. Dillon St.
Los Angeles 26, California.
U.S.A.

July 7, 1945

My Dearly Beloved Children:

I received your letters. Besides my cable to you, I wrote three times, but I have received no acknowledgment, as yet. That probably will come later. What a joy it is, hearing from you and of the children. Please send me a photograph, if possible.

I am waiting, with prayerful anticipation, for a detailed letter from dear mother, but most of all - to be with her and bring her with me to America. The Lord has prepared a wonderful home for her here, in beautiful California, where people are amazed if the sun hides it's face for a day or two. It is a wonderful climate - and such splendid opportunities for younger people, particularly children. No where in the world, is there another place with such opportunities, as there are here.

I am now an American citizen, for which, I have waited five long years. I am happy that I am a member of this great Nation - a citizen of this blessed country. I wish you could come to the U.S.A.

As far as I know, Elizabeth is happily married. She does not write much, and I do not know much about her family affairs, but it does not matter. I am happy to know that she is well and satisfied.

Last week, I sent you \$450 and I explained in a letter that you can use as much as you feel is necessary to help those who need to be helped.

*James Irving father
& Grandpa*

Ответ деда Розенберга на записку мамы

Родители очень берегли наши вещи. У нас не было ничего такого, что по-мирски считается ценным, но у нас были семейные бумаги, родительские дипломы, наши похвальные грамоты и дневники, тетради, записки, фотографии и немного книг и посуды еще из дому. Все это было в нашем знаменитом сундуке. И все доехало до Америки, иначе я бы не смогла написать свою повесть.

В лагере мы провели дней десять. Мама нажимала на капитана Ричардсона каждый день до тех пор, пока он не раздобыл грузовик и отправил нас всех в Пильзен, где была узловая станция и, возможно, какой-нибудь едущий на запад поезд.

В Пильзене был беженский лагерь, который, по-видимому, имел в виду наш шофер, но этим лагерем руководил КГБ и отправлял людей на родину, которая «все забыла и простила». Мы прекрасно знали по опыту, что наша родина ничего, никому, никогда не прощала и не забывала. Большинство возвращенцев закончили свой путь в Сибири...

Мама поговорила с охраной у ворот и сказала, что мы едем на запад. Шофер повернул машину и отвез нас на станцию. Там «случайно» еще стоял товарный поезд, полный переживших холокост евреев. Они отнеслись к нам с подозрением, боясь, что мы — немцы, но мы сказали, что мы русские и желаем воссоединения с родственниками в американской зоне. Они вскоре приняли нас в свой вагон, но и поезд не замедлил с отправкой в путь, приближающий нас к конечной цели.

Только теперь мы смогли вздохнуть свободно! Последний побег удался!

Наконец-то мы двигались на запад к американцам, расставшись раз и навсегда с Советами. Не надо было больше ничего скрывать от властей или дрожать за жизнь. Наша долгая эпопея со сложными и опасными бегствами приближалась к концу. Мы еще не были у цели, но хотя бы уже вырвались из лап Сталина и когтей Гитлера, а все остальное уже не представляло трудностей. Самое страшное было позади. Мы не меняли наших имен и фамилий, ни названия нашей страны, из которой мы добровольно

бежали, как это делали многие, и наши бумаги были в порядке. Мы были теми, о ком говорили наши бумаги, и наша надежда укреплялась с каждым днем.

Мы прибыли в Мюнхен (Бавария) 23 августа 1945 года. Там жила с начала 1944 года младшая сестра отца Ольга со своим мужем Викентием Викентьевичем Лукинским, так что нам было у кого остановиться. Я помнила, как мы с папой были у них один раз в 1944 году, но Мюнхен уже тогда бомбили, и мы поспешили возвратиться в свой лагерь.

На огромной железнодорожной станции стояло много поездов. Здесь были и пассажирские, и товарные составы. В глаза бросались огромные плакаты, призывающие людей возвращаться на родину, и многие возвращались радостно и с пением, не подозревая, что их везут на 10 лет в Сибирь. После нескольких тяжелых лет рабского труда в Германии они ехали на рабский труд на родину. Какая трагедия!

Еще из Александровки отец вез с собой велосипед, который он купил на деньги, вырученные от продажи лошадей. Он сел на велосипед и поехал искать транспорт для нас. В каком-то лагере DP (перемещенных лиц) он нанял троих молодых ребят, они и привезли нас в Оттобрунн (пригород Мюнхена) к тете Оле.

Часть III

СВОБОДА С НОВЫМИ ТРУДНОСТЯМИ

Мы мечтали о свободе, стабильности, о месте, которое мы могли бы назвать словом «дом», но мы были еще так далеки от цели! Мы устали от войны, устали от трудностей, отсутствия медицинских услуг, из-за чего особенно пострадали наши зубы, устали от бедности, голода, беженского существования с клопами и блохами, выгребными уборными. Устали от отсутствия возможности как следует выкупаться.

В памяти были еще свежи воспоминания о сухих картофельных очистках, предназначенных для свиней, но скармливаемых людям во время немецкой оккупации. Мы помнили «макуху» — жмыхи подсолнечных семечек после отжимки масла, тоже корм для скота, который мы грызли с таким аппетитом! Не забыли кормовую свеклу и конские кости без признаков мяса на них и многие другие «продукты», о которых до войны мы просто не имели понятия и не могли бы себе представить частью нашей «диеты».

Донося до читателя мою историю в возрасте 75-ти лет, я все еще отчетливо помню очень многое, потому что оно запечатлелось в моем мозгу в ранней юности, а в более поздние годы мы помним все хуже, как, например, где я сегодня положила свои очки или ключи от машины!

Помню, например, как во время оккупации я шла за немецким солдатом, который нес из полевой кухни свой обед. Одной рукой он держал котелок, а на ладони другой лежал листик вошеной бумаги с ложкой искусственного меда на ней. Краем глаза он видел меня. Вдруг он поскользнулся и выронил мед в снег. Боясь, чтобы он не достался мне, он втоптал его в снег каблуком сапога. Я же давно не ела ничего сладкого, кроме сахарной свеклы, притом только один раз почти год назад. Поэтому, подождав, пока он ушел за угол, выковыряла бумагу с медом из снега и съела все — бумагу, мед и грязный снег!

Мы помнили два наших чудесных бегства: сначала из Украины, а потом из Судетенланда в американскую зону в

Баварии буквально в последнюю минуту перед приходом русских, которые могли отослать нас обратно на родину.

Прибыв в Мюнхен, мы оказались в послевоенной Германии — стране, почти совсем разрушенной бомбами союзников, поверженной на колени, униженной после позорного поражения в затеянной Гитлером войне.

В стране было море беженцев всех мастей. Были немцы с восточных территорий, отошедших по договору к русским, были мы — беженцы от советской власти, и были невозвращенцы — бывшие бесплатные рабы, угнанные на работу в Германию. К тому же там были еще и тысячи военнопленных, из которых генерал Власов организовал целую армию и воевал против коммунистов на стороне Гитлера, за что дорого поплатился...

На эту тему было написано несчетное количество книг, моя же повесть личная, а не исторический роман, поэтому я не буду отклоняться слишком далеко от главной темы.

Итак мы прибыли к тете Оле. В начале моей повести я сказала, что она жила с бабушкой до 36-ти лет и считалась старой девой, хотя была очень миловидной. Во время оккупации в 1943 году к нам в Сталино приехал пожилой инженер-авиастроитель, старый иммигрант, аристократ Викентий Викентьевич Лукинский. Не знаю, как и где, но он познакомился в тетей Наташей, папиной старшей сестрой, у которой жила бабушка с Ольгой. Викентий Викентьевич был вдовцом, жил в Париже, бывал в Габоне (африканской колонии Франции), а в то время работал в какой-то немецкой авиационной фирме. Ольга ему понравилась. Он сделал ей предложение и вывез ее с собой из Украины во Францию, а потом в Баварию. Он был на 19 лет старше тети Оли, так что детей у них не было, но у него была во Франции взрослая дочь от первого брака.

Во время нашего прибытия в Баварию тетя Оля и дядя Викентий уже не жили в Мюнхене, а были эвакуированы из-за бомбежек в пригород Оттобрунн. Здесь неподалеку от аэродрома были построены временные деревянные домики для работников авиакомпании, в которой работал дядя.

Это были четыре ряда бараков на бывшем поле или лужайке. Второе подобное поселение было в лесу. Одна украинская пара жила в этом лесном поселке и знала тетю Олю. Узнав о нашем приезде, жена прибежала познакомиться с нами. Это знакомство сыграло большую роль в моей личной жизни. Все местные украинские ребята-невозвращенцы, бывшие работники местных ферм и фабрик, собирались в доме этой четы. Некоторые уже работали на американской базе в соседнем городке. В лесу возле городка Гогенбрунна были бункеры-хранилища немецкой амуниции. Украинцы называли эту базу «Муной». Американцы постепенно взрывали это устарелое и ненужное оружие. Звуки взрывов доносились до нас.

Слух о нашем прибытии быстро разнесся среди украинской молодежи. Этим ребятам было интересно познакомиться с новоприбывшими «девчатами».

Напоминаю еще раз, что все мы были тогда неверующие, хотя западные украинцы, какими были эти парни, считались по традиции греко-католиками.

У нас все еще не было своего жилища. Родители ожидали освобождения одного из барачных домиков с маленькими участками земли перед и за домом для огородов. Эти временные жилища назывались по-немецки Behelfsheime, то есть вспомогательные жилища для работников авиакомпании и аэродрома, а потом для эвакуированных и беженцев.

Однажды Лидия (так звали жену знакомой пары) пригласила нас троих, моих сестер и меня, к себе под вечер познакомиться с их молодыми друзьями. Все они говорили по-украински, этот язык был знаком мне со школьной скамьи, хотя объяснялась я на нем тогда слабовато.

В бараке Лидии и Романа Карпинец было много молодых ребят, и между нами завязался оживленный разговор. Мы познакомились, а потом они начали петь и притом очень хорошо. Украинцы отличаются хорошими голосами и способностью гармонизировать. С этим я уже была знакома с детства.

Почти к концу вечера явился еще один юноша, на вид почти еще мальчик, стройный, белобрысый, голубоглазый,

с ямочками на щеках. Когда Лидия сказала что-то в шутку по поводу его опоздания, он улыбнулся и, дразня ее, повернулся к двери, сделав вид, что уходит... Я бросила на него беглый взгляд, внутри что-то екнуло, как едва уловимое предчувствие чего-то неосознанного... Что-то скромное и застенчивое было в его юной улыбке, а на лбу между бровями был глубокий треугольный шрам. Украинские ребята называли этот шрам «знаком». Этот парень со «знаком» на лбу понравился мне с первого взгляда.

Когда мы собрались идти домой, несколько ребят вскочили проводить нас, был и желающий проводить меня, но Стах (так звали парня со «знаком») при всей своей застенчивости оказался проворней других и пошел провожать меня. Ночь была темная, безлунная, фонарей нигде не было, верхушки сосен над нами сливались с небом. На тропинках еще были лужи от вчерашнего дождя. Через самую большую лужу Стах перенес меня, как заправский рыцарь, и благополучно доставил домой. Вскоре наша семья вселилась в освобожденный двухкомнатный барак. Внутри были двухэтажные кровати, покрытые такими же клетчатыми одеялами и подушками, какие я уже знала в RAD, чугунная печка с выведенной за стенку трубой и небольшой горкой дров возле нее. Тетя Оля сохранила одну наволочку и даже довезла ее до Америки, так что у меня есть сувенир из наших барачков в Оттобрунне.

Пол в маленьком коридорчике был одновременно крышкой над неглубоким погребком для хранения овощей и картофеля. Оставлять эту крышку открытой было опасно — мама умудрилась свалиться в погребок, как случилось это несколько раз до этого почти в каждом из наших прошлых жилищ. Ее падения в погребка были похожи на мои неоднократные повреждения пальцев, хотя и она была мастер резать кончики пальцев во время приготовления еды.

Не помню, каким образом, но наша мама вскоре вошла в контакт с местными верующими лютеранками. Это стало ее первым общением с верующими за многие годы без церкви и библейских разборов. Мы видели ее иногда, стоящей

на коленях в молитве с какой-нибудь сестрой в одной из наших двух комнат. Потом начались регулярные библейские разборы в ее бараке. Женщины, которые приходили на них, имели свои уютные дома, но им нравился скромный мамин барак. Мама приглашала и всех нас на эти собрания, но мы отказывались наотрез общаться с ее «старыми бабками», а она продолжала усиленно молиться о нас.

Одна местная семья особенно сблизилась с нашей. Мы часто бывали у них и пили кофе с «кухеном», хотя продукты были все еще по карточкам и сахара почти не было вовсе. Хозяйка дома ставила сахарницу на стол с малюсенькой ложечкой, чтобы можно было взять только одну или две, хотя хотелось взять десять, но брать больше было неудобно.

Эта семья жила около леса в двух домах на двойном участке. В одном жили родители и сын с женой и маленькой девочкой, а в другом жила незамужняя пожилая «танте Анна Цей» — сестра матери Кристель Грубмюллер. Оба дома были окружены садом и огородом, а сзади был небольшой сосновый лесок.

Обе сестры посещали мамин разбор Божьего Слова и молитвенные собрания. Дружба с этой группой верующих и Грубмюллерами продолжалась даже после нашего переселения за океан, в Калифорнию. Вся группка женщин продолжала писать маме и мне письма и присылать подписанные всеми открытки. Молодое поколение тоже переписывалось с нами, а Альберт и Руфь Грубмюллеры даже посетили нас в Америке незадолго до конца их земного пути.

Со Стахом мы встречались время от времени, а на мой 19-й день рождения в сентябре 1945 года он явился с букетом полевых цветов (цветочных магазинов и лавок еще не было) и моя семья заподозрила, что тут что-то серьезное.

Папе эта затея не нравилась с самого начала. Наши выездные бумаги были готовы. Дедушка Леон Розенберг позаботился о том, чтобы доставить нас как можно скорее к себе, начав хлопотать с момента получения письма, которое передал от нас американский сержант из Плана.

Папу смущало наше со Стахом разное происхождение и тот факт, что мы оба были еще неверующие. Папа был интеллигент с высшим образованием и намеревался продолжать наше прерванное обучение, а тут вдруг простой деревенский парень...

Наше увлечение друг другом было типичным для молодежи в радостное послевоенное время. Война наконец закончилась, все ожили, начали строить жизнь, знакомиться, вступать в брак. У всех было приподнятое настроение. Мы ходили на танцплощадку в ресторанчике на углу нашей улицы — прямо напротив железнодорожной станции, а также встречались дома, а иногда группой ходили в кино в Мюнхене. Во время войны и при постоянных бомбежках никто не думал о развлечениях или серьезных знакомствах. У меня в прошлом было несколько коротких знакомств, но я не делала никаких планов на будущее. А теперь, хотя люди все еще жили в большой нужде, всем дышалось легче и думалось о будущем.

Многие немецкие девушки вели себя распущенно с оккупантами. У некоторых появились темнокожие младенцы от солдат-негров, которых держали отдельно от белых, не давали права жениться на белых и тем более привозить их в Америку.

Мама нашла мне временную работу у одной еще сравнительно молодой, но разбитой параличом верующей лютеранки. Ее муж был при Гитлере летным офицером высокого ранга и у них был приличный, хорошо обставленный дом. С ними жила их незамужняя дочь с маленьким, лет трех, мальчиком, родившимся в результате короткой связи с местным фермерским сыном где-то на сеновале. Это событие опозорило семью и стало причиной болезни матери, когда ей было всего 33 года.

Дочь не желала ухаживать за матерью, и потому нужно было кого-нибудь нанять. У меня был опыт в работе по хозяйству, и мама предложила меня. Фрау Ева Радэ (так звали больную) полюбила меня. Я прибирала в доме и готовила простые обеды для нее и ее мужа. Одного она не хотела поручать мне, это ставить под нее, когда нужно,

подсов. А жестокая дочь не реагировала на стоны матери, и однажды, когда стон превратился в отчаянный крик, я помогла несчастной женщине и в этом. Она была так благодарна, так тронута до слез, что с тех пор я уже постоянно делала это, а дочери так понравилась моя забота, что она вообще перестала приходить на нашу половину дома.

Со времени паралича фрау Радэ не могла посещать церковь. Сестры поочередно приходили к ней домой. Одна особенно привлекла мое внимание. Это была старенькая фрау Луиза Магин. Она бывала у моей больной чаще других, приезжая на хлипком велосипеде с твердыми шинами (надувные во время войны было трудно найти). Твердые шины не амортизировали и старушку подбрасывало на каждом ухабе и колдобине. Однако это не мешало ей посещать больных и одиноких и развозить по разным домам сушеные фрукты и козье молоко. В ее корзинке всегда было что-то для кого-то, вот она и спешила развезти все вовремя.

В доме фрау Радэ Луизе Магин чувствовала себя как дома. Они были близкими подругами и сестрами во Христе. Фрау Магин привозила фрау Еве Радэ последние церковные новости, а потом они вместе молились и пели.

«Невидимые руки» еще не принятого мною Спасителя поместили меня в этот дом. Я стояла поодаль и прислушивалась к речам и пению этих сестер. До моего безбожного уха доносились слова гимнов, в которых имя «Иисус» звучало постоянно. Это имя пробуждало далекие воспоминания из раннего детства, когда мама пела нам вполголоса свои старые гимны, сохраненные в памяти с тех пор, когда она в молодости преподавала в Одессе: при Миссии ее отца существовала Воскресная школа.

После того и до встречи с этими женщинами только однажды я ощущала такое сильное желание притихнуть и начать впитывать в себя дивные мелодии христианства. Первый раз — в беженском лагере при праздновании Рождества, о чем я уже писала ранее, а второй — когда я вошла однажды просто из любопытства в открытые двери католического собора в Судетенланде. Двери этих церквей

Анна Цей, Руфь и Маргарет

Грубмюллеры

Анна Цей

Руфь и Альберт Грубмюллер

*Прощание с родителями и сестрами у Грубмюллеров, 1947 г.:
в доме*

во дворе

Первый снимок Стаха

Папа и мама на фоне барачков

*Возле наших
барачков*

Я на пороге нашего барака

Ира с фрау Магин

никогда не запирались. Войдя, я присела на последней скамье и начала рассматривать зал. Впереди горели свечи, на коленях стояли какие-то старушки... Никто не подозревал, что безбожница впервые вошла под своды храма, где произносилось и прославлялось имя Бога.

Меня охватило чувство необъяснимого благоговения и сознания какого-то невидимого присутствия. Я не понимала тогда, КТО именно присутствовал там. Я вышла глубоко растроганная, но вскоре текущие события захватили мое внимание, и я почти забыла об этом случае. Он вспомнился позже, гораздо позже. Мамины молитвенные собрания, доброта фрау Магин и какое-то неземное пение двух сестер в доме Радэ — все это было маленькими камешками, по которым я ступала все ближе и ближе к личной вере по мере того, как промывание мозгов безбожной идеологией постепенно исчезало.

Зимой 1945 года моя сестра Ирина и я пошли от скуки в ресторанчик в конце нашей улицы. Мы заказали «Stamm Gericht» (единственное в меню блюдо!) и начали есть. Вдруг в ресторан вошли два молодых человека. На одном была перекрашенная в черный цвет американская форма с огромными буквами на спине POW (военнопленный), на другом — что-то штатское. Они представились и сели на два свободных стула у нашего столика. Один демонстративно достал из кармана ключи и помахал ими у нас перед носом, как бы давая понять, что за дверями стоит их автомобиль...

Мы закончили есть и вышли из ресторанчика. «Автомобилем» оказались простые санки с веревкой. На этом «экипаже» нам предложили доставить нас домой. Было решено, что везти будем поочередно. Сначала на санки посадили меня с бывшим военнопленным, Ира и второй парень тянули за веревку. Потом тянула я и бывший пленный, а Ира и тот парень сидели на санках. Так мы приехали под двери нашего барака. Я сразу же ушла в дом, считая, что раз у меня серьезная дружба со Стахом, мне нечего делать с другими ребятами, а Ира осталась поговорить с бывшим пленным.

Оказалось, что этот немец, которого звали Карл-Хайнц Хёфер, попал в плен к американцам во Франции, но был привезен в Мюнхен, а освобожден в тот день, когда мы встретились с ним в ресторане, так что он еще не успел приобрести штатскую одежду. Тем вечером будущее Ирины и мое было определено. Через год Хайнц и Стах стали нашими мужьями.

Я продолжала работать у фрау Радэ до весны или раннего лета 1946 года. Свободные вечера в выходные дни мы проводили в молодежных развлечениях, на танцплощадке или в кино, а иногда ходили с дядей Викентием в лес за грибами и ягодами. Он научил нас отличать съедобные грибы от несъедобных и различать их по виду и запаху.

Однажды Стах задержался у нас до одиннадцати часов вечера. На другой день выяснилось, что у его бывшего хозяина был пожар. Подозрение пало на его бывших работников. Некоторых арестовали, в том числе и Стаха. Он не хотел втягивать нашу семью в свои неприятности и не воспользовался алиби: мол, был у своей подруги до 11 вечера. Проведя ночь в тюрьме, он все же решился признаться полицейским, что был в тот вечер у нас. Полицейский пришел к нам утром и спросил у мамы, был ли Стах у нас и как долго. Она подтвердила, что был, и его немедленно выпустили. Спустя два часа он уже был у нас со своим обычным букетом полевых цветов и широкой улыбкой с ямочками на молодых розовых щеках.

В Оттобрунне мы также научились ездить на велосипедах. Почти вся Германия после войны передвигалась на велосипедах с багажными корзинками сзади. В Мюнхен можно было попасть на поезде, но с таким же успехом и на велосипеде. Город был всего в 12 километрах от Оттобрунна. Мы часто ездили туда на велосипедах, ведь мы были молоды и здоровы.

«Муна», где работали некоторые украинские парни, находилась в нескольких километрах от нашего поселка. На полукруглых бункерах росла крупная черника. Только те, кто имел доступ к базе, могли рвать там эти полезные ягоды. Вскоре я узнала, что и мой друг тоже работает там

на вахте, то есть в сторожевом домике у ворот, ведущих на базу. Так что и мне удалось попасть на бункеры с ягодами. Я пересыпала их сахаром и наполнила ими несколько бутылкок и банок и зимой мы с этими ягодами пили чай.

Все работники «Муны» носили американскую форму без отличительных знаков. Только у поляков она была перекрашена в черный цвет. Стах носил обыкновенную желто-зеленую форму и пилотку, а так как он был еще очень молод, американцы прозвали его «junior», что по-нашему было либо младший, либо просто юноша.

К лету 1946 года стало ясно, что Ира и Хайнц, Стах и я были не прочь вступить в брак. Папа все еще не одобрял эту затею по двум причинам: во-первых, мы собирались за океан, и все было готово к этому переселению, во-вторых, Стах и я были знакомы всего полгода и, по мнению папы, было бы глупо вступать в брак с человеком, с которым я едва знакома.

Мама была уступчивей и мягче. Она прислушивалась не только к разуму, но и к сердцу. Стараясь уговорить отца, она говорила: «Сережа, что если Стаха нам подослал Господь ради его спасения. Посмотри, кто его окружает. Они оказывают дурное влияние на него, а у него есть где-то мать, которая, наверное, молится о нем, ведь он единственный сын в семье и других детей у них нет. Господь шлет его к нам для защиты. Я согласна, что они разные...» Так они долго спорили относительно нашей женитьбы. В конце концов мама благословила нас первая, а папа немного позже.

Стах боялся, что родители увезут меня за океан и он уже никогда не увидится со мной, и потому торопил события. Никто не засылал к нам сватов. Он сам сделал мне предложение и попросил у родителей благословения. Я не знала ни о каких правилах и обычаях, а Стах был далеко от родных и даже не имел возможности переписываться с ними. О нашем браке они узнали спустя несколько лет.

Мне пришлось сообщить эту новость ффрау Радэ. Она и ее супруг были огорчены, потому что замену найти было трудно, и вскоре ее пришлось поместить в пансион для

больных и престарелых, где она и умерла в возрасте 45-ти лет. Фрау Магин умерла в своем домике много лет спустя. Ей было за восемьдесят. Я переписывалась с обеими женщинами до самой их смерти.

Мой жених родился 30 июля 1924 года на Западной Украине (в Галиции) в деревне под названием Езупіль (название немецкое, данное со времен принадлежности Галиции к Австро-Венгерской империи). Захватив эту страну в 1939 году, Советы переименовали деревню в Жовтень, но с отделением Украины от СССР она опять называется Езупіль.

Стах (Евстахий) был первым ребенком у очень молодой украинской матери. Я думаю, что этим объясняется его крепкое здоровье до самой старости. После него родился еще один мальчик, но он умер в младенческом возрасте, и Стах не помнил его совсем, так как был тогда еще очень маленьким.

Мать Стаха, Каролина Михайловна Нагнибида, по мужу Кушнир, была старшей дочерью в семье с одиннадцатью детьми. Она рано вышла замуж и рано родила Стаха, а ее мать продолжала еще рожать детей, так что у Стаха было несколько теток младше его, и с ними он проводил свое детство. Самый младший ребенок у его бабушки был мальчик по имени Марьян.

У отца Стаха, Николая Григорьевича Кушнера, было несколько братьев и две сестры. Их отец, дед Стаха по отцу, умер рано, и Стасик не помнил его. Плохо помнил он и всегда больную, кашляющую бабушку, которая хриплым голосом останавливала сына, когда он наказывал Стаха: «Микола, не бий дитину!»

Семья с обеих сторон была чисто украинской, так что мой муж — славянин без всяких примесей. Отец Стаха работал на заводе, а после захвата страны Советами — стрелочником на железной дороге. Он умер рано, в 47 лет, как и его мать от болезни легких. Мы узнали об этом уже в Америке, когда восстановилась связь с родными Стаха. Пока его отец был жив, мы получали длинные грустные письма от него, в которых он писал, что выходил встречать каждый поезд с запада в надежде, что его сын тоже

*Двухлетний Стах с мамой
и тетей, 1926 г.*

*Бабушка, мама, за
бабушкой — отец Стаха,
на руках у мамы — сестра
Стефа, 1948 г.*

Прощальные снимки:

Стах с матерью

*Стах с матерью и сестрой,
добавленной позже...*

Стаху 17 лет, 1942 г.

Встреча с матерью в 1983 г. Стаху 59 лет

С мамой, Стаху 10 лет

вернется домой, как многие другие. Но мать предупреждала об опасности возвращения, и Стах не вернулся. Там были какие-то армии и банды, которых Советы преследовали, и хотя Стах не имел к ним никакого отношения, мать боялась за его жизнь.

Когда Стаху было четыре года, отец взял его с собой в поле для какой-то там работы. Ребенок шел позади лошади и, хворостинкой ударял её по задним ногам. Она не видела его, но удары хворостинки раздражали ее и она лягнула мальчика задней (подкованной!) ногой прямо в лобик. Ребенок сделал двойное сальто в воздухе и залитый кровью упал к ногам отца. Тот принес его домой, где мама и бабушка обмыли рану и обвязали ему головку. Он помнит по сей день, как он плакал и спрашивал маму: «Мама, я око маю? Я око маю?» «Маешь, сынок, маешь», — отвечала мама. Он мог даже лишиться и глаза, ведь удар пришелся между глаз и задел бровь. Конечно, можно было бы отвезти ребенка в город в больницу, но до этого не додумались. Спустя пару дней Стасик со своей забинтованной головой полез по лестнице на голубятню и, конечно, свалился на землю. И снова удар пришелся на рану. Выскочила выбитая конем треугольная косточка, и вместо того чтобы вправить, мама и бабушка распатали и выдернули ее, чтобы «рана скорее зажила». Шрам остался на всю жизнь.

Так выглядел мой Стасик, когда я увидела его впервые, когда ему был 21 год. Информацию о себе, своей семье и шраме на голове он выдавал мне постепенно. Я вытягивала ее из него. На мой вопрос о происхождении «знака», он коротко отвечал: «Кинь копнув». Но так или иначе в какой-то момент мы оба решили, что он был отмечен этим «знаком» для меня!

Дата нашего бракосочетания была назначена на 16 июля. В то утро мама поставила нас перед собой на колени и, возложив на наши глупые и упрямые головы свои добрые руки, благословила нас и помолилась над нами Богу во имя Господа Иисуса, Которого мы оба еще не знали лично...

Стах заказал себе костюм у портного за несколько недель до свадьбы, а я заняла бордовое платье у кого-то, теперь уже не помню, у кого. Один из его друзей имел доступ к автомобилю и отвез нас в соседнее селение (Untergaching) Унтергахинг к бюргермейстеру для регистрации нашего брака.

Дрожащей рукой я впервые подписалась под брачным свидетельством: ВЕРА КУШНИР. Фамилия показалась мне неблагозвучной, потому что по-немецки в ней звучала и «корова» (Kuh) и «мазь» (Schmier). Фамилия была на самом деле немецкого происхождения и когда-то означала «кюрьшнер» — мастер обработки шкур и мехов, но ее украинизировали и она превратилась в «Кушнир». Так было и со многими другими немецкими словами, вошедшими в обиход на Западной Украине. Так, например, гвозди для подков (Hufnagel) превратились в «ухнали». Но это уже другая тема. Это докапывание до корней слов у меня от мамы. Простите!

В нашем понимании уже тогда, когда мы еще не знали ни Бога, ни Библии, брак был НАВСЕГДА, так что ни о каких разводах не могло быть и речи.

Мама приготовила скромное угощение для пятнадцати гостей. Жилотдел не успел приготовить вовремя для нас жилище, так что тетя Оля и дядя Викентий освободили свой барак, чтобы у нас было подобие «брачного чертога». Ни о каких свадебных путешествиях, Гавайях и лимузинах нельзя было даже мечтать в первый год после окончания войны в полуразрушенной Германии и без гроша в кармане. Мы начинали нашу супружескую жизнь предельно скромно, так скромно, что некоторые говорили, что она не продлится долго. Пусть читатель сам судит, продлилась ли наша супружеская жизнь долго, читая мою повесть, написанную пятьдесят шесть лет спустя после нашего такого скромного бракосочетания.

Вскоре нас оповестили о том, что комната «поуплотнению» для нас нашлась, и мы въехали в нее. В дома, где были лишние комнаты, временно вселяли беженцев, пока восстановление страны начнется всерьез.

Алтарь, у которого нас венчали в сентябре 1946 г.

Пастор Бомгард, который нас венчал

Наше свадебное фото, 1946 г.

Лос-Анджелес, 1960 г.

*Крещение Стаха
бр. Кузичевым Л. А.,
1959 г.*

*40 лет брака.
Санта-Барбара, 1986 г.*

Нас подселили к двум старушкам — то ли вдовам, то ли старым девам. Они отнеслись к нам с подозрением и презрением, так как мы не были немцами и были еще очень молоды.

Стах принес в наше жилище две зеленые военные американские раскладушки и настенные часы. Работая у американцев, он носил их форму, и его нижнее белье было тоже военным, зеленым. Я принесла свои несколько смен одежды (еще от фрау Людеке), портфель с моими бумагами, фотографиями, дневником и записками и немного книг. Я всегда делала выписки из того, что читала, и выписывала в тетрадь любимые стихи. В годы войны и сразу после нее я не писала ничего своего, хотя раньше, еще в школе писала в стенгазету и в альбомы друзьям.

В комнате не было мебели, была только прибитая к стене стойка с ящиками и высокая кафельная печка для обогрева, а не для варки, но я приспособилась кипятить на ней чайник и варить что-нибудь в одной кастрюльке. Выпекать на ней было невозможно.

Я попыталась создать подобие уюта с помощью вещей и картинок, подаренных мне Грубмюллерами и «танте Анной Цей». Стах привозил на велосипеде уголь с вахты на «Муне», где он топил печку. Его не проверяли, и он приносил домой все, что не было прибито или было выброшено с кухни американцами. Дрова он пилил в лесу своего бывшего хозяина, очищая деревья от старых веток. Лес был ему хорошо знаком. Он работал в нем с 1942 по 1945 год и знал каждый уголок. Срезая старые ветки, он не вредил деревьям, а наоборот, помогал им, и у нас в комнатке было тепло.

Фермер Стаха, герр Вайзе, плохо обращался со своими тремя иностранными работниками. (За спиной они называли его другим неприличным словом, которое по-немецки рифмуется с Вайзе.) Кормил он их впроголодь, одевал полуголо, спальню не топил. Если резал свинью, то работникам отдавал одни отбросы, а в выходные дни кормил «брот зупэ» или хлебным супом из ржаных корок старого хлеба. Стах считал, что этот человек перед ним в

долгу, и спокойно брал дрова из его леса, тем более что лес был далеко от фермы и ближе к нам.

Мой муж помнил, что он был угнан на работу в Германию без его на то согласия, прямо из ремесленного училища, где он учился на механика. Помнил, как, выехав впервые на тракторе пахать чужое поле, громко плакал часами, как ребенок (его там никто не слышал), тоскуя по родине, отцу и матери.

Он старался быть хорошим снабженцем и кормильцем в нашей молодой семье и потому все тащил домой. Американцы всегда много выбрасывали. Например, нажарив кучу бекона, они сливали смалец в банки и выбрасывали их в мусорный ящик. Понятно, что благодаря этому у нас всегда было на чем пожарить картошку. Кур они ели частично, только грудки и ножки, а остальное выбрасывалось, так что у нас всегда был куриный суп из этих выброшенных остатков. Эти остатки давали хороший навар, так как на костях оставалось немного мяса.

Еще его беспокоил тот факт, что мы до сих пор не состояли в церковном браке, а уже ожидали нашего первого ребенка. Он был греко-католик, а я, по его мнению, никто, так как еще не уверовала, а по наследству верующих не бывает. У Бога, как я узнала позже, нет внуков. Мой муж пытался уговорить меня повенчаться в его церкви, но я не соглашалась. Что-то удерживало меня.

Новые мамини подруги были лютеранками, и мама иногда посещала их церковь. Пастор, Адольф Бомгард, был в возрасте, поэтому у него была помощница-диакониса, Лили Фрейтер. Она посещала больных и оказывала всякую помощь нуждающимся. Несколько раз она пыталась заговорить со мной об Иисусе. «Вера, — обращалась она, — ты любишь Иисуса?» Я еще не знала Его лично и потому не могла любить Его. Я говорила, что еще нет, и мы расходились до следующей встречи, когда Лили снова поднимала вопрос о моей любви к Иисусу. Она вела меня к Нему незаметно для меня самой.

В начале сентября Хайнц и моя сестра Ирина тоже решились вступить в брак. Родители не препятствовали им, но

так как Хайнц был немец, его предупредили, что Ирина по крови наполовину еврейка. Он ответил, что любит ее и ему все равно, кто она по крови, пускай даже китаянка. На этом и закончился разговор об их женитьбе. Хайнц был номинально лютеранин, и они планировали повенчаться (после гражданского брака) в лютеранской церкви. Мы решили присоединиться к ним, и мама приветствовала наше решение и продолжала молиться о нашем рождении свыше, о личной вере каждого из нас.

Ни у меня, ни у Иры не было белых венчальных платьев с вуалями и шлейфами. Мы обе были в черных платьях с беленькими воротничками. К тому же Стах и я уже были мужем и женой и ожидали ребенка, так что белое платье было бы вообще дурным тоном.

Спустя пару месяцев я возвращалась домой на велосипеде лесом. Колесо велосипеда зацепилось за корень дерева и меня швырнуло на землю прямо на живот. Внутри что-то хрустнуло, но потом как будто поправилось, и я не придавала этому большого значения.

На седьмом месяце беременности я проснулась однажды с непонятной болью внизу живота. Я пошла к маме, но она отправила меня домой и сказала, что рожать мне еще рано, так что нужно просто отдохнуть, полежать и все успокоится. По пути я остановилась еще раз у Лидии К., где опять прилегла, так как боль не прекращалась. Меня охватило беспокойство, и я хотела поскорее увидеть Стаха. Когда он пришел с работы, мои схватки не только не прекратились, но усилились и участились. Мы сидели, обнявшись, на наших сдвинутых вместе раскладушках и оба плакали, как дети. Нужно было что-то делать, и мы решили пойти к единственному врачу, которого мы знали, хотя он был военным врачом. Мой врач был в Мюнхене. А так как был уже вечер, туда просто невозможно было добраться. Военного врача не оказалось дома. Его жена записала наш адрес, и мы поплелись домой. Я останавливалась у каждого дерева вдоль дороги, цепляясь за стволы, пока не проходила схватка. Дома стало еще хуже. Меня начало тошнить и трясти, как в лихорадке, и я решила прилечь...

Стах помчался за помощью. Где-то была районная акушерка, которая разъезжала на мотоцикле и принимала роды на дому. Не знаю, где, но он нашел ее. Только когда одновременно с нею явился и врач, все уже свершилось. Я родила одна в холодной комнате... На мой крик прибежали наши две хозяйки. Они даже не подозревали, что я ожидала ребенка. В дверях стоял запыхавшийся Стах с застенчивой улыбкой на устах и светлым чубом на лбу. Он стал отцом, а я мать, но все для меня было как в тумане.

Ребенок оказался девочкой. Акушерка была католичкой и, видя то, чего еще не видела я, предложила назвать и «крестить» ребенка. Мы назвали девочку Евгения—Елена по маме и ее сестре, о смерти которой в Польше мы только недавно узнали. Акушерка крестила ребенка, но цвет кожи у нашей новорожденной был синий, она умирала. Мне поднесли ее поцеловать, я почувствовала холодную щечку и все поняла... Прошло только пять часов с момента ее рождения, как она скончалась. Помощь пришла слишком поздно, нужного инкубатора не было, и жизнь прекратилась, едва начавшись. Так, очевидно, было суждено и нам, и ей.

Я лежала в шоке, дрожа от родов и потери крови. Мне едва исполнилось 20 лет, и мы не прожили вместе даже полного года. Все это новое обрушилось на нас, как лавина. Мама говорила что-то утешительное, конечно, о Боге и Его любви. Но я плакала, возмущалась, говорила, что ни о какой любви не может быть и речи, если Он так жестоко поступил с нами и нашим первым ребенком. Наконец, наплакавшись, я уснула в изнеможении.

Все это было уже под утро, в тот предрассветный час, когда все затихает, даже ночные птицы умолкают. Утром Стах снова побежал куда-то. На этот раз на поиски плотника, который сколотил бы гробик для нашей малютки. Вскоре он вернулся с малюсеньким гробиком под мышкой. Ребенок лежал на стойке, завернутый в беленькое одеяльце. Я еще не могла встать и не подходила к нему. Пришел пастор Бомгард, который нас венчал в лютеранской церкви, и тоже сказал что-то утешительное, прочитал что-то из Библии, но я не запомнила ни одного слова.

По сей день я убеждена, что скорбящие по умершим люди не слышат тех утешительных слов, которые им говорят окружающие. Только позже, гораздо позже начинают они читать слова утешения в открытках или записках и вспоминать сказанное на похоронах.

На другой день Стах, папа, мама и Лида (моя старшая сестра) погрузили маленький гробик на санки и такой вот скромной процессией двинулись в Унтергахинг на кладбище, чтобы установить гробик в часовне до похорон. Я не присутствовала на похоронах, так как была слишком слабой и убитой горем. Чаще я стала ходить на могилку позже, когда на ней был установлен заказанный мною березовый крестик (знак моей родины) и овальная дощечка с датой рождения и смерти (в один день!) и именем нашей девочки. По дороге на кладбище, куда я всегда шла пешком через поля, я рвала полевые цветы и плела из них веночек, который вешала потом вокруг овальной таблички на крестике. Стах работал и не ходил со мной туда. Меня это огорчало, но мужчинам как-то легче успокоиться и предать прошлое прошлому...

Я поправлялась медленно, постепенно возвращаясь к жизни. Вскоре освободился барак в поселке, где до отъезда в Америку жили наши родители и тетя Оля с дядей Викентием, и мы переселились туда. Фрау Магин приходила каждое утро и приносила мне бутылочку козьего молока. Она уверяла, что для моего полного выздоровления нет ничего лучше. Мне был противен запах и вкус этого молока, и я не пила, а принимала его, как в детстве рыбий жир, заткнув нос и закрыв глаза. Через несколько недель фрау Магин начала замечать во мне улучшение, вернулся прежний цвет лица и немного прибавился вес, так что она решила носить молоко кому-то другому, кто нуждался в нем больше меня. Я облегченно вздохнула и поблагодарила ее за заботу обо мне.

Время лечит все раны. Начала утихать и моя боль. Она осела где-то в уголке сердца, где находится по сей день и дает знать о себе при малейшем воспоминании об этой давнишней утрате. Остались (почему-то!) слова мамы о

Божьей любви и продолжали трогать струны моего размягченного горем сердца. Мне захотелось узнать больше об этой таинственной любви, которая так больно ранит. Для чего? Только чтобы привлечь внимание отвергающей ее души? Не сказала ли мама: «Бог никогда не ошибается?» Так в чем же была Его цель в причинении боли в начале нашей семейной жизни?

Здесь я желаю напомнить моим читателям, что моя биографическая повесть, хотя и рассказывает много обо мне и приводит множество интересных, трудных и комичных случаев, на самом деле повесть о невидимых руках Бога, которые вели меня незримо к Нему. Это серьезная повесть о моем духовном путешествии. Оно началось в раннем детстве с его невинной и простой верой, которая, казалось, почти совсем исчезла под влиянием безбожных учителей советской школы. Но живое семя Божьего Слова, посеянное матерью с колыбели, начало постепенно прорастать под влиянием массы трагических переживаний и личных утрат. Все пережитое привело к раннему возмужанию духа и поискам истины, к ее нахождению и моему духовному возрождению.

Прошу прощения у вас, мои читатели, за то, что так долго веду вас к тому самому главному в жизни событию, которое Христос называет рождением свыше, но запаситесь терпением и дочитайте мою повесть до конца. Вы увидите, как алмаз — кристаллический, неправильной формы минерал после обработки начинает сиять небесным светом, не своим, а отражающим небесный световой спектр.

Никто и ничто не имеют своего света. Есть только небесный свет, и все земное отражает этот свет для славы Божьей.

Вскоре пришла новая боль. Мои родители уезжали за океан со старшей дочерью Лидией и младшей, шестилетней Катюшей. Они ехали сначала в Швецию, так как иначе (по разным причинам) было невозможно устроить их переезд, а потом в Лос-Анджелес к родителям мамы, с которыми она не виделась с 1924 года! Ее мечта о воссоединении должна была скоро осуществиться!

Наши друзья, Грубмюллеры, устроили нам прощальный обед и сделали несколько памятных снимков в доме Анны Цей и во дворе под покрытыми снегом елками. Было много слез и объятий, но реальность разлуки легла тяжелым камнем на мою душу только после последнего «прощайте!» на главном вокзале в Мюнхене.

Барак родителей освободился, в него вселились Ирина и Хайнц. Мы же были в своем бараке в другом ряду, но близко от них. Рядом со мной оставалась сестра, чему я была очень рада. Мы дружили с молодыми Грубмюллерами, Руфью и Альбертом, и другими немецкими парами.

Я снова попыталась создать уют уже на новом месте. Хайнц, маляр по профессии, нанес валиком узор на предварительно покрашенные стены нашего барака. Анна Цей одолжила нам гарнитуры из плетеной верандной мебели. Наши раскладушки превратились в «диваны» у стен, на которых были развешены подаренные нам Грубмюллерами картинки.

Перед отъездом мама дала мне мудрый совет — принимать у себя ее молитвенную группу. Отказать ей было невозможно, и собрание, на которое я не желала ходить, пришлось ко мне. Я была вынуждена раз в неделю высиживать на библейских уроках и выслушивать молитвы маминых «старух».

Из Мюнхена приезжал учитель и проводил уроки. Были ли они богословски правильными или нет, я тогда не могла сказать, но у меня было предчувствие, что что-то в его уроках не так, и я обрадовалась, когда лютеранская церковь назначила другого учителя. Я начала читать Библию (по-немецки), но без помощи в толковании мало что понимала. Мы пели и молились поочередно, и я бормотала что-то невнятное или повторяла молитвы других. По сей день я считаю, что молитвы должны быть только от сердца и должны вытекать из личной веры и глубокого убеждения.

Фрау Магин посещала эти собрания, но из-за своей застенчивости никогда не молилась вслух. Мы с Ирой любили ее, а наши мужчины помогали ей в саду и по хозяйству.

Она жила в старом доме на большом участке земли. Это был запущенный сад с цветами и высокой травой. Время от времени Стах скашивал эти заросли, ведь он был деревенским парнем и знал это дело хорошо. Серп и коса были для него знакомыми с детства орудиями труда. Он сгребал скошенную траву в маленькие скирды, а потом на вилах относил в сарайчик для коз, чье молоко, по словам фрау Магин, спасло жизнь его жене.

Мы любили наблюдать за его работой с крыльца дома и обе любовались его молодым загорелым телом. Он был типичный славянин — голубоглазый блондин с правильными чертами лица и являл собой картину молодости и здоровья. Мы восхищались его видом, а он махал нам рукой, как бы говоря: «Уходите, на что уж тут смотреть?»

Вопреки немецкой традиции, внутри дом фрау Магин не был аккуратным и опрятным. На припечке сушились на листьях фрукты, над печкой висели связки лука и чеснока, старый кот дремал в покрытом тряпкой кресле, а вещи лежали не там, где это было бы красиво и эстетично, а там, где удобно. Всюду царил художественный беспорядок — уютный и гостеприимный. Из ее дома просто не хотелось уходить, вот мы и задерживались подольше.

Фрау Магин не только развозила сушеные фрукты и козье молоко больным и нуждающимся, а выписывала стихи из Библии и на красивых открыточках рассылала друзьям и знакомым. Будучи уже в Америке, я получала от нее такие открыточки с личными приписками готическим шрифтом. Мне было трудно разобрать ее почерк, но мама могла читать любой и помогала мне в этом.

У Иры и Хайнца в июле 1947 года родилась Элли, у Грубмюллеров была девочка Маргарет, а у нас еще ничего, но к осени 1947 года я ожидала второго ребенка. Ира смотрела за мной, как коршун, берегла от «падений» и прикармливала, чтобы я доносила ребенка до срока, но от эмоциональных потрясений уберечь не могла.

Однажды мой муж не вернулся с работы вовремя. Наступила ночь, а его все еще не было дома. Я не спала всю ночь, а утром взяла у кого-то велосипед и помчалась

на «Муну» узнать, что могло случиться с моим молодым супругом.

На работе мне сказали, что он ушел вовремя. Мое сердце ушло в пятки, и мне ничего не оставалось, как вернуться домой. На дороге между полями я увидела нашу маленькую подушечку, которую Стах клал под себя на седло велосипеда. Я остановилась и начала рассматривать дорогу и поле, не найду ли еще что-нибудь наше... На поле я нашла его жакет и еще кое-какие его личные вещи. Подозревая самое страшное, я представила себя молодой вдовой. Соседи утешали меня, как могли, но я была безутешна. Вдруг подкатил незнакомый грузовик. На его подножке стоял мой Стах с забинтованной головой и кричал мне на ходу: «Не волнуйся! Меня везут в больницу, но я вернусь и все тебе расскажу!» Он уехал так быстро, что я даже не успела сказать ему полслова и должна была снова ожидать, пока он вернется и все выяснится, но он вернулся только на другой день.

Дело было в том, что на американской базе, где работал Стах, работали также поляки, а между поляками и украинцами существует вековая вражда. Как только они узнали, что мой муж украинец, они решили дождаться, когда он будет ехать домой, и хорошенько избить. Их было четверо, а он один, так что понятно, что один в поле не воин... Его столкнули с велосипеда, сорвали жакет и принялись бить куда попало.

Хорошо, что я не нашла его покореженный велосипед, который поляки швырнули далеко в поле, а то бы я совсем потеряла голову от страха. Все хорошо, что хорошо кончается. Годы спустя я узнала, что мой муж приобрел тогда маленький пистолет для самозащиты, но, слава Богу, его так никогда и не пришлось применить. Перед нашим отъездом в Америку он отдал его кому-то из его прежних друзей. С той поры у нас никогда не было в доме оружия.

Этот напугавший меня случай был вторым в нашей супружеской жизни. В самом начале нашей семейной жизни мы шли однажды по улице и встретили американца в форме военной полиции с буквами «MP» на рукаве. Он увидел

на моем муже американскую форму и потребовал документы. Нужное удостоверение было в моей сумке, а у Стаха ничего не было. Плохо зная английский язык, мы не сразу сообразили, чего от нас хотят, и полицейский арестовал Стаха и увез в тюрьму в Мюнхен. Не успев еще толком привыкнуть к статусу жены, я обрела статус жены арестанта. Только на другой день, когда я приехала в тюрьму с нужными бумагами, военные власти разобрались в «деле» Стаха. Его немедленно выпустили, но меня трясло от всего пережитого за прошедшие сутки.

Ко времени нашего бракосочетания бабушка Фаня Розенберг, которую я знала только понаслышке, стала присылать нам посылки CARE из Америки. В них были все необходимые продукты: мука, сахар, растительный жир, ореховое масло, кофе, чай и мармелад. В других посылках (от Миссии дедушки Леона) были вещи: лоскутные одеяла, платья, свитера и обувь. В то время вся Америка жертвовала в Миссию вещи для пострадавших от войны в Европе и для начинающих новую жизнь в Израиле. Многие церковные женские кружки шили лоскутные стеганные одеяла и вязали кофты и свитера, носки и варежки. Все это отправлялось в разные миссии для рассылки по всему миру.

Одетые в это ношеное, но еще вполне приличное добро, мы выглядели почти стильно по сравнению с остальными беженцами. Когда почтальон нес нам очередную посылку, все соседи смотрели в нашу сторону.

Кофе было валютой, но мы его не пили, а меняли его у местных немцев на мясо, которого в посылках не было, и все были довольны. Из муки, сахара и жира я пекла немецкие «кухены» и угощала ими Грубмюллеров и других наших новых знакомых. Я наловчилась варить и печь на нашей чугунной печке, которую мы топили дровами и принесенным Стахом с «Муны» углем.

Когда мы начали собираться за океан, многие другие беженцы с востока тоже пытались выехать куда-нибудь (желательно в Америку!), но для этого нужны были спонсоры, и американцы начали собирать беженцев войны в

лагеря «D. P.» (перемещенных лиц). Нам тоже дали этот статус, и Стах начал регулярно ездить в Мюнхен в американское консульство, чтобы узнать, не подошла ли наша очередь выезжать. Те, у кого не было спонсоров в Америке, собирались в Южную Америку, Англию и Бельгию. Мало кто оставался в Германии.

Наши давнишние друзья, Шагаровы, переехали из Мариенбада в украинский лагерь в Байрейте (северная Бавария). Вася был украинцем, и пребывание в таком лагере было для них вполне законным, хотя из Украины они выезжали больше по Нюсиной немецкой линии, что помогло им на первых порах в Германии, а позже — с выездом в Канаду, где у нее нашлись родственники. Господь вел и их, и нас чудесным образом, и наша связь сохранилась и по сей день.

Когда мои родители приехали в Америку, мама сразу же принялась за поиски Нюсиных родственников в Канаде. Когда таковые отыскиались, для Шагаровых нашелся и спонсор, и выезд в Канаду стал делом времени. В период их жизни в украинском лагере в Байрейте я была у них в гостях несколько раз. Я была рада посетить этот исторический город, где когда-то жил и работал Вагнер, где был похоронен Лист, где проводятся ежегодные музыкальные фестивали.

В мои первые посещения их сынок Евгений был еще в люльке, но в последующие разы это был уже неугомонный, энергичный мальчуган, которого было почти невозможно удержать в их единственной комнате.

Там же я встретила мамину подругу еще по Одессе, Ольгу Брокерт, с ее семьей. Она жила на частной квартире, но часто бывала в украинском лагере, где давала детям уроки музыки. Мы тогда еще не знали, что ожидает нас в будущем, но Шагаровы и мы закончили свое путешествие в Северной Америке — мы в США, а они в Канаде — и могли часто посещать друг друга, а Брокерты остались в Германии. Будучи немцами, они никуда не собирались переезжать.

Стоит упомянуть еще об одном событии. Кто-то сказал Стаху, что видел какую-то его родственницу в Нюрнберге, и мы поехали туда на поиски, как раз когда там шел

знаменитый процесс, а затем состоялся суд над нацистскими военными преступниками. В такой вот исторический момент мы случайно оказались в этом городе. Он был разрушен до основания, но здание суда было целехонько, только очень строго охранялось союзниками. Нас туда не впустили, родственницу мы тоже не нашли и возвратились в тот же день на поезде в Мюнхен. Каждый раз, когда я смотрю документальные фильмы об этом процессе, я вспоминаю наше путешествие в Нюрнберг.

На станции в Мюнхене мы встретили знакомого украинца. При виде нас он воскликнул: «Які ж то ви блонді та делікатні!» Мы на самом деле были и «блѐнди» и «деликатни», потому что Стах был блондин, да и у меня были светлые волосы, и мы были «деликатни», потому что были худы, как щепки. Но по сей день мы вспоминаем этот возглас. Когда мой, теперь уже почти 80-летний, Стах собирается в церковь и выходит разодетый из своей комнаты, я ему всегда говорю: «Який же ти блондій та делікатний!», хотя «блѐндый» он уже от седины, а до деликатности очень далеко при его располневшей фигуре.

Как я уже сказала раньше, «D.P.» означало «перемещенные лица» — то, кем мы тогда были, — бесподданные, бездомные, беспаспортные беженцы войны. С этим статусом мы въехали в Америку и имели его до тех пор, пока пять лет спустя не получили наконец американское гражданство, а со временем — и свой дом, но это было еще далеко впереди...

После отбытия из Германии наших родителей мои поиски смысла жизни и Бога усилились. Как-то нужно было осмыслить все те ужасы и жестокое обращение одних людей с другими, уничтожение евреев и наше личное горе, случившееся так рано после вступления в брак. Разлука с родителями, библейские собрания у меня в бараке, молящиеся мамыны «старухи», живое Слово, преподанное пусть даже несовершенно и для меня непонятно, тоже оставляло свой след, а настойчивое «любишь ли ты Иисуса?» Лили Фретер только углубляло поиски.

Однажды я возвращалась домой поздно ночью (Стах работал на «Муне» в ночную смену) от Лидии К. и вдруг

мой взор как-то сам собою поднялся ввысь к усыпанному звездами небу. То старое, почти забытое чувство благоговения и чьего-то присутствия, которое я ощутила однажды, войдя случайно в готический храм еще в Судетенланде, охватило меня с невероятной силой и сжало горло. Ночь была ясная, луна светила ярко, а звезды висели почти над головой. Это был не тот рукотворный храм, в который я когда-то вошла, а нерукотворный Божий «собор», к сводам которого неудержимо тянуло мой взор. Это видимое откровение было дополнением к письменному, которое называется Библией, — вечной Божьей Книгой.

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:2).

Глядя вверх, я не могла оторваться от этого неземного зрелища. Чувство благоговения не покидало меня, и имя Иисуса, то драгоценное ИМЯ, которое с такой любовью и нежностью часто произносила в детстве мама, всплыло в моей памяти. Я поняла, что именно Он пытается привлечь к Себе мое внимание. Что Он хотел мне сказать? Внутренний голос давал ответ на этот вопрос: «Ты грешница и нуждаешься в покаянии». Все мои грехи, а главное, мое безбожие пришло мне на память. Позже я узнала, что именно этот грех разделяет нас с Богом и должен быть исповедан в первую очередь. Тогда же я этого не знала, но Дух Святой Сам привел меня к этому сознанию и покаянию.

Слезы потекли из глаз неудержимым потоком и я начала каяться и в конкретных грехах, о которых Он же напомнил мне, и во грехе неверия, грехе отвержения Божьего Сына. Слезы продолжали катиться по моим щекам, и я поняла, что со мною произошло что-то необыкновенное. Меня охватил покой и сознание прощенности, но я не знала, как это называется. Я начала благодарить Иисуса и предлагать Ему мою жизнь на любое, угодное Ему служение. Радостная я пришла домой и не могла дожидаться возвращения Стаха, но когда я взахлеб рассказала о случившемся со мною, он ничего не понял. Он был в какой-то мере «религиозным», но не был рожденным свыше. Это ему было незнакомо. Греко-католики (как и римо-католики) учат, что

в момент детокрещения что-то таинственное происходит (отсюда название «таинство») с ребенком и это «что-то» они называют рождением свыше. Они воспитывают детей при своих церквях, а потом в определенном возрасте причащают и confirмируют, но мой дальнейший опыт показал, что среди них мало истинно рожденных свыше людей, хотя и много религиозных и благочестивых.

Я рассказала о своих переживаниях сестрам-лютеранкам на библейском уроке, но и они мало что поняли, так как и у них преподается учение о возрождении при детокрещении. Это то же учение, которое знакомо и греко-католикам, и римо-католикам, и православным.

Пришлось написать маме в Америку. Ее ответ был простым: «Вера, ты родилась свыше. Когда приедешь к нам, тебя подготовят к крещению и ты примешь его уже здесь. Читай Слово Божие, молись, и Господь поспособствует твоему духовному росту».

Библейские уроки продолжались в нашем бараке. Стах уходил к друзьям и не бывал на них. Мое рождение свыше несколько охладило наши отношения. Я поняла, почему Апостол Павел советовал не впрягаться в одно ярмо с неверными, и что имел в виду Иисус, когда говорил, что Он принес не мир, а меч, который разделит семьи на верующих и неверующих. В моей молодой семье это разделение длилось десять долгих лет!

ДАР НЕИЗРЕЧЕННЫЙ

«Все само собою в мире появилось.
Все к уничтоженью, к ничему ведет...
Бога нет», — все это с детства мне привилось.
Для чего ж на свете человек живет?
Для чего однажды должен он родиться,
Возмужать, окрепнуть, силою гореть?
Для чего страдает, ищет и стремится?
Неужели только, чтобы умереть?
Почему он знает, что нельзя, что можно,
Различать способен худо от добра?

Любит то, что честно, гонит то, что ложно,
Трудится усердно с раннего утра.
Стоит ли бороться, стоит ли трудиться,
Тратить силы, время только для того,
Чтоб в конце пути в могиле очутиться?
Смысла в этом нет, но где искать его?
От подобных мыслей голова трещала,
И порой не в силах я была заснуть,
Пред усталым взором бездны тьма зияла:
Кто откроет смысл мне? Кто укажет путь?
Помню ночь и место, где свершилось чудо:
Полная луна на землю свет лила...
Никогда я ночи этой не забуду.
Я печальный взор свой к небу подняла...
Там сверкали звезды, Млечный Путь струился,
А вокруг меня царила тишина...
Вдруг душе усталой Сам Господь явился,
Осветив Собою всю ее до дна.
Все ей вдруг открылось. Бог был так реален,
И, хотя не видим, близок, ощутим.
Светлою Рукою камень был отвален
И душа, воскреснув, говорила с Ним.
На мои вопросы и мои исканья
Я под звездным небом обрела ответ.
По щекам катились слезы покаянья,
В душу с неба лился тихий Божий свет.
Он наполнил вскоре всю ее собою,
Тьму изгнал и жизни вечный смысл открыл,
Бремя снял с души пронзенною рукою,
Путь мне указал и прошлое простил.
«Бога нет», — безумцы говорят понине,
Но ничто не сможет убедить меня:
Он мне Сам открылся в жизненной пустыне,
Мы вдвоем с Ним были, только Он и я!
Хоть тернист и узок путь передо мною,
Сам Господь любовно мне его открыл,
Он ведет к блаженству, миру и покою.
К вечности под сенью Всемогущих Крыл.

Как только родители уехали, мы и Ира с Хайнцем подали документы на выезд в Америку. Бюро Иммиграции и Национализации Америки имело разные квоты для разных стран. Стах родился в Польше и наша квота была польской. Мы ожидали выезда два с половиной года, несмотря на гарант и спонсорство дедушки. Ира и Хайнц шли по весьма ограниченной тогда немецкой квоте и приехали в Америку на год позже нас.

В мае 1948 года я родила в больнице в Мюнхене здоровенькую девочку, которую мы назвали Катей в честь моей младшей сестры и двух теток, родной и двоюродной. Мы привезли ее домой и создали уютный уголок для нее в одной из наших двух маленьких комнат. В бараках не было ни водопровода, ни туалета. Вода бралась всеми жителями нашего ряда бараков из крана перед нашими окнами, а «туалеты» были между каждыми двумя бараками и выгребались весной под мелким дождичком на огородах.

Наши соседи слева были тоже беженцы из восточной зоны. Это были немцы со своеобразным региональным акцентом и огромными зобами на шеях от недостатка йода в воде в оставленных ими горных районах.

Там было несколько детей, но определить, чьи они, было трудно, потому что их старшая дочь Эмма почти каждый год прибавляла новых детей к их и без того большому семейству. Дети были от разных ее «друзей» и все называли ее отца, старого часовщика, папой. Этот «папа» кормил всю семью на свои жалкие заработки. Целыми днями он сидел, согнувшись, у окна и чинил часы. Когда один из его благоприобретенных внуков позвал его как-то «папа!», старик ответил: «Если ты хочешь, чтобы *твой* папа услышал тебя, ты должен кричать громче». Мы от души сочувствовали ему.

Диакониса лютеранской церкви, Лили Фререр, была так рада, что я наконец «полюбила Иисуса», что устроила прием после крещения Кати в ее церкви (Стах не признавал некрещеного ребенка!). Она раздобыла у какого-то фермера молоденького поросенка, зажарила его и принесла на блюде, обложенного всякими гарнирами. Тут был и молодой картофель и зеленый горошек и какие-то салаты. Словом, все было

продумано этой доброй душой! Она и фрау Магин, и фрау Радэ были несомненно рожденными свыше.

Наша Катя — голубоглазенькая блондиночка — была похожа на Стаха. Мы радостно ожидали вестей из консульства о нашем выезде за океан к родителям. Стах постоянно носился в Мюнхен посмотреть на список с фамилиями готовых к выезду людей. Наконец, в феврале 1949 года наша фамилия оказалась в списке выезжающих. Нас вызвали на собеседование. Нам велели переехать в транзитный лагерь для продолжения эмиграционного процесса, включавшего защитные прививки всем — от мала до велика.

Катюша плохо себя чувствовала: у нее начиналась простуда. В нормальных условиях ей бы ни за что не делали бы прививок, но наши условия не были нормальными. Нас кололи наспех, как скот, всех подряд, невзирая на состояние здоровья. Ребенок получил в одну ручку две (!) прививки оспы и какие-то еще три укола. Она заболела. Реакция была такой сильной, что неделю спустя она все еще была больна, истощена от поноса, рвоты и дегидратации, и мы начали в панике искать помощи. Завернув ее в одеяльце, мы бросились искать больницу, которая бы приняла нас с нашим неустойчивым статусом. Катюша была в полусознании от слабости. Нас никто не принимал даже с умирающим ребенком. Носясь по городу на автобусах с больным ребенком на руках, мы наконец нашли больницу, которая принимала беженцев. В нее мы положили Катюшу в надежде, что еще не все потеряно.

На другой день я отправилась туда на поезде и нескольких автобусах. Она была жива, даже открыла глазки и узнала меня, но мне не разрешили остаться с нею. В расстроенных чувствах я отправилась домой на том же общественном транспорте — несколько автобусов и поездов.

Утром я встала рано и снова поехала к ребенку. Стах собирал наши вещи и остался дома. Когда я вошла в больницу, дежурная женщина-врач шла навстречу с протянутыми ко мне обеими руками... Я почувствовала что-то неладное. Врач увела меня в отдельную комнату, посадила на стул напротив себя и, взяв мои руки в свои, заглянула мне прямо в глаза и тихо сказала: «Она умерла. Хотите ее видеть?»

Я была в таком шоке, так остолбенела от этой вести, что была просто не в силах смотреть в глаза действительности и сказала: «Нет, я не смогу...»

И на самом деле я бы не смогла. Ведь это было со мной второй раз за два года. Думаю, что врач сочла меня сумасшедшей и, наверное, не ошиблась, сделав такой вывод. Я была как в тумане. Ничего не соображая, я садилась на автобусы и поезд. Я и по сей день не помню, как вообще добралась домой.

Было 8 марта. На дворе шла борьба зимы с весной. Косые струйки холодного баварского дождика перемешивались со снегом. Я вышла из вокзала и вдруг увидела мужа. Он шел без пальто и шапки, весь мокрый, продрогший. Он никогда не встречал меня раньше. Мое мокрое от слез и дождя лицо и выражающие глубочайшую скорбь глаза не удивили его. Когда я с трудом произнесла два слова «она умерла», Стах ответил «я знаю». У него тоже было предчувствие трагедии. Мы кое-как доплелись до своего барака и начали собираться в дорогу.

Дальше все было, как во сне или густом тумане. Я совершенно не помню, кто устроил похороны, кто нашел могилку и гробик, и вообще где было то кладбище и как я туда попала. День похорон был за день или два до нашего отъезда. Нам нужно было немедленно возвращаться домой и, забрав вещи, отправляться в транзитный лагерь. На кладбище была часовня, где на «посту» стоял мой муж за меня и себя. Я все еще не могла приблизиться к гробу ребенка и посмотреть на свое мертвое дитя. Я забилась в самый дальний угол кладбища и помню только, когда гробик был уже в могиле, меня притащили под руки к краю могилы и держали, чтобы я не убежала. Я слушала утешительные слова пастора и два чудесных стихотворения, конечно, на немецком языке: «Да будет воля Твоя» и «Бог никогда не ошибается». Он прекрасно их прочитал и дал мне их оба. Я храню их до сих пор. Они помогли мне вернуть душевное равновесие. Я смогла внутренне принять Божью волю, чего не могла сделать в первый раз. Моя недавно обретенная вера помогла мне ее принять. Я выдержала мое первое испытание веры, и хотя мое сердце болело, как болело бы сердце любой молодой или старой матери при потере родного чада, я смогла положиться на Господа и ожидать от Него ответа на свое «почему?»

*Я на скамеечке у нашего барака
с новорожденной Катенькой*

Катенька в 2 месяца...

...в 8 месяцев

*Наша Катенька незадолго
до смерти. Оттобрунн, 1949 г.*

Могилка Кати

*Могилка Евгении-Елены,
первой девочки*

НЕТ СЛОВ...

Рассказ

Перед крайне прекрасным и крайне уродливым или ужасным мы стоим в недоумении, широко раскрыв глаза и рот... у нас нет слов.

Когда тяжелое горе налетает на нас ураганом и сбивает нас с ног, мы теряем дар речи. Наш язык не имеет слов для выражения необычайного, но молчание наше бывает выразительнее слов.

Влюбленные смотрят в глаза друг другу и молчат... Они читают во взгляде то, чего не выразишь никакими словами.

Поэт Тютчев в своем стихотворении «Силентиум» говорит: «Мысль изреченная есть ложь». До известной степени это действительно так.

Каким-то таинственным образом мы знаем, кому мы симпатичны и кто питает к нам неприязнь. Неприязнь проглядывает из-под тщательно маскирующих ее вежливых слов и притворной доброты взгляда.

Доброе расположение передается нам с такой же необманивающей точностью.

Природа иногда может нас поразить своей красотой и заставить безмолвно созерцать ее часами.

Помню, как прошлым летом мы повезли детей в особенно красивую местность в Калифорнии. Когда перед нашими взорами открылась широкая долина, обрамленная с двух сторон отвесными скалами, у детей захватило дух, они притихли и только смотрели по сторонам. Они не могли выразить словами то, что вмещалось в их умах и душах. Даже уже дома старшая дочка, которая особенно любит живопись, пытаясь рассказать о том, что видела, подружке, только повторяла: «У меня нет слов, нет слов...»

Помню, как немцы во время войны повесили на телеграфном столбе человека.

Жена цеплялась за его ноги, рыдала, кричала до хрипоты, а в стороне стояла его девочка лет десяти — ма-

ленькая, худенькая, бледная с широко открытыми глазами. Она молчала. Я посмотрела ей в глаза, и этот взгляд сказал мне больше, чем истошный вопль ее матери. Я не могу забыть его по сей день.

Последние прощания или такие, когда почти нет надежды на встречу, тоже не нуждаются в словах.

Уходящий на войну сын молча обнимает мать, и, если доведется ему возвратиться домой, так же молча припадет он к родимой своей и только позже развяжется язык его.

Когда я впервые открыла свое сердце Богу, в Которого я раньше не верила и всем своим существом почувствовала Его присутствие и прощение, я на несколько часов погрузилась в молчание. У меня не было слов для описания того, что произошло со мной, и те слова, которые пришли позже, не вполне точно передавали происшедшее.

Хочется упомянуть еще об одном событии в нашей жизни.

Весной 1949 года перед самым нашим отъездом в Америку умерла наша почти годовалая девочка. Это горе было для нас с мужем вдвойне тяжелым, так как только два года назад мы похоронили нашу первую девочку. Мы не представляли себе, что это может повториться. В тот день я поехала в больницу одна. Меня встретила женщина-врач, лечившая нашу крошку. Она протянула мне обе руки и повела по длинному коридору в свой кабинет. Посадив меня против себя на стул, она пыталась облечь в слова ужасную новость. Но в этом не было необходимости: я знала все в тот момент, когда она встретила меня в вестибюле больницы.

Не помню, как я добралась домой тремя трамваями и поездом. Остолбеневшая, совершенно раздавленная горем, я вышла из вагона. Мокрый снег чавкал под ногами, дождь бил в лицо и в грудь... Подняв глаза, я увидела идущего мне навстречу мужа. Он никогда не встречал меня раньше. Он шел без пальто, без шапки, мокрый до нитки. Мне не пришлось говорить ему. Он

знал все еще до того, как увидел меня. Как узнал он?
Этого он по сей день не может объяснить.

Нет слов...

Это неуловимое, необъяснимое качество человеческой души отличает людей от животных и свидетельствует, как и многое другое, о живом Творце, создавшем человека по образу и подобию Своему.

ПРОЩАНИЕ

Он пришел, чтоб попрощаться
В ясный, теплый день.
В переулке ряд акаций,
Под окном сирень...

Отломил небрежно ветку
Будто невзначай
И понес с собой в беседку,
Что-то бормоча...

А когда глухой тропинкой
Шла к нему она,
Грыз зубами хворостинку,
Стоя у окна.

Ветвь сирени неуклюже
Сунул в руку ей
И подумал: слов не нужно,
Будет лишь больней...

Посмотрел в глаза и что-то
Больно проглотил,
А потом по-детски, просто
Крепко обхватил.

И в объятьи, и во взгляде
Вдруг еще ясней
Стало то, что слов не надо
Будет лишь больней...

Гробик на дне могилки показался мне чем-то нереальным. Я так и не увидела эту могилку засыпанной землёю. Об этом и о небольшом памятнике позаботилась моя сестра Ирина. Мы же вернулись домой и через пару дней покидали Оттобрунн и Мюнхен на поезде, направляясь в Бремен, а оттуда пароходом в Новый Орлеан — в Америку!

Кто-то должен был отвезти нас в лагерь, и Стах умчался на «Муну» на поиски. Я же, будучи все еще в горе от своей потери, боялась теперь за жизнь мужа. На дворе был сильный ветер. На некоторых домах сорвало крыши. Мне казалось, что мой муж не вернется, и я в отчаянии молилась Богу о нем.

Ира и Хайнц с маленькой Элли на руках проводили нас в наш далекий путь. Кто-то еще был тогда там с ними, потому что у нас сохранилась фотография: стоят Ира и Хайнц с Элли на руках, малышка машет нам ручкой. Стах полагает, что там был его троюродный брат Антек, но мы не уверены в этом.

Прибыв в транзитный лагерь в Бремене, мы узнали, что последний военный транспортный пароход только что ушел и нам нужно ждать там три недели. Женщины в лагере уже знали о моем горе и окружили меня заботой. В прачечной я встретила беременную женщину с трехлетней девочкой у ее ног. У меня были еще вещишки моей Катюши и даже ее коляска. Я отдала все этой женщине. Ее звали Валя Копылова. Стах подружился с ее мужем, Лёней, и жизнь показала, что нам было суждено продолжать нашу дружбу до самого конца их жизни. Мы пережили их обоих.

Мы не могли себе представить, ЧТО ожидало нас в Америке, кроме встречи с моими родителями и Розенбергами, родителями моей мамы. В марте, 18 числа 1949 года, я писала маме на открытке с видом на порт Бремена: «Наш пароход отходит 29-го и мы будем в Лос-Анджелесе в середине апреля. Встречайте!»

Дни тянулись, как густая патока, и казалось, что до встречи с родителями еще очень далеко. Опустошенные своим горем, мы потеряли даже чувство радостного ожидания. Я думала о последних днях в Германии, об Ире и Хайнце,

*Ирина и Хайнц,
Свадебный снимок,
1946 г.*

*Ира, Хайнц и я
(с Элли на руках),
1947 г.*

*Ира на могилке
нашей Кати, 1949 г.*

*Ира, Хайнц и Элли
проводят нас
в Бремен, 1949 г.*

*Мы со Стахом у Иры во дворе.
Оттобрунн, 1947 г.*

*Стах, я и Ира с нашими
детьми. Оттобрунн, 1948 г.*

*Ира и я на фоне наших
бараков, 1948 г.*

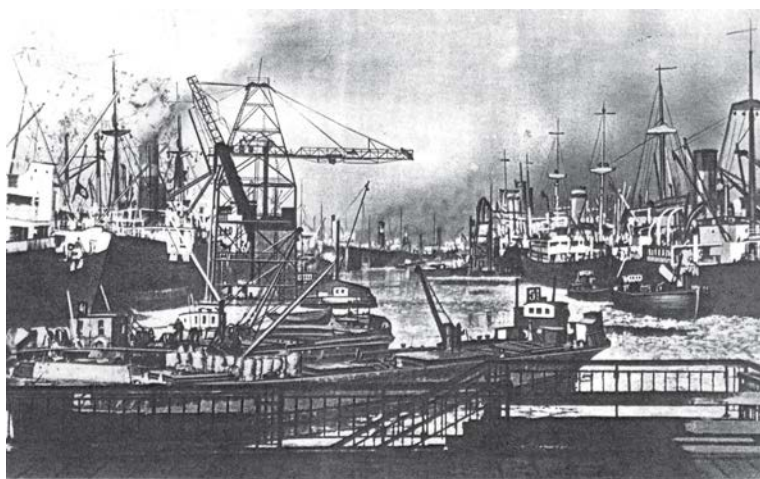
*Ира и я на прогулке с Элли
в коляске и соседским мальчиком.
Оттобрунн, 1948 г.*

*Ира держит нашу Аню.
Лос-Анджелес, 1950 г.*

*Ира и я в нашей квартирке.
Лос-Анджелес, 1950 г.*

Deemen

Eisopa-Hafen

Мои дорогие! 18.3.49.
 10 days after
 Kati's death

Наши транспорт отходит 29го
 потому что теперь люди которые
 едут в Калифорнию не везут
 через Нью-Йорк, а через
 Нью-Орлеан, а оттуда поездом.
 Там идет паром только раз
 в неделю. Придется еще 10 дней
 посидеть в лагере, а там, Бог
 даст, двинуть в дорогу. При
 условии пока 12 дней сидеть
 в среднем лагере, будем у нас.
 Целую всех крепко,
 Ваша Вера

Mr. Vera Abramovitch
 Bremen - Vegesack
 Lager Strasse
 Block I 222

MIT LUFTPOST
 PARAVION

Mrs. Eugenia Abramovitch
 618 Tularosa Drive
 Los Angeles 26
 California U.S.A.

6557
 8

о многих друзьях, оставшихся там. Я думала также об открытой могиле и о той, что в Унтергахинге с овальной табличкой на березовом крестике. Так много произошло за последние 8 лет со времени вторжения немцев на Украину. К этому времени я уже хорошо владела немецким языком, улучшила знание украинского, хотя диалект Стаха был западным и мне пришлось приноровиться к нему. Это не был тот литературный украинский, которому нас учили в средней школе. Мысль о том, что мне придется учить еще один язык и привыкать к еще одной культуре, пугала меня. Как все это будет?

Я много читала об Америке в книгах, но в действительности все может обернуться совершенно иначе. Наша информация об Америке была зачастую советской пропагандой о «капитализме», «расизме», «безработице», «забастовках» и «эксплуатации человека человеком».

Папа подарил мне к свадьбе Новый Завет со многими выписками из него на пустой внутренней странице. Я начала искать эти цитаты и так увлеклась чтением, что не могла положить эту книгу в чемодан. Все другие заботы отошли на задний план. Мир сошел на мою усталую душу, и в таком настроении я пошла в город, чтобы купить открытку для мамы, на которой и сообщила ей о нашем прибытии в середине апреля.

Наконец день отъезда настал. Огромный транспортный пароход «General Taylor» стоял в порту, началась погрузка. Он вмещал полторы тысяч человек, так что размещали нас долго. Чиновники отделяли женщин от мужчин. Бездетных помещали в общие каюты с полками в три этажа, а беременных и с детьми — в отдельные каюты с кроватями и туалетами.

Я медленно тащилась на корабль по трапу. Мы едем в Америку! Если бы кто-нибудь сказал нам, когда мы жили в Сталино, что мамина мечта сбудется и мы попадем в Америку к ее родителям, мы бы не поверили, но вот сон стал реальностью и я поднимаюсь по трапу на корабль, оставив такую массу тяжелых переживаний позади. «Невидимые руки» вели нас дальше...

Продвижение через Ла-Манш было сравнительно медленным и спокойным, но как только мы вышли в Атлантический океан, нас начало неимоверно качать. У многих началась морская болезнь. Заболела и я. Я не могла подняться с койки, расположенной на носу корабля, где качало особенно сильно и были слышны удары волн о борт судна.

После двух дней разлуки Стах спустился в мое отделение и, увидев меня с зеленой физиономией, прикованную к койке, немедленно забрал наверх на палубу, на свежий воздух. Один только взгляд на вздымающуюся и опускающуюся линию горизонта снова вызвал приступ, но на четвертый день я привыкла к качке и чувствовала себя нормально, только не могла ничего есть, аппетит пропал совершенно, а еды было много.

Наше мореплавание продолжалось 13 дней, и все это время я почти ничего не ела и ужасно исхудала.

Наши мужчины работали всю дорогу. Им поручили красить корабль. Аппетит у них был прекрасный, их не укачивало, и мы с Валею завидовали им. Они знакомились с людьми на борту и с нетерпением ожидали прибытия в Новый Орлеан.

Я не вернулась в мою огромную общую каюту, а переселилась по приглашению Вали к ней, в удобную каюту для женщин с детьми. Мы выходили на палубу и дышали свежим воздухом. Я была худая, как щепка, и меня качало от ветра, но все равно было приятно смотреть на волны в ожидании неизвестного будущего...

АМЕРИКА

На двенадцатый день показалась земля, но еще так далеко, что нельзя было ничего различить. Это не помешало Лене Копылову вызвать всех нас на верхнюю палубу и закричать с восторгом: «Смотрите! Земля! Ребятишки в песочке играют, бабы платочками машут!» Конечно, ничего подобного мы не увидели, но близость земли вызвала

энтузиазм и восторженное ожидание конца нашего благополучного мореплавания.

Вскоре мы вошли в Мексиканский залив, расположенный между Флоридой и Кубой. Корабль направлялся в устье реки Миссисипи, чтобы по реке в половодье добраться до порта в Новом Орлеане.

Вода в заливе была мутная от ила, который несла туда река. Шел тропический дождь ровными тяжелыми линиями, переполняя и без того уже разлившуюся реку. Океанские корабли могут двигаться по этой реке только в половодье по самой середине реки и очень медленно. Берега были затоплены и пальмы стояли наполовину в воде. Вспомнились прочитанные в детстве книги Марка Твена. Разве нам снилось когда-нибудь, что мы будем плыть на корабле по Миссисипи в Новый Орлеан? Все казалось каким-то миражом. Не верилось, что мы в Америке и скоро встретимся с родными.

К полудню корабль причалил в порту и все пассажиры вышли на наскоро вымытые палубы. Особенно радовались те, кто проболел морской болезнью всю дорогу. Вдруг из громкоговорителя прозвучала наша фамилия. Мы не знали английского языка и не могли понять, что нам говорят и почему именно нам? Кто-то из команды объяснил нам на ломаном немецком, что нас встречают на берегу, и как только выгрузят наши вещи, мы сможем сойти и увидеть встречающих нас людей. Из полутора тысяч пассажиров мы были единственными, кого кто-то встречал на новой земле. Кто бы это мог быть?

Оказалось, что у дедушки Леона в Новом Орлеане были знакомые миссионеры в отставке, два старичка — муж и жена, он и попросил их встретить нас.

Английскому языку Стах выучился на слух у американских солдат. Он был пересыпан нецензурными выражениями, чего мой муж знать не мог, вот и принимал за чистую монету. Бедные миссионеры вежливо выслушивали его ответы на их вопросы. Я же в глубине души надеялась, что их миссионерское поле было где-то в джунглях среди дикарей, что их ничем не удивишь. Они сочли

своим священным долгом показать нам город, и мы сели в автобус.

Не зная правил сегрегации рас, я плюхнулась на сиденье в конце автобуса. Оказалось, что там сидят только негры, и наши новые друзья ласково подняли меня под руку и увели вперед. Они привезли нас в зоопарк, очевидно, решив, что именно здесь мы почувствуем себя «как дома».

Показав нам город, они привезли нас на железнодорожную станцию к поезду, на который был уже погружен наш багаж, и в 11 часов вечера мы распрощались. При всем их опыте общения с дикарями, встреча с нами, я уверена, превзошла все прошлые и стала незабываемой. Языковой барьер мешал общению и истинному знакомству друг с другом. Я тут же решила немедленно приняться за изучение нового языка.

У поезда мы обнаружили, что поедem в спальном вагоне. Опять мы были единственными из всех пассажиров с такими удобствами, устроенными нам, конечно, дедушкой Леоном. Мы еще не знали его лично, но горели желанием поскорее познакомиться с ним и бабушкой Фаней, чье имя мы только слышали в детстве перед сном в маминих молитвах.

Мы ехали два дня и три ночи. За окнами вагона были пустыни Нью-Мексико и Аризоны — совершенно незнакомый нам ландшафт с разбросанными повсюду индейскими резервациями. На станциях в вагон входили индейцы и предлагали свои товары. У нас не было денег, и мы ничего не могли купить, но посмотреть все же было интересно.

Копыловы сошли в Термале и оттуда отправились в Индио, где у них был спонсор. Это был «финиковый и клубничный» фермер, и вез он их в 120-градусную (по Фаренгейту) жару на плантации, полные скорпионов, комаров и змей... Мы же ехали дальше на Лос-Анджелес, где нас ожидали мои родители и сестры.

Наконец поезд остановился с визгом и лязгом буферного железа. В окно я увидела Лиду и Катюшу, а когда мы

вышли, то и папу, и маму, и Лидинога жениха Джина. Описать нахлынувшие на всех нас чувства невозможно. Просто не хватит слов. Наш полный пертурбаций «исход» с надеждой на воссоединение мамы с ее семьей закончился! Мечта сбылась! «Невидимые руки» сделали свое дело. Они вели, несли, держали, спасали от верной гибели! Читатель имел возможность проследить весь наш долгий путь из Украины в Германию и, наконец, в Америку. Сколько потерь, страхов, нервотрепки осталось позади!

Джин усадил нас в свой автомобиль. И хотя это был древний (1935 года) «фордик», нам показалось, что наш «богатый» будущий американский родственник везет нас по Лос-Анджелесу, как заправский шофер. У меня в голове уже рождались строчки о нашем новом месте жительства: «Ты когда-то на карте был точкой, а теперь ты, Лос-Анджелес, мой». Позже я закончила это стихотворение.

Джину Зулу было всего 20 лет. Это был высокий, худой, со следами юношеских прыщей на лице и кадыком на горле. Лиде было 25 лет и все родственники считали ее «старой девой». Они познакомились в баптистской церкви на Фаунтэйн Авеню в Голливуде. Пастором этой церкви был Джек МакАртур (Джек — это тот же Джон, только в упрощенном разговорном виде, как Иван — Ваня у нас. — *Прим. автора*), отец ныне знаменитого пастора, проповедника и автора многих книг, Джона МакАртура. Старший Джек МакАртур недавно крестил Лиду и Джина, а одновременно с ними известных ковбойских артистов Роя Роджерса и его жену Дейль Эванс.

Джин привез нас в дом родителей. Дедушка Леон дал задаток за двухквартирный дом и помог родителям приобрести имущество, где потом могли бы временно останавливаться другие родственники, прибывающие из Европы. К нашему приезду к дому была прибавлена еще одна подвальная квартирка для нас. Сюда Джин занес наши два чемодана — один фанерный, а другой плетеный — оба полные всякого барахла вроде ржавых вилок и чугунной сковороды, на которые Джин смотрел с удивлением. То, что можно было бы назвать вещами,

было прислано нам бабушкой Фаней. Позже я пожалела, что не сохранила эти привезенные нами из Европы «реликвии».

Мы не говорили по-английски, и разговора с Джином не получилось. Он вскоре уехал, а Лида и родители долго, до самой ночи, еще говорили с нами. У нас было о чем поговорить, особенно после моей, такой еще свежей, трагедии...

Наша квартирка, которая по-английски называлась «апартамент» (не апартамент, как кто-то «исправил» это слово в моей поэме мужу), состояла из четырех комнат: гостиной, спальни, кухни и ванной. Нам она показалась дворцом после того, где мы жили раньше. В шутку европейские невозвращенцы говорили, что они живут «блоховато и клопотливо», и это действительно было так. Я не могла понять, как американцы избавляются от блох и клопов, этих непрошенных гостей во всех беженских лагерях.

Эта подвальная квартирка стала нашей на последующие пятнадцать лет! Позади дома находился большой двор, рядом — гараж, так что было где развернуться и нам, и нашим будущим детям.

Квартирка была полностью обставлена старой, но вполне приличной мебелью. В кухне была газовая печка с четырьмя конфорками и духовкой. Рядом был «ледник» с ящиком для льда сверху и миской для воды внизу. Лед привозили раз в неделю. На огромных железных щипцах доставщик нес огромный блок льда и сам клал его в верхний ящик нашего «роскошного» ледника. Большинство американцев еще пользовалось тогда такими ледниками. Электрические рефрижераторы стоили дорого и были примитивными, шумными и по карману только богатым.

Раковина для мытья посуды была большая, позже мы купали в ней своих младенцев. Черный ход шел через небольшую пристройку, в которой стояла стиральная машина с валиками для отжимания мокрого белья. Шесть веревок были натянуты во дворе. Ну, просто роскошь!

Джин Зул возле своей машины

*Дом. Вид спереди и сзади.
Наша квартира внизу*

*Первый снимок в нашем
«апартаменте»*

*Первый снимок с родителями
и Катей*

Спальня

Плита и холодильник

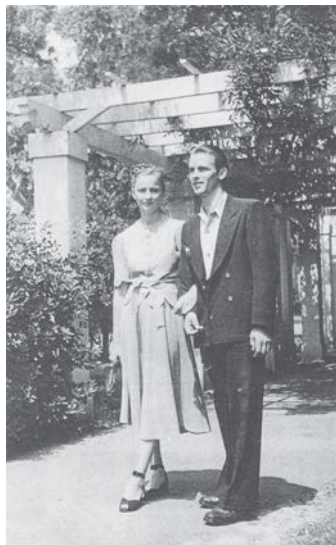
Гостиная

Кухня

С мамой в Exposition Park

Вдвоем

В Лос-Анджелесе, 1949 г.

*Во дворе с Лукинскими
и Софроновыми*

Trophy Craft Co.

Папа (на переднем плане)

*Папа на работе
с Ордынским*

Папа

Ордынский

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Очень редки здесь клены и липы,
И черемухи цвет, и сирень.
И взамен тополей эвкалипты
Стелют скатертью длинную тень.

Солнце греет, лучей не жалея,
Нет три четверти года дождя.
Я смотрю и все думаю: где я
Очутилась, чрез жизнь проходя?

Океан под названием Тихий
Гладит скалы и лижет песок.
Пестрый город похож на купчихин
Разноцветный нарядный платок.

А причудливым четким узором
Перепутались ленты дорог,
А вдали величавые горы
Обнимает удушливый «смог».

Здесь смешался народ отовсюду,
Языками затмил Вавилон.
Список полный давать я не буду,
Слишком длинным получится он.

Днем и ночью мелькают рекламы,
Днем и ночью машины шумят,
Нарядясь, джентльмены и дамы
Днем и ночью куда-то спешат.

Город южный, усевшийся прочно
Между морем и горной грядой,
Ты когда-то на карте был точкой,
А теперь ты, Лос-Анджелес, мой.

Но самое главное, от чего мы больше всего восторжались, была ванная комната с туалетом, душем и глубокой ванной! Это был верх роскоши и блаженства. Горячая вода текла автоматически из какого-то невидимого бака. Одним словом, «чудеса в решете» после всех наших долгих мытарств и лишений. Это было в 1949 году, Америка только начинала массовое производство черно-белых телевизоров, автоматических стиральных машин и электрических рефрижераторов. Мусор еще жгли во дворах в определенные дни недели в цементных инсенераторах, хотя воздух в Лос-Анджелесе был ужасно загрязнен и драл горло, нос и глаза. Но и после всех наших мытарств нам все равно казалось, что мы попали в рай. О, как все изменилось с тех пор! Ведь я описываю события более чем 50-летней давности. Америка давно не та. Она выросла материально, но низко пала морально и катится еще ниже...

Многие продукты доставлялись на дом разными торговцами. Супермаркетов еще не было. В центре города был центральный крытый рынок, но туда нужно было ехать на автобусе, поэтому удобнее было покупать многое у доставляющих все на дом торговцев. Там были: хлебник, овощник, молочник, галантерейщик, рыбник и даже библиотека на колесах! У всех были свои дни и часы доставки продуктов хозяйкам прямо к дому. У хозяек были в окнах свои «знаки», если им было что-то нужно, и торговцы останавливались, издавали свой индивидуальный звук — свисток или гудок — и женщины выходили к ним на улицу с маленькими детьми у юбок или у завязок фартука. Никто никого не боялся, игрушки и велосипедки лежали всю ночь на незагороженных газонах, машин на улицах было мало. И когда мороженщик оглашал свое появление звончком, дети выбегали к нему с пяточком или гривенником в руке, никого не боясь. Никто не похищал и не обижал детей.

Хлебник был еврей, который, хотя и плохо, говорил на нескольких языках. Нам это было на руку. «Мы с вами разговариваемся на все языки», — говорил он нам с улыбкой, сильно картавя.

Обилие материальных благ потрясало. Так много выбрасывалось! Рестораны выбрасывали почти нетронутые обеды, продуктовые магазины продавали все, что залежалось, на второй день за полцены. Хлеб был почти даром, так же как и бензин, за который платили по 12 или 14 центов за галлон при полном обслуживании хозяина и премий в виде стаканов, чашек, маек, марок на продукты ширпотреба и чего угодно, лишь бы люди покупали у него, а не у другого. Такого рода конкуренция была нам незнакома, но она двигала экономику и придавала ей рост. И мы начинали понимать, почему Америка такая богатая страна. Наше «соцсоревнование» и «пятилетний план», хотя, возможно, и выполняли «задание рабочих и крестьян», но не повышали их жизненный уровень. Этот уровень был твердо установлен на верхах и через него никто не мог перепрыгнуть, не попав в тюрьму «за спекуляцию».

Однако при всем богатстве Америки мы видели в центре города бродяг и нищих, ночующих на Мэйн-стрит возле «Миссии Спасения» в картонных коробках из-под стиральных машин и холодильников. Это были люди, по разным причинам оказавшиеся на «дне», но основные из причин — пьянство или недоумие. Таких боялись брать на работу, и они попадали на улицу.

Мы обнаружили, что Америка — уникальная страна, непохожая ни на какие другие, с многонациональным народом (в т. ч. эмигранты из разных стран), своеобразная плавильня, в которой все переплавлялось, и постепенно люди становились просто «американцами». Мы тоже присоединились к этому месиву, решив непременно изучить язык и культуру нашей новой, усыновившей нас, «родины».

Свадьба Лиды и Джина состоялась 22 апреля в гостинице дедушки и бабушки Розенберг, то есть в доме Миссии «Вефиль». Она была очень скромной. Лида сама пошла себе подвенечное платье. Младшая сестра Джина, Найла, была единственной подружкой, а я — замужней почетной, как это принято в Америке. На Джине был обыкновенный костюм с белой рубашкой и галстуком. Его шафером

Лидина свадьба. Апрель 1949 г.

*Их первая квартира в доме
Дэйль Эванс*

Я – почетная дружка

был сын жены Роя Роджерса от первого брака, Дэйль Эванс Том Фокс, а его жена Барбара помогала с приемом гостей. Пастор Джек МакАртур (Джон старший) совершил венчание. (Джон младший был тогда подростком и шалил вместе с моим двоюродным братом, Яном Слортом. Таким я и запомнила его, пока он не стал знаменитым пастором и учителем, автором многих книг.)

Гостями были в основном родственники, но было и несколько друзей, то есть всего — человек 30. Я чувствовала себя неловко, так как не могла объясняться ни с кем по-английски, а говорить по-русски или по-немецки при тех, кто не знал этих языков, было бы неприлично. Мама и ее младшая сестра, Мария Слорт, помогали в этом немного, переводя время от времени отдельные вежливые фразы, и все закончилось благополучно.

Лида и Джин так беспокоились обо мне, что взяли с собой в свое недельное свадебное путешествие в горы. В конце недели туда приехал и Стах, а так как у нас никогда не было свадебного путешествия и знаменитого «медового месяца», то эта неделя на природе в горах вместе с Лидой и Джином вполне возмещала мне потерянное, хотя у Стаха этот отдых длился всего два дня. Он спешил выйти на работу в понедельник.

Тогда не было еще той обширной системы «Велфара», какую мы имеем сегодня. Наша волна эмигрантов была допущена в страну по «паролю», то есть у всех должны были быть спонсоры, которые отвечали за них. Спонсоры подписывали «аффидавит» о поддержке, обещая правительству, что эмигрант, находясь под их «гарантией», никогда не станет бременем для государства или общества в целом.

Нашим спонсором был дедушка Леон Розенберг. Он же помог нашему отцу найти работу вблизи его Миссии «Велфиль», а отец обеспечил работу там же моему мужу, когда мы приехали два с половиной года спустя. Фабрика отливала призовые фигурки и называлась «Trophy Craft Co». Наш папа — адвокат, инженер и бухгалтер — соскребывал ножичком с этих фигурок рубец после снятия формы.

Дальше фигурка шла к другому русскому, концертному пианисту и преподавателю музыки Ордынскому, для дальнейшего заглаживания и полировки. Мой муж присоединился к этой «бригаде» и был счастлив, что ему нашли работу, на которую он мог отправиться на другой день после нашего прибытия в «страну огромных возможностей». Отец проработал там до пенсии, хотя ему было всего 48 лет, когда он приехал в Америку. Ордынский начал зарабатывать частными уроками музыки и вскоре оставил эту работу, оставаясь другом семьи и позже учителем музыки нашей старшей дочери Ани.

Наши мужчины были готовы работать где угодно за любую плату. У них было сильное чувство ответственности за содержание семьи, и хотя мы так и не разбогатели, мы также никогда и не нуждались. Наш прошлый опыт жизни научил нас довольствоваться малым и готовить что-то из самых простых продуктов: моркови, картофеля, лука, капусты и других овощей, которые можно было купить за низкую цену. Мука, сахар и хлеб тоже не были дорогими. На центральном рынке в городе всего было вдоволь и дешево, но кошелки нужно было тащить до автобуса и потом от автобусной станции несколько кварталов до нашего дома.

В отличие от нынешних иммигрантов, которые в первый же свой месяц в Америке разъезжают на «Мерседесах», у нас первые три года не было никакого автомобиля, а когда появился, то это был старый «дрындулет». Стах тут же разобрал его до последнего винтика, включая трансмиссию (сцепление), и разложил на газетах перед гаражом. Наш сосед был инженером-механиком и выполнял какие-то заказы для государства у себя в мастерской. Он пришел, посмотрел, почесал затылок и сказал: «Интересно, сколько у тебя останется деталей, когда ты все соберешь».

Мой муж удивил его и всех нас, собрав все внутренности машины без остатков. Он даже заменил все изношенные части, радуясь, что в Америке их было легко приобрести. С тех пор он всегда сам чинил все в доме: пылесос и стиральную машину, водопровод и электричество, садовничал, делал

бетонные дорожки во дворе, красил стены, менял стекла и перекрывал крышу. Мы никогда никого не нанмали.

Мои родные беспокоились о моей психике после двух недавних трагических потерь. Мама сразу же включилась в работу Миссии ее отца, но прямо с работы шла ко мне, чтобы посидеть со мной, почитать мне и помолиться. Без нее я бы, пожалуй, действительно рехнулась. Когда все уходило на работу, я шла наверх к маме, чтобы навести там порядок, я падала поперек ее кровати носом в подушку и надрывно рыдала до боли в груди.

В другой квартире над нами жили недавно прибывшие из Голландии Слорты — тетя Мура и дядя Сиверт с их двумя детьми. Они тоже смотрели за мной. Когда однажды слышался плач из соседнего дома, они решили, что это я наконец преодолела свою окаменелость и дала волю слезам. Я услышала их голоса наверху: «Вера, мы идем!» Я не поняла, почему они «идут» ко мне, но когда они пришли и увидели, что плачу не я, а кто-то по соседству в другом доме, они смутились и вскоре ушли к себе, но их забота обо мне была явной. Мои минуты плача были такими уединенными, такими личными, что мало кто видел меня когда-нибудь в слезах.

Новые друзья и общение с верующими тоже помогли мне перенести мое горе. К нашему приезду родители уже имели небольшое домашнее собрание — ядро для новой общины. До этого они ездили на двух автобусах в город на Глэсс-стрит, где была русская община, которая вскоре переехала на 8-ю улицу в новое здание и стала церковью «Вифанией», которая существует и поныне. Членами этой церкви были эмигранты из Персии, Мексики, Польши, Белоруссии и новоуверовавшие из молокан, населявших район вокруг этой церкви.

Мы же были новые эмигранты из СССР и Европы, совсем с другим прошлым, и к тому же нам, живущим в западной части города, в Голливуде, было нелегко добираться в восточную часть огромного города. (Нынешних автострад еще не было.) Сама собой напрашивалась мысль о создании церкви в нашей части города.

Рогозины

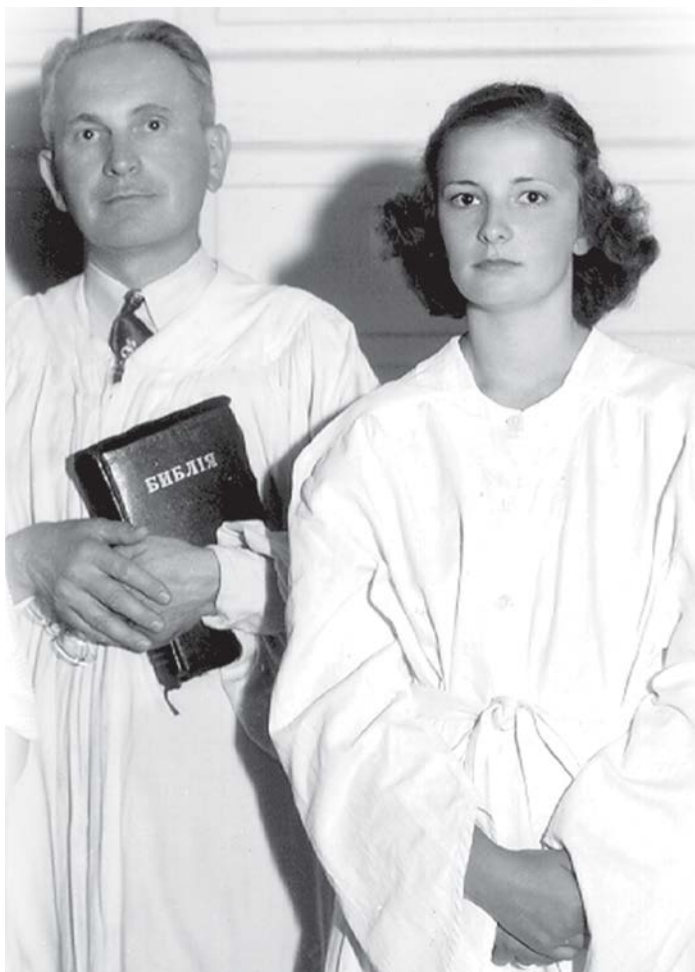
Мои родители решили помочь приехавшему недавно из Франции пастору Павлу Иосифовичу Рогозину в создании новой общины. Ядро из нескольких братьев и сестер собиралось у них наверху, я тоже бывала там, хотя не была еще членом Христовой Церкви и плохо знала Писание.

Комитету «Вифании» не понравилась идея новой церкви в городе с населением в одиннадцать миллионов, и начались типичные для славянского братства «разборки». Обнаружилось также, что пастором «Вифании» был некий брат Юрий Кириллович Урбан, с которым у Павла Рогозина были какие-то разногласия еще во Франции, откуда оба приехали в Америку.

Мой папа взял меня с собой на встречу с комитетом «Вифании». Бурные разногласия произвели на меня удручающее впечатление. Брат Урбан держал одну руку в кармане и нервно позвякивал находящимися там ключами. Другие братья и сестры вскакивали и с красными от волнения лицами выкрикивали какие-то обвинения...

Как молодая верующая, я воображала, что все верующие — ангелы, живущие в полном мире и согласии. Приехав домой, я рассказала маме о том, что там увидела и услышала. Выслушав, она дала мне мудрый и жизненный совет. «В кого ты уверовала?» — спросила она. «Во Христа Иисуса», — ответила я. «Так вот за Ним и иди. Не смотри по сторонам, не отвлекайся от цели из-за поведения людей. Они только люди и притом все с разным духовным уровнем. Каждый ответит перед Богом только за себя, а ты смотри, чтобы ТЫ сама была в порядке. Ты задавай правильный тон...» Я приняла мамин совет и во все последующие годы применяла его в жизни, стараясь следить за собой и поменьше смотреть на других. Благодаря этому я смогла что-то внести в общее дело Церкви Христовой.

Вскоре организовалась новая церковь. Временно мы собирались в чужом здании, у верующих во Христа японцев, а через какое-то время Павел Иосифович Рогозин получил от Южных баптистов здание для бессрочного пользования на Лайман Плейс. Это была бывшая синагога

Крещение. С пастором П. Рогозиным

Читаю его минутную проповедь в собрании

На заднем плане — П. Rogozin (сидит)

Христос Воскресе!
Поздравляю Вас с радостным
праздником Воскресения Христова
и прошу принять отнюдь не, как
мне Наставителе дитя.

Благодарю за
помощь!

Всегда Вам

Гр. Розина
с Верой и Уверенностью

Привет
Всем!

7-5-61

Дорогой в Государе Версия,
Очень приятно, что "Х" № 48" вышло без
Вашей сдвоенности. В фамилии "манду",
мой набран "Х" № 49" и у нас нет под
рукой ни одной Вашей сдвоенки.

Не покуситесь и примите добрый
запас Шини + мурки + оветки, чтобы все
моги отбортить или надставить место в
кармане Ветуске зурнама.

То, что Вы соблюдаете приклад (А?)
"Х-47" - не повешите в другие зурнама. (А?)
Привет Страту, дитяма и
всем Вашим! МП-

с окнами над входом в виде скрижалей с Десятисловием. Павел Рогозин назвал новую церковь «Славянский Очаг Благовестия». «Очаг» стал моей первой церковью, а Павел Иосифович Рогозин стал моим первым пастором.

Это был настоящий пастырь своего нового стада. Его жена, Вера Иосифовна, руководила женским кружком, а он привозил и развозил людей на своем стареньком автомобильчике, прибирал церковь, возил больных к врачам... Он бывал также частым гостем в доме моих родителей, в подвальной квартирке которого жили тогда и мы со Стахом.

Его проповеди и библейские разборы были насыщены Божьими истинами. Для «зеленых» новоуверовавших он открыл курсы по начаткам веры, и я захлеб слушала его лекции и записывала многое в тетрадь. Все было новым и все радовало. Я открывала для себя Библию и очень рано посвятила себя ее изучению, поскольку светское образование, о котором мечтал папа, так и не удалось получить.

На одном из собраний, еще в японской первой церкви, Павел Иосифович предложил свидетельствовать об обращении к Господу. Я не могла выдержать и рассказала о моем уникальном опыте обращения. Когда же с кафедры раздался призыв выйти вперед, чтобы при всех открыться Господу, я радостно сделала и это.

Осенью 1949 года мне исполнилось 23 года, но крещение мое состоялось только в 25 лет. Пастор мой ожидал плодов моего покаяния и учил, учил, учил! Крещаемых было двое: сестра Головка и я. Это было первое крещение в новой общине, и этот факт вошел в летопись ее истории.

Павел Рогозин был гигантом проповеди и духовным писателем. Не все пасторы — писатели духовной литературы. Он был также насаждателем новых общин. Укрепив нашу общину в Голливуде и передав ее через несколько лет молодому брату Александру Кузичеву, приехавшему недавно из Нью-Йорка, Павел Рогозин принялся за основание церкви в Сан-Франциско. Наша семья помогала ему и в этом. Как и в Голливуде, ядро общины в Сан-Франциско

зародилось в доме одной уверовавшей (из православных) пожилой сестры. Мы с отцом бывали там на домашних собраниях, пока не был приобретен через тот же Южно-баптистский союз дом на Бальбоа-стрит. Это был большой барский жилой дом, в гостиной которого проходили собрания, другие комнаты служили для общения, а на верхнем этаже даже можно было переночевать гостям или временно пожить ищущим жилище.

Рогозины были малоимущими людьми. Они не стремились к накоплению или даже приобретению имущества, и до самой смерти брата Павла Иосифовича они жили в арендованных дешевых квартирах без всяких признаков роскоши и ездили на старых автомобилях.

Когда весной 1974 года я узнала, что мой любимый пастор и друг умирает от рака горла, я полетела в Сан-Франциско повидаться и попрощаться с ним. Ему было трудно говорить, но он все же приветствовал меня и рассказал, что спешит закончить свою последнюю книгу «Любовь — совокупность совершенства». Мы обнялись, прослезились, а через несколько недель его не стало. Вера Иосифовна была на 10 лет моложе и умерла в конце девяностых годов. Не могу назвать точную дату.

У меня сохранились подаренные моим пастором книги с авторскими посвящениями и несколько писем и записок, написанных его чудесным, размашистым каллиграфическим почерком. Сохранилось несколько номеров журнала «Христианин» с моим скромным участием, а также выпускаемых Павлом Иосифовичем информационных листков с лестными отзывами о моем, тогда еще очень слабом, творчестве. И, конечно, масса фотографий.

Пастор Павел Рогозин поощрял участие в собраниях всех, кто мог что-нибудь внести в них, а для меня еще в Голливуде писал специальные «минутные проповеди», которые я читала перед началом собраний. Он увидел во мне потенциал будущего, более широкого служения, когда я сама еще не замечала его. Я пела в хоре, учила деток и молодежь, участвовала в женском кружке, одним словом, набирала опыт, который пригодился позже.

О ЖЕЛАНИИ ДОБРА

ДОБРО заключается в том, чтобы служить Богу и ближнему, жертвовать самим собою ради пользы ближнего, или жертвовать собою, даже не имея в виду пользу ближнего, но поступая так для славы Божьей.

ТВОРЕНИЕ ДОБРА в жизни истинного христианина никогда не носит случайного, спазматического характера. Подлинное добро — это ни что иное, как проявление Божьей любви в жизни Божьего человека. ДОБРОДЕЛАНИЕ — это непременно и постоянное выражение благодатной жизни верующего. Истинное творение блага всегда исходит из любви, всегда продиктовано любовью и только любовью. Христос нигде не сказал: «творите добро друг другу...» Он только заповедал нам: «любить друг друга». Христос знал, что любовь не может не выразиться в добрых делах.

БЕДА в том, что человек может творить так называемые «добрые дела» и по другим мотивам... мотивам, не имеющим ничего общего с Христовой любовью. Человек способен творить благо, благотворить или, как принято говорить, «заниматься благотворительностью» по причинам заведомо эгоистичным, внутренне-корыстным, тщеславным, а также по многим другим нечистым и нечестным побуждениям. Не этот ли вид «добротворения» имел в виду апостол Павел, когда сказал: «Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — **НЕТ МНЕ В ТОМ НИКАКОЙ ПОЛЬЗЫ**»...

ЛЮБОВЬ — вот то единственное, что способно самые обыкновенные дела наши сделать добрыми делами... даже «стакан холодной воды», «пять ячменных хлебов и две рыбки» или «две лепты»... Любовь — вот что делает значительным и наше слово, и интонацию голоса, и жест, и выражение нашего лица. Любовь — вот то единственно неподменное, ничем не

заменяемое, святое веяние, дыхание Божье, без которого у человека нет ни света в разуме, ни тепла в душе, ни добрых дел в жизни...

ЛЮБОВЬ — вот в чем сила и величие подлинного христианства. Истинное христианство начинается только тогда, когда любовь Христова изливается в сердца наши Духом Святым и завладевает нашими сердцами. Овладевая сердцем человека, Христос овладевает и всем человеком вообще. Христос покоряет сердце человека и покоряет его одной лишь безграничной Своей любовью. Человек же, покоренный Христовой любовью, в свою очередь не может не питать ко Христу полной, беззаветной, нераздельной любви.

ТОЛЬКО ХРИСТОС способен вызывать в людях такую ответную любовь, а поэтому только Он один может производить в жизни человека величайший из всех известных нам нравственных переворотов, ту неподражаемую перемену сердца, которую Священное Писание называет «возрождением» или «рождением свыше», «рождением духовным», «рождением от самого Бога»...

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. 2:10).

Будем же помнить, что для доброделания человек должен родиться свыше. Истинное творение добра исходит от Бога. Добрые дела, в полном смысле этого слова, — это дела, непричастные к греху, дела святые, творимые Духом Святым чрез святых людей для славы Божьей.

Иоанн Марк Галустьян

Оглядываясь назад, на пройденный путь, в конце моей долгой жизни, я вижу Божью руку во всем, что со мной происходило. Мне «повезло» иметь моим первым наставником и духовным учителем гиганта веры и слова Павла Иосифовича Рогозина. Вторым, тоже не меньшим героем веры, стал брат во Христе армянин Иоанн Марк Галустьян.

«Божий план спасения» — курс Иоанна Марка Галустьяна. В первом ряду слева — папа и Родион Березов. В центре — Иоанн Марк. Во втором ряду, слева от Иоанна Марка, Галя Олиярник, вторая справа — я, далее: Галина мама, бр. Есаулов и Павел Розозин с нашей Аней и Кристиной Ковальской (на коленях). Отец Кристины держит карту (слева), а мать и сестра Диана сидят слева от Гали Олиярник

Слева направо, первый ряд: третья — бабушка Фаня, мама, я, Есаулов, Иоанн Марк Галустьян, Розозин и Березов (за ними — мой отец). Сегодня в живых только я, все остальные уже с Господом

Он был пастором армянской церкви, расположенной в нескольких кварталах от нашего дома, и мы с папой в течение нескольких месяцев посещали его курс «Божий План Спасения». На огромной карте с армянскими надписями были изображены все периоды Божьего домостроительства, и опять я впитывала новые знания, записывала уроки в тетрадь, не догадываясь еще, когда и как они мне пригодятся.

Иногда брат Галустьян проповедовал у нас в церкви, и мы любили слушать его оригинальные проповеди на русском языке с сильным армянским акцентом. Сколько мудрости и жизненного опыта было у этого человека! Но более всего впечатляла личная дисциплина. Разлученный на годы со своей семьей, женой и пятью детьми, так как он провел пять лет в Сибири, а потом попал под немецкую оккупацию и уже не мог вернуться к семье, он был вынужден, как и наша семья, отступить с немцами на запад. Примерный до последнего вздоха брат Иоанн Марк оставался до конца своей жизни одиноким и проживал либо один, либо со своей сестрой, но не женился при живой жене, как это делали некоторые братья, тоже разлученные с семьями во время войны. Мы восхищались чистотой его нравов, да и Господь вознаградил его терпение и подарил ему в свое время, хотя уже и в старости, возможность повидаться и с женой, и с детьми.

У брата Иоанна Марка было плохое зрение после заболевания глаз трахомой. Это, однако, не мешало ему изучать Библию и готовиться к проповедям с помощью специальных темных очков, испещренных мелкими дырочками. Свою биографию он записывал на магнитофон, а моя мама помогла превратить эту запись в рукопись, которая потом стала книгой. Родился брат Иоанн Марк в 1899 году, в одном году с моими родителями, а умер в 1987 году. Он оставил неизгладимый след в моей душе и обогатил мои познания Библии, что мне очень пригодилось впоследствии.

Изучение нового языка

Осваивая английский язык, я знакомилась с оригиналами уже прочитанных мною в детстве и отрочестве англий-

ских книг в русском переводе. Так как ездить всюду нужно было на автобусах, я покупала дешевые, в мягком переплете издания английских и американских авторов и читала их в дороге. Это развивало и обогащало мой английский язык.

Правда, тетя Мура тоже помогла в этом отношении. Она сразу же после нашего вселения в дом родителей, где жила тогда и она, начала учить меня английскому языку. Мама тоже знала английский, но была занята в Миссии, зато она наняла для меня учительницу музыки, чтобы наверстать упущенное во время войны, и некоторое время я брала уроки игры на пианино. Я не стала концертной пианисткой, но научилась читать ноты, и это помогло моему пению в церковном хоре.

По вечерам можно было слышать по радио проповеди Вернона Мак-Ги. Бабушка Фаня всегда слушала их, и я последовала ее примеру. Пастор Мак-Ги служил тогда в большой церкви в центре города, в «Церкви Открытых Дверей» и был еще одним «гигантом», с которым я познакомилась рано, в самом начале моего хождения с Господом. (О моем знакомстве и сближении с Розенбергами я подробно писала в книгах «Жизнь лишь одна» и «Женщины-миссионерки», поэтому меньше говорю об этом здесь.)

Встреча с Николаем Водневским

Когда мы еще собирались в японской церкви, к нам приехал молодой поэт и духовный писатель Николай Александрович Водневский. Он был года на четыре старше меня, но это не имело значения. Мы были людьми одного поколения, пережившими войну, беды и нужду. Он читал свою «Поэму об Адаме». Я слушала, затаив дыхание, так как впервые в моей жизни я слышала авторское чтение.

То, что когда-то я сама буду признанной поэтессой и буду читать свои произведения в больших собраниях или что буду вообще печататься, не приходило тогда даже в мою молодую голову. Мои слабенькие начинания в области духовной поэзии печатал только брат Rogozin в своем журнале «Христианин», а у Водневского уже были

напечатаны несколько сборничков его стихов, и он регулярно вел колонку в «Новой Заре» — светской газете, выпускаемой в Сан-Франциско.

Николай Водневский был брюнетом среднего роста, худощавым и скромным. Он никому не навязывался, но его талант был неотразимым и явным. Мы познакомились с ним в начале пятидесятых годов. Он часто бывал в доме моих родителей, а когда 35 лет назад он начал выпускать газету «Наши Дни», я уже достаточно осмелела, чтобы предлагать свои стихи газете. С тех пор я постоянно публикуюсь в газете. Это и стихи, и статьи, и переводы с английского. С Водневским мы стали друзьями на всю жизнь. Иногда нам даже устраивают совместные вечера. Очевидно, мы сравнялись в известности нашего творчества и служения Господу, так как нас обоих называют теперь «маститыми» и «классиками христианской поэзии». Божьи пути неисповедимы, и милости Его и любви нет предела.

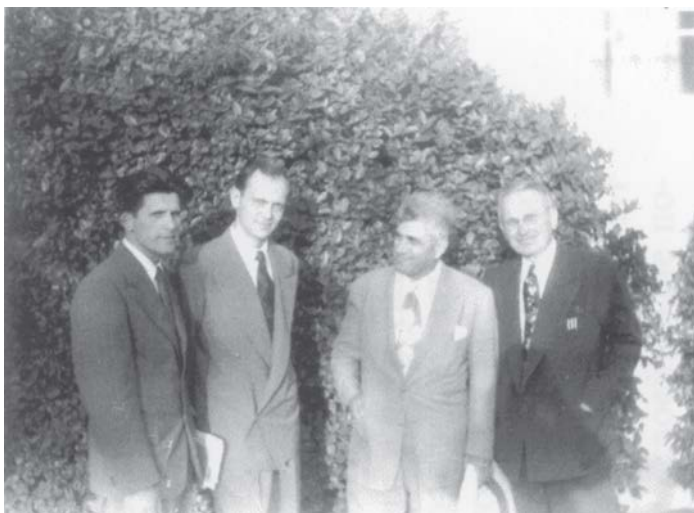
Ярл Пейсти

Одновременно с братом Николаем Водневским в нашу церковь приехал молодой брат Ярл Николаевич Пейсти. Он еще не был женат, но мне сказали, что у него уже есть невеста где-то в Европе. Кто-то постарался сделать снимок, на котором запечатлены четыре дорогих мне брата: Водневский, Пейсти, Галустьян и Рогозин. Это один из моих самых ценных снимков.

Впоследствии мы встречались время от времени, и брат Ярл бывал несколько раз у нас в доме со своей, ныне покойной, женой Пиррко. Иногда меня просили быть его переводчиком: если он говорил по-русски, я переводила на английский язык, если он говорил по-английски, я переводила на русский язык. Мы всегда были в поле зрения друг друга. Я читала его проповеди в разных журналах, знала историю его родителей и следила за служением этой семьи. Сейчас, когда мы уже все состарились, мы продолжаем поддерживать связь друг с другом по телефону, ведь это немногие, оставшиеся из тех, с кем еще можно потрянуть стариной и спросить: «А помнишь?..»

Родион Березов и Николай Водневский

*Николай Водневский, Ярл Пейсти, Иоанн Марк Галустьян
и Павел Рогозин*

Дорогая Сестра Вера,

Благодарю Вас за первое
соучастие в служении «Наших
Дней» нашей кароду.

Милости Господа на все
должны были в ожидании
той поры, когда Господь
скажет: «Пора ка покой!»
Этого голоса я еще не слышу.
И перед вами еще много
труда, в котором Господь
чуждее помощью!

С любовью

Аннима

Дорогая Сестра Вера,

Полное-прекрасное свиданье
как та сестра, кто там
Мария (будет в воскресенье 1898.)
и «Родство» 2^е Крив. Криво
25-го - в день Видения.

Да возмездит Вас
Господь за Ваше участие
и в Его деле, за
Ваше активное участие
в служении Его.

Привет Сестру,
Да хранит вас Господь
в здравии. Как вы нам
Купите!

С любовью
Аннима

Вик. В.

Рождение Ани

В январе 1950 года у нас родилась наша Аничка. Мама и тетя Мура вовремя отвезли меня в больницу на такси. Все прошло благополучно, только врачи сказали что-то об одной ее ножке. Я не настолько хорошо понимала по-английски, чтобы сообразить, что именно было не так...

У Анички (я назвала ее так в честь моей подруги Ани Гулевской) были густые черные волосы и ямочки на щеках (от Стаха!). Она не была похожа на покойную Катюшу, и это утешало меня. Дома мы положили ее в специальную, красиво обтянутую розовой материей корзинку на подставочке и колесиках. Это был подарок от бабушки Фани. Она дала мне эту корзинку, полную детского белья и пеленок. Никаких памперсов тогда еще не было, но у нас во дворе была веревка, натянутая в шесть рядов, и была примитивная стиральная машина, и я не могла нарадоваться таким удобствам.

В Миссию приходили вещи для беженцев и переживших войну в Европе. Мы были теми и другими и несколько лет одевались исключительно из бабушкиного гаража, который служил складом для пожертвованных вещей. Из этого гаража отправлялись контейнеры с вещами в Европу и Израиль.

Я дрожала над моей новорожденной Аничкой, считая почему-то, что все мои дети будут умирать рано. Но она была здоровеньким ребеночком, а с ножкой было не слишком серьезное дело: от щиколотки вниз ступня была слегка подогнута внутрь, когда она начала ходить, врачи приписали ей ортопедические ботиночки, которые она носила до 8 лет.

Мы были бедные беженцы, и нашей больницей был «General Hospital», где в основном лечили неимущих, беря с них небольшую плату. Из-за Аниной ножки мне приходилось часто ездить туда на приемы к врачам. Добиралась я туда на двух автобусах и трамвае (в Лос-Анджелесе еще ходили трамваи!), с ребенком на руках и кошелкой с пеленками и бутылочками. Просиживала часами в «ожидалках», как белая ворона, среди черных и темнокожих женщин с

Первый снимок после рождения Ани, март 1950 г. Слева — мы со Стахом и Аней, родители и мои сестры с мужьями и первыми детьми. Впереди — Катя (8 лет)

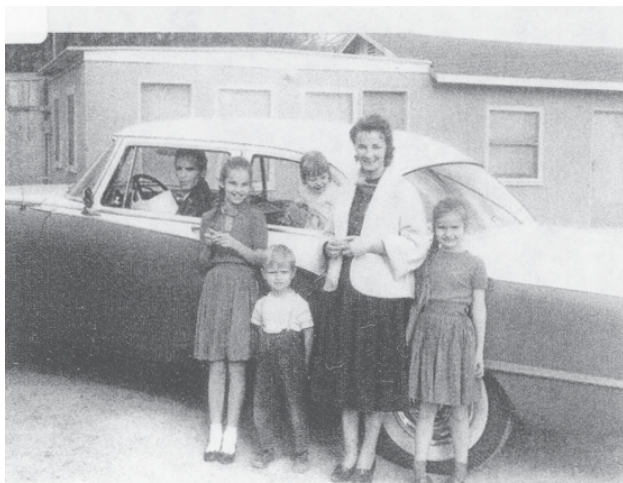
Рождество в «Очаге». Слева — мама с Аней, я с Ниной, справа от нас — Катя и другие дети

После рождения Ани

С «четверкой». Мне 34 года

У первого нового автомобиля

Стах с детьми

Мое 70-летие. Я с сестрами

малыми детьми. Если нужно было менять ботиночки, я ехала потом еще в центр города к ортопеду на примерку, а оттуда уже домой как раз к приходу Стаха с работы. К полутора годам у Анички появилось красное пятнышко на верхней губе. Оно начало расти и уродовать ее лицо. Врачи морозили нарост сухим льдом, но в конце концов вынуждены были его вырезать. Мне пришлось положить девочку на сутки в больницу. Я буквально сходила с ума от разлуки с ней, даже если это были только на сутки. Прошное прочно осело в моей памяти. По малейшему поводу я возила ребенка, даже ночью, в детский госпиталь в Голливуде в «аварийное отделение». Меня охватывала паника при каждом ее кашле, расстройстве желудка или рвоте. Все это напоминало мне Катин конец...

Копыловы

Когда Ане было четыре месяца, в один «прекрасный» день к нашим дверям подкатил древний ржавый автомобиль, весь нагруженный вещами и с привязанной к крыше стиральной машиной... Это были Леня и Валя Копыловы с четырехлетней дочкой Леночкой. Ребенок, которого Валя ожидала во время переезда в Америку, родился в Индио и почему-то вскоре умер, но она уже ожидала другого.

Не помню, чтобы мы приглашали их к себе, но когда посетили их на плантации их хозяина, то, очевидно, мы так расхвалили свое новое жилье, что они решили временно, пока найдут квартиру и работу, пожить у нас. Это «временное» проживание длилось ШЕСТЬ месяцев!

Через месяц после их приезда к нам у Вали родился мальчик. Мы уложили его в картонный ящик, так что в последующие месяцы в нашей малюсенькой квартирке стоял рев не одного, а двух младенцев. Леня и Валя спали на раскладном диване в гостиной, которую мы отдали им, а Леночка на двух сдвинутых вместе креслах.

Вскоре Стах остался без работы, а Леня еще не нашел ее, и начался настоящий голод. Мама подсовывала нам то 5, то 10 долларов на продукты и позволяла иногда не платить

за квартиру, а когда Леня устроился на должность «мороженщика» и ездил по улицам с колокольчиком, мы ели на ужин оставшееся в его вагончике мороженое и с синими от холода губами ложились пораньше спать.

Шесть месяцев казались нам вечностью, но мы жили мирно, убирали и готовили по очереди и иногда даже ходили пешком в ближайший кинотеатр. В силу обстоятельств Валя одевалась из магазина подержанных вещей. Вкуса у нее не было никакого, поэтому на ней при наших выходах «на люди» было пестрое платье, на плечах накидка из облезлого меха какого-то неопределенного зверя, старые туфли со стоптанными каблуками и рваные, перекрученные на ногах чулки. Губы были ярко покрашены, выходя за контуры, и в ушах были яркие, длинные серьги. Все это не мешало нам любить Валю и ее мужа Леню. Я помнила ее заботу обо мне на корабле. Ведь она приголубила меня еще в лагере в Бремене, а потом приютила меня в своей каюте. Как можно было забыть такое добро?

Мы приглашали их в церковь. Они были номинально православными, но в общем-то просто неверующими. Леня считал себя атеистом, а Валя тянулась к вере и Богу и даже выходила наперед для покаяния в нашем «Очаге», но испугалась своего православного отца, и «налетели птицы и поклевали семя с твердой почвы ее сердца». Нас же она уважала именно за то, что мы верили.

Мы не теряли связи с Копыловыми и после устройства Лени на работу и приобретения ими собственного дома. Мы все время пытались привести их к Господу, но нам это не удалось. Какая трагедия!

Когда Валя ожидала третьего ребенка, она приехала к нам, и мы помогли ей добраться до больницы. Она помнила наше доброе к ней отношение и была благодарной и гостеприимной хозяйкой, когда мы бывали у них. При полном отсутствии эстетического вкуса Валя была прекрасной хозяйкой! Она вкусно и много готовила и любила приглашать и угощать друзей, но у них всегда пили и курили, а Леня, напившись, начинал плакать и жалеть себя, как это часто делают почти все пьяницы, и мы извинялись

и уходили поскорее домой, ведь наши дети тоже всегда были там с нами.

Копыловы умерли оба от злоупотребления пищей и питьем. Леня много курил и был алкоголиком. Он умер в 53 года в отеле во время одного их редкого отпуска. Валя всю жизнь курила (и в компании пила), была непомерно толстой, как и ее дочь Леночка, так что тоже навредила своему здоровью и умерла около семидесяти лет от рака легких. Я позвонила ей за день до ее смерти и еще раз напомнила о Господе. Ей было уже трудно говорить, и я не знаю, приняла ли она мое последнее свидетельство. Леночка и ее два брата исчезли с тех пор с нашего поля зрения, а попытки их отыскать пока еще не увенчались успехом...

Хёферы тоже в Америке

Моя сестра Ирина, ее муж Карл-Хайнц Хёфер и маленькая Элликен приехали в Америку через год после нас. Они пожили некоторое время в доме родителей — в квартире, из которой недавно выбрались тетя Мура и дядя Сиверт, купив себе свой дом. Вскоре и Хёферы купили себе маленьенький домик в нескольких кварталах от нас на той же улице. Мы часто виделись и помогали во всем друг другу. Ира шила для моих девочек и их кукол одежду и смотрела за ними, если мне нужно было поехать за чем-нибудь в город. Мои дети навсегда запомнили заботу о них тети Иры, заботу, которая не уменьшалась, хотя у нее со временем появились еще дети.

Мои сестры и я наперегонки рожали наших детей. Лида жила далеко, но с ней мы тоже не теряли связи и часто ездили к ней. Кто-то из нас всегда ожидал следующего ребенка или был уже на сносях. Жизнь кипела. У Иры и Хайнца после Элли родился мальчик, Вальтер. К двум годам он заболел белокрыем и, не дожив до трех лет, умер. Эту трагедию никто не мог прочувствовать так, как я. В свое время Ира поддерживала меня, когда у нас на глазах умирал ребенок и мы ничего не могли сделать, а только беспомощно наблюдали за болезненным, медленным угасанием.

Теперь я была каждый день у Иры или в больнице, когда мальчик бывал там, и мы вместе с ужасом наблюдали его медленное и мучительное угасание. Надеюсь, что он все-таки чудом выживет, я купила ему красивенькую матросочку, но она пригодилась ему только в гробике...

С Ирой и Хайнцем у нас и по сей день самые близкие и теплые отношения. Мы часто посещаем друг друга или перезваниваемся. Мы бываем также в их немецкой церкви, где тоже знаем и любим всех.

Через три года после смерти Вальтерчика Господь подарил Ире и Хайнцу Руфь, здоровенькую чудесную девочку, а спустя еще пару лет Катю, их младшенькую дочь. Сегодня Элли, Руфь и Катя — взрослые замужние женщины со своими семьями, они — надежная опора родителям на старости лет.

Рождение Нины

В январе 1951 года я начала ощущать знакомые признаки еще одной беременности. Больница, куда я возила на проверки Аню, находилась там же. И я с токсикозом от своего «интересного положения» и с той же кошелкой с бутылочками и пеленками добиралась туда тем же транспортом — на двух автобусах и трамвае. Мы радовались нашему «ожиданию» и надеялись на рождение мальчика, но в сентябре у нас родилась опять девочка. Ее, по желанию моего мужа, мы назвали Ниной.

Ниночка была светленькая с остреньким носиком и писклявым голоском. Она не долго питалась грудным молоком. Ей оно почему-то не нравилось. Аничка сразу же полюбила «сестличку» и по сей день они остаются неразлучными подругами.

Тогда же мне приходилось ездить к врачам уже с двумя детьми: с одной на руках, с другой — у юбки. Руки были заняты и заходить в автобусы было нелегко. Попутно я пыталась прикупить в городе немного продуктов.

Мы отдали нашим девочкам единственную спальню, а для себя «вырыли» глубже под домом за кухонной дверью небольшую комнатку с низким потолком и окошком на уровне земли.

Миссия «Вефиль» была недалеко от нашего дома и я часто ходила туда пешком с колясочкой, чтобы помочь либо с упаковкой вещей для рассылки, либо с вкладыванием в конверты журнала «Свидетель Вефиля». Контора Миссии была при доме Розенбергов. У бабушки всегда было для нас угощение. Она кормила обедом весь штат конторы Миссии, а если появлялась и я со своим «выводком», за стол сажали и нас. На праздники мы тоже все собирались в этом уютном, большом подлинно миссионерском доме.

У дедушки Леона были фото- и киноаппараты и он любил делать снимки. Посвятив Господу новорожденных, он потом еще долго фотографировал их в разных видах, по возрасту, в доме и во дворе. У нас очень много его фильмов и снимков. Прокручивая иногда старые фильмы, мы видим своих детей, когда они начинали ходить или на праздниках в доме дедушки и бабушки.

Когда Ане было два года, а Нине один, мы решили на своей старой разобранной и собранной Стахом машине двинуться в дальний путь, в Сан-Франциско. Автостреды (по-английски Freeways) еще не пересекали Лос-Анджелес и не соединяли крупные города, как они делают это сейчас. Первая такая дорога была построена уже при нас в середине пятидесятих годов. Она перерезала нам путь к Розенбергам и нам пришлось добираться к ним под нею.

В Сан-Франциско по-прежнему вела узкая двусторонняя дорога (Highway) и мы 10 часов добирались туда. (Сегодня можно за пять!)

Мы оставили наших девочек у моей сестры Лиды в Ресиде, в пригороде Лос-Анджелеса, и двинулись в 350-мильный путь! Когда мы наконец прибыли, мы поставили свою машину на какой-то крутой горе этого гористого города, не записав названия улицы, и пошли осматривать город. Я «шкандыбала» на высоких каблуках вверх и вниз по горам и, как многострадальный Иов, не очень лестно вспоминала свой день рождения. Каким-то чудесным образом мы отыскали свой автомобиль и с тех пор не отходили от машины, не запомнив, где мы ее поставили.

Гражданство

Через пять лет после нашего прибытия в Америку пришло время получать гражданство приютившей нас страны. Мы ревностно готовились к экзамену. Изучали историю Америки, структуру управления и запоминали имена выдающихся президентов, сенаторов и конгрессменов, представляющих нас в правительстве страны. Зубрили также английский язык, чтобы быть в состоянии написать хотя бы одну фразу. Это требовалось от всех «зеленых» американцев.

Ко времени сдачи экзамена я была опять на сносях с нашим пятым ребенком. Экзаменатор посмотрел на мою фигуру и решил не слишком утруждать меня своими вопросами. Я ответила на все правильно и даже написала свое имя и адрес. После меня потел Стах и тоже сдал экзамен. Главное было — не отказаться «защищать страну с оружием в руках» в случае нападения на нее. Некоторые эмигранты отказывались, тогда дело затягивалось, а мы знали, что нам никогда не придется брать оружие, и спокойно согласились на защиту страны. Даже бабушка Фаня, которая приехала в Америку в возрасте 73 лет, не отказалась защищать свою новую страну «с оружием в руках». Все понимали, что это формальность, особенно в отношении женщин.

Через несколько недель была присяга для всех новых американцев перед верховным судьей Калифорнии. Позже Голливуд устроил нам праздник в горах, в концертном амфитеатре, так называемом «Hollywood Bowl» (Голливудская Миска), под открытым небом со скамьями на несколько тысяч человек.

Перед нами выступали все звезды тогдашнего Голливуда, включая Мэрилин Монро в ярко-розовом, обтягивающем фигуру, платье с ослепительно белыми волосами. Были там и знаменитые комики, певцы и танцоры. Мы мало что понимали, особенно в юморе, но громко смеялись и приветствовали аплодисментами пожертвовавших своим драгоценным временем всемирно известных звезд.

Все казалось нам в Америке большим и ярким, а главное, щедрым. Кто были мы? Кто были другие беженцы из разных стран, едва объясняющиеся по-английски? Но Америка не только приняла нас с распростертыми объятиями, но и устроила специальный праздник, день под названием «Я — американец!», и совершенно бесплатно развлекала нас тем, что считалось у нее самым лучшим, а для нас — никогда забываемым.

Рождение Жени

Через год после рождения Вальтера у Иры, у нас тоже родился мальчик Женик (по моей маме). Ирин Вальтерчик называл его «Шеник», так как у них в доме родным был немецкий язык, а буква «ж» плохо дается немцам.

Женик родился на следующий день после американского праздника Дня Благодарения, когда все жители страны собираются семьями и с аппетитом едят индюшку и тыквенный пирог. Уже с утра я чувствовала, что мое время близко, и лежала до вечера на диване в гостиной. Помню, как пришла ко мне Надя Кузичева, жена нашего нового пастора, и спросила, до каких пор я буду лежать и не ехать в больницу. Я, охая, ответила: «До приезда с работы Стаха». Он вскоре приехал, и мы помчались в пресвитерианскую больницу в Голливуде.

Через час после моего прибытия туда мне положили на грудь нашего долгожданного сынишку! На другой день в Лос-Анджелесе был ужасный смог. Я беспокоилась о легких моего новорожденного сыночка, которому сразу после рождения пришлось дышать таким зараженным воздухом. У него действительно позже появились симптомы астмы, и я не раз ездила с ним в больницу по ночам, потому что эти приступы бывали у него почти всегда ночью. А в общем он был здоровенький, и кормила я его грудью долго, как и Аничку. Мне так хотелось увидеть их всех взрослыми!

Женик был похож на своего папу — голубоглазый блондин с ямочками на щеках. Он был нашим пятым ребенком и долгожданным сыном, так что радости в нашем доме не

было конца. Девочки тоже полюбили его, и все вместе дружно играли в нашем большом дворе.

Дедушка Леон посвятил нашего сыночка Господу в своем доме, где, как я уже сказала, была и его Миссия «Вефиль». Он молился над всеми новорожденными правнуками и перед своей «мнимой» кончиной в 1965-м в связи с серьезной болезнью (он умер в 1967-м) всех нас благословил патриархальным Аароновым, а также и личным благословением.

Наши дети росли при моих родителях и нашей церкви, где детей учили моя мама, я и сестра Любовь Емельяновна Калугина, жена известного проповедника, ведущего радиопередачу «Несем Христа народам». Все они были знакомы со Словом Божьим с самого раннего детства. На каждом богослужении дети должны были петь хором и говорить свои «стишки» из Библии. В 8 лет Аничка знала всю 53-ю главу пророка Исайи наизусть и уже довольно прилично играла на пианино. Учились наши дети вместе с детьми нашего пастора в одной народной школе, и так как Кузичевы были нашими близкими соседями, детей в школу водила либо сестра Надя, либо брат Шура. В конечном счете, у них было 9 детей, а у нас четверо, помимо тех, которых мы потеряли еще в Германии, то есть в общей сложности шестеро.

К сожалению, в нашей славянской церкви мало внимания уделялось молодежи, а американские церкви просто считались «миром».

Уйти в американскую церковь значило «уйти в мир», и мы боялись этого шага до тех пор, пока не убедились в неправомерности такого огульного определения. Забыть родной язык было так же преступлением, и наши дети дома говорили только по-русски, пока не пошли в школу. Женику было особенно трудно осваивать новый язык. Ему понадобился специальный класс по правильному произношению некоторых букв. Сегодня он почти не говорит по-русски, хотя многое понимает и всегда правильно отвечает.

Вследствие нашей нерешительности уйти вовремя в американскую церковь, наши дети пострадали и от отсутствия работы с молодежью при нашей славянской церкви.

К тому же начавшееся в 60-х годах движение «хиппи» тоже оказало свое тлетворное влияние, и серьезное обращение детей отодвинулось на более поздние годы в их жизни.

Рождение Ирины

Когда мне исполнилось 30 лет, я вдруг почувствовала, что мое время деторождения еще не закончилось. Женику было три года. К тому времени тетя Оля и дядя Викентий тоже уже были в Америке и жили неподалеку от всех нас. Дядя Викентий любил видеть меня «такой» и часто посещал нас. Помню, я стояла за гладильной доской, а он развлекал меня своими воспоминаниями об Африке и монте-карловской рулетке, переходя легко и на духовные темы. (Он был православным.) Я ложилась спать поздно, стараясь держать наше небольшое жилище чистым, одежду и обувь детей готовой к школе утром. Старшие девочки уже ходили в школу.

Схватки были регулярно каждые 15, потом 10 минут. Дядя Викентий начал торопить меня и Стаха. Я позвонила моей, на этот раз частной, женщине-врачу, но ее не оказалось дома, и Стах повез меня в больницу «Добрый Самарянин» недалеко от центра Лос-Анджелеса, в надежде, что кто-нибудь все же сможет принять роды.

Под утро 30 марта 1957 года у нас родилась еще одна девочка — наш последний ребенок. Мы назвали ее Ириной в честь любимой тети, моей сестры Иры.

Ирочка была милейшим ребенком с большими карими глазами, но быстро отказалась от груди и вообще в пище была очень переборчивой. Когда пришло время начать говорить, она наотрез отказалась говорить по-русски, хотя все понимала. Старшие девочки к тому времени уже свободно объяснялись по-английски, да и я освоила этот новый для нас язык, так что нам пришлось практиковаться на Ирочке. Она не могла произнести слово «Ирочка» и говорила «Ика». Это прозвище осталось у нее по сей день.

Еще об освоении языка

Учить английский для нашей семьи было нелегко. Дома мы говорили по-русски, а со Стахом я часто переходила

еще и на украинский. Церковь была русской. У Розенбергов можно было говорить по-немецки, так как это был их домашний язык. Тетя Мура говорила на нескольких языках, как и все Розенберги, и принялась сразу же учить меня английскому, но мне, как я уже сказала, значительно помогло радио и чтение книг. Сначала звуки сливались — я не могла различить в этой какофонии отдельные слова, но постепенно начали вырисовываться знакомые слова из прочитанных в автобусах книг и членораздельная речь начала вливаться в мое сознание.

Читать я могла легко, потому что алфавит у немецкого и английского языков латинский, но говорить было гораздо труднее из-за совершенно другого произношения слов и отдельных букв. К тому же в английском есть еще «спеллинг» — произношение слов по буквам (по-немецки Buchstabieren). Я использовала метод школы, в которой учились мои дети. Их учили запоминать слова «зрительно». Сегодня бы мы сказали «визуально». Учить язык по слуху опасно, так как малейшее изменение в интонации придает слову совершенно другой смысл. Нужно знать, как пишется то или иное слово. Читать, писать и произносить нужно было правильно. Мы также полюбили городскую библиотеку, откуда брали книги на русском и английском языках. Дома Стах и я часто читали вслух на двух языках.

Привыкание к новой культуре

Привыкнуть к новой культуре тоже было нелегко. В нас еще сидела старая русско-украинская культура. К ней за 6 лет жизни в Германии прибавилась немецкая, а тут вдруг совсем что-то новое. Молодая многонациональная страна иммигрантов, в которую каждый приезжал со своей культурой в придачу к той, которую создали отцы-основатели, пилигримы, пуритане, ковбои и индейцы.

Мы ходили на бульвар Голливуд на торжества в День Благодарения, на Пасху и на Рождество. В этих торжествах опять принимали участие кинозвезды (мы жили в столице мировой киноиндустрии!), поэтому даже религиозные праздники носили характер языческих карнавалов с их пе-

стротой и «кичем», «Санта-Клаусом» (дедом Морозом) и пасхальными зайцами. Я до сих пор не знаю, почему именно заяц стал символом праздника Пасхи. Это наверняка тоже что-то языческое.

На Рождество весь город украшался разноцветными лампочками, и мы ездили смотреть на уникально украшенные дома и витрины магазинов.

Пятидесятые годы были лучшим временем для нас и наших детей, но все изменилось в шестидесятые. Наши старшие дети были впечатлительными подростками, а тут вдруг появились хиппи, и знакомый бульвар превратился в какой-то дикий маскарад. Появилась новая музыка — Элвис Пресли и «Биттлз». Мы начали отчаянно бороться за души наших детей.

Борьба была особенно трудной, потому что с раннего детства мы приобщили их к церкви и Библии. Я сама приносила им книги и маленькие детские пластинки с невинными детскими песенками, читала им перед сном и молилась с каждым отдельно. Я помогала им зубрить стишки из Библии и упражняться на пианино, а тут вдруг хиппи! Да что это вообще такое? Что это за тлетворное влияние, которое навалилось лавиной на нашу молодежь?

С появлением телевизора было выпущено много прекрасных, морально чистых программ для детей. Был Уолт Дисней с его сказочным Диснейлендом. Но к середине 60-х все начало меняться. Американская культура стала превращаться в бескультурие, какую-то субкультуру с наркотиками, рок-н-роллом, свободной любовью и неподчинением властям...

НА БУЛЬВАРЕ

Рассказ (60-е годы, период «хиппи»)

В течение последних шести-восьми лет я не бывала на Голливудском бульваре.

Раньше, когда дети были маленькими и мы жили недалеко от Голливуда, мы иногда ездили на бульвар в праздники посмотреть витрины, но после нашего

переезда началась моя ночная работа, и свободное время иссякло, как выплеснутая на песок вода.

Недавно я снова случайно попала на знаменитый бульвар и совсем не узнала его.

Тротуары запружены представителями нового потерянного поколения хиппи. Принятой за «норму» одежды почти не видно. Люди одеты в какие-то маскарадные костюмы: индусские, индейские, африканские... Стиля нет. Каждый выглядит, как хочет. Большинство молодых людей босиком. Так и шлепают по плевкам и окуркам. В витринах магазинов видна та же странная одежда и обувь: сандалии, мокасины, кожаные рубахи, ожерелья из звериных зубов... У всех длинные и грязные волосы, сзади не отличишь парней от девушек, а иногда, если нет бороды, то и по лицу не узнаешь.

Меня сначала охватывает чувство ужаса, потом страдания и бессилия. Куда направляется это, лишенное будущего, поколение? Что породило его?

Я подумала, что нельзя, как страус, спрятать голову в песок и надеяться, что они сами собой как-то исчезнут. Можно, конечно, замкнувшись в кругу себе подобных «правильных и хороших» людей, отвернуться от этих «нечестивых» и казнить их своим презрением, но это не выход. Когда я смотрю в их лица, я вижу, что они несчастные, потерянные, озлобленные, но живые души, за которых, как и за меня, умер Христос, и мне хочется заговорить хотя бы с одним из них, хотя бы одному сказать что-нибудь полезное, хорошее.

Мне навстречу идет девушка. Она перешла улицу наискосок, не у светофора. У нескольких автомобилей неистово завизжали тормоза. Она даже не оглянулась. Ее белые крашенные волосы торчат дыбом. Зрачки расширены, глаза мутные и глядят куда-то сквозь всех и все, не останавливаясь ни на чем...

«Бедная, чего ты наглоталась или накурилась», — мысленно спросила я и тут услышала чей-то негромкий монотонный взглас: «У вас есть шесть центов?»

Дайте мне шесть центов». Просит совсем молодой человек, почти мальчишка, и совсем не похожий на нищего.

Почему он просит эту странную сумму? Не пять и не десять, которые можно получить одной монетой, а именно шесть. Мне почему-то сразу по ассоциации приходит в голову троекратная дьявольская шестерка времен антихриста. Неполное, хотя и четное, странное число шесть.

Мальчишка сидит на краю автобусной скамейки и продолжает беспокоить прохожих. Рядом с ним сидит лохматый хиппи в очках с желтыми стеклами. Меня удивляет разнообразие цветных стекол. Нет обычных темных или чистых стекол, а все больше розовые, синие, зеленые, фиолетовые, желтые...

Я сажусь на свободный край скамейки невдалеке от хиппи с желтыми очками. Он что-то обронил, после чего не благоговейно и нежно, а тоном ругательства произнес имя Иисуса. Решив, что это хорошая зацепка для разговора, я спросила его:

— Вы знаете, кто такой Иисус?

— А кто же не знает. Все знают, что Он хороший человек, великий учитель, — ответил он.

— Что вы понимаете под определением «хороший»? — спросила я.

— Ну, добрый, отзывчивый, правдивый, искренний, верный слову, не двоедушный.

Судя по тому, как сверкали под желтыми стеклами его глаза, я поняла, что он очень доволен своим ответом.

— А как вы думаете, — спросила я, — был ли Он Богом, или Богочеловеком, Сыном Божиим, Спасителем мира?

— Ну нет, в это я не верю. Он, безусловно, был хорошим человеком.

— Значит, Он был правдивым человеком, — повторила я его слова — а не лжецом. А то, что Он Сын Бога Живого, это Он сказал о себе сам. Он также

сказал, что Он Спаситель мира, Дверь в вечную жизнь, Путь, и Истина, и Жизнь.

Неужели этот хороший человек лгал? Если же Он лгал, то Он не был хорошим человеком, но если Он не лгал, то...

Человек в желтых очках вдруг перебил меня, он понял, что я хотела сказать ему.

— Вы поймали меня моими же словами, — сказал он. — Я подумаю об этом, но, как вы думаете, Библия действительно Слово Бога к человеку?

— Только читая ее искренне, с желанием найти истину, вы узнаете, что она действительно Слово Божие. Дух Божий, написавший ее руками людей, скажет духу вашему, что Библия — это живое слово Живого Бога, и у вас не будет никаких сомнений.

Он ничего не ответил, только посмотрел на меня удивленно сквозь вспотевшие стекла желтых очков. Я встала и, не оборачиваясь, пошла. Я долго чувствовала на себе этот взгляд, и в ушах долго еще звучала странная просьба «нищего»: «У вас есть шесть центов? Дайте мне шесть центов, шесть центов...»

Любовь к Библии

Я все больше углублялась в изучение Библии. Никогда не пропускала библейских разборов в церкви. У мамы всегда были пожилые знакомые женщины, которые почему-то постепенно становились и моими «подругами». Я вообще любила старших людей, любила прислушиваться к их мнению, но тут ко мне стали ходить поочередно две женщины. Одна была из церкви восстановления Витнесса Ли, а другая прошла православие и адвентизм и тянула меня в аскетизм, т. е. полный отказ от себя и даже мужа...

Все это заставило меня еще лучше вникнуть в учение Христа и научиться отличать истинное от ложного. Я неосознанно готовилась к будущему служению, ведь, уверовав, я просила Господа использовать меня так, как Ему будет угодно. Но тут пошли дети, и Он в присущей Ему щедрости, взяв у меня двоих, дал четверых и теперь требовал от

меня временного посвящения материнству и вообще роли жены, хозяйки и матери. Я покорилась, но меня тянуло к познанию Его Слова, и я брала все, что могла, через изучение Библии с Рогозиным и Галустьяном, а также благодаря чтению и прослушиванию проповедей по христианскому радио. Мне этого казалось мало, и Господь восполнил и этот пробел. Через несколько лет я смогла посещать на протяжении пяти лет женские библейские курсы, где задавались домашние задания, где углубленно изучалась суть Божьего учения, но это было позже, а пока...

Родион Березов

Другой замечательной и влиятельной личностью в моей молодой жизни был писатель и поэт Родион Михайлович Березов. Его отыскал где-то в православном мире мой первый пастор Павел Иосифович Рогозин. Он не пропускал ни одной возможности засвидетельствовать о Христе «мертвым духовно», по его мнению, членам православной церкви. Он раздавал трактаты прямо под носом у священников у ворот их общин во время великих праздников, на которые, как правило, приходило много народа. Его прогоняли, осуждали, но он не унимался. В результате в «евангельские сети» этого ревностного ловца «человеков» попала «крупная рыба» в лице маститого писателя, артиста и поэта Родиона Михайловича Березова.

П. И. Рогозин, познакомившись с писателем, представил его армянскому пастору-евангелисту Иоанну Марку Галустьяну. Вместе они принялись за спасение души этого писателя. Будучи в душе по традиции религиозным, Родион Михайлович чутко внимал убедительным свидетельствам этих двух братьев. Он сам довольно подробно описывает свое обращение в книге «Что было», так что я буду рассказывать только о том, что касается непосредственно меня и моих родителей.

Р. М. Березов участвовал в это время в любительском театре православной русской колонии Лос-Анджелеса. Он был артистом-комиком, но перед самым своим обращением ко Христу готовился к роли Луки в пьесе М. Горького «На дне».

Когда братья Рогозин и Галустьян убедили его принять Христа, как своего личного Спасителя, и он сделал это, все начало не клеиться в его участии в пьесе. В ближайшее воскресенье он пришел к нам на утреннее богослужение очевидно уже подготовленный братьями к своему публичному покаянию. Когда был дан призыв принять Христа, Родион Михайлович, которого я видела тогда впервые, довольно быстро вышел вперед, склонил колени и начал исповедоваться и молиться. Как всегда в таких случаях весь зал был в слезах от радости, что еще один грешник покаялся и принял Господа в свое сердце. Сам покаявшийся тоже был взволнован, и слезы текли по его щекам...

После собрания все приветствовали нового брата, обнимали его, пожимали ему руку. Не помню, как выразила я свое приветствие, но с этого дня началась наша многолетняя дружба, а позже и сотрудничество в газете «Наши Дни».

Родион Михайлович подвергся суровому гонению со стороны своих бывших друзей и единомышленников, но стойко перенес все с помощью новых друзей из «Славянского Очага Благовестия». Я была на его крещении, а потом он часто бывал у нас в доме, так как прочно подружился с моими родителями.

Для моих детей он был просто «дядя Родя». Он писал для них стихи, которые они могли бы читать в собрании. Помню первые строчки одного такого стихотворения, написанного для нашей Ани ко Дню Матери:

*Я и Нина, папа с мамой — вот и вся семья.
Нина любит папу, маму так же, как и я...*

Вероятно, у нас тогда были только эти две девочки, но с каждым новым ребенком появлялись и новые стихи дяди Роди. Он стал близким нашей семье и бывал с нами и у Розенбергов, где читал свои деревенские рассказы с таким высоким умением и юмором, что не только мы все, но даже бабушка Фаня хохотала до слез. Отдыхая у нас во дворе между собраниями, он писал новые стихи и уже на вечернем собрании читал их всем. Я никогда не встречала такой

плодотворности. Я тогда тоже писала стихи, но не с такой быстротой и не такого качества, так что никогда не спешила читать их в собрании.

Когда Родион Михайлович уезжал куда-нибудь, он писал нам письма и открытки с дороги и с мест его посещений. У меня до сих пор хранится пачка его писем и открыток, посланных моим родителям и мне. Он жил то в Лос-Анджелесе, то в Санта-Барбаре, то в Сан-Франциско, то в Брайте, то в Майами, то в Ашфорде, и мы почти везде посещали его. Он был очень гостеприимным и любил угощать гостей своей стряпней: пирожками и плюшками. Выросши в огромной семье, он любил детей, они никогда ему не мешали, хотя он жил один и можно было бы подумать, что одинокий старик (ему было тогда лет 60) будет возмущаться нашествием «вандалов» в его скромное жилище.

До появления на моем горизонте Родиона Михайловича Березова на мою поэзию обращали внимание в основном мои родители и брат Rogozin. Я никогда не думала, что «маститый» писатель и поэт, член Союза Писателей СССР обратит внимание на жалкие начинания молодой, неопытной «виршеплетки», но он не только обратил внимание, а стал моим серьезным наставником и учителем. С полной, но доброжелательной и добродушной откровенностью, он указал мне на все мои слабости и недостатки. В какой-то день он вручил мне учебник по теории поэзии и сказал, что до тех пор пока я не усвою всех правил и не научусь не нарушать их, мне лучше остановиться и не пытаться двигаться дальше по пути поэзии.

Я не обиделась. Его советы и учебник были полезными мне, а его указаниями я делюсь по сей день со всеми начинающими, доморощенными поэтами, которые не видят своих ляпсусов, нарушений рифмы и ритма, веря, что Сам Бог дал им их стихи. «Разве может Бог дать что-нибудь несовершенное?» Важен, мол, смысл, а не какие-то там ритмы, размеры и точные рифмы. Так рассуждали и поныне рассуждают «аматёры» стиха. И так, к сожалению, поступают и даже теперь с моими уже зрелыми и признанными стихами не пишущие сами стихов горе-корректоры.

Натаскав меня достаточно в деле стихосложения, Родион Михайлович начал брать меня на свои вечера, нисколько не волнуясь, что я смогу заслонить его своей свежей поэзией, молодостью и недурной внешностью. Он даже говорил мне, как одеваться, хотя я и сама понимала, что яркая или роскошная одежда только отвлекает от главного, что ВСЕМ выступающим следует одеваться как можно скромнее, привлекая внимание не к собственной персоне, а к ПЕРСОНЕ, Которую мы представляем и проповедуем в своем творчестве. Мы не эстрадные артисты, а ученики и благовестники Христа.

Дух соперничества был чужд Водневскому, Березову и мне. Мы были все разные и просто дополняли друг друга. Со временем мы сравнивались в очах читателей и слушателей, став равно признанными ими за свой вклад в мировую христианскую поэзию, и даже я попала в число «маститых»...

Выпуская свои новые труды, эти братья начали просить меня писать рецензии, предисловия и рекомендации к их книгам. Моя мама тоже писала вступления и рецензии к произведениям этих двух авторов. Оба уважали и любили ее и моего отца, о чем свидетельствует их обширная переписка с ними.

Когда Родион Михайлович чувствовал себя обиженным или огорченным, он со всей откровенностью устно или письменно «плакал на плече» моих родителей. Обо мне и моем муже он писал им всегда только самое лестное.

Дядя Родя любил также петь и даже сделал магнитофонные записи, где он поет с сестрой Кем и братом Шевчуком. Его пение было простое и, я бы сказала, деревенское, как в известной американской поговорке: «Можно убрать парня из деревни, но нельзя убрать деревню из парня». Во всем, что делал, писал или читал Родион Михайлович, проглядывало его крестьянское происхождение. Никто не читал его рассказов так, как он сам. Его региональный говорок был неподражаем.

Наша дружба и переписка не прекращались до самого конца жизни Родиона Михайловича. Он был значительно старше меня и ушел раньше, но мы встретимся с ним у ног Христа. Жаль, что о нем написали не те, кто знали его годами и очень близко, а те из «третьей волны», кто застал его лишь на предсмертном одре дряхлым, слепым и глухим.

Ф. Березов

У нас во дворе, 1955 г.

С мамой в Санта-Барбаре, 1965 г.

*П. Рогозин крестит
Р. Березова*

*Читает стихи
в «Очаге».
У окна Стах и я*

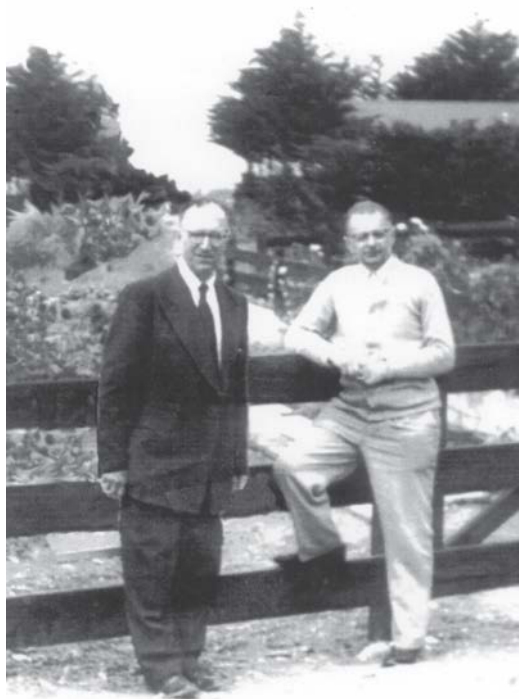
*На ступеньках «Очага».
На заднем плане — я с
Березовым*

*1966 г. Березову 70 лет,
мне 40*

На ступеньках нашего дома

С моим отцом

Дорогой Вере Сергеевне Кушнер
в день рождения - 24 сентября 1954.

У хорошей матери - редкостная дочь.
Вашу душу кистью не замесила кох.

Ночь неволи, горестей, голода, войны.
Господом богатые Вам дары дары.

Страшное микувшее скрылось далеко
В Вашем милом обществе дышитсл легко.

От всего опасного Вас Господь охранит.
Пусть, чего желаете, он Вам подарит.

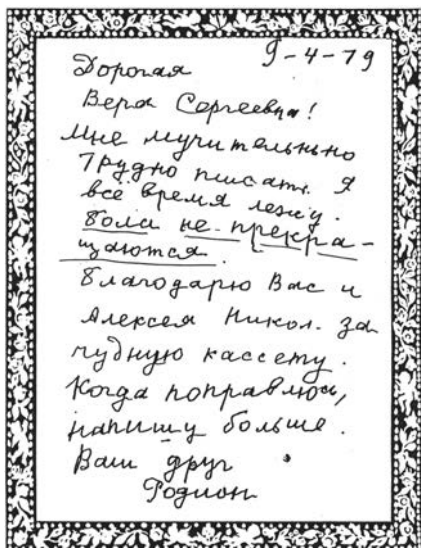
В день рождения славного повелено я:
Пусть цветет для Господа дружная семья.

Р. Березов

24 - IX - 54

О БОЛИ

«Муж скорбей и изведавший болезни...» Ис. 53:3
«Болезни уже не будет...» Откр. 21:4
«Боли не прекращаются...» Р. Березов

Не знали мы, что ли, о боли?
Нас болью кормили, питали.
Мы боль вместе с жизнью впитали.
Мы носим от боли мозоли!

На сердце, на теле, на духе
Остались, как борозды в поле,
Следы и нарезы от боли —
На вкусе, на зренья, на слухе...

Мы с болью бывали, как дома, —
Привыкли, сдружились, слюбились.
Как с мачехой грозной, ужились.
Оскома от боли знакома!

У всех у нас разные роли,
Порою и разные цели.
Порой мы от боли в постели —
«И не прекращаются боли...»

Когда-то они прекращались.
Бывали просветы безболья,
Покоя, блаженства, раздолья...
Мы, более не помня, смеялись.

А нынче они одолели!
Но есть и над ними победа:
Христос их до смерти изведаль,
Чтоб в вечности мы не болели.

Сдадимся пред болями, что ли?
О, нет, никогда не сдадимся!
Мы в вечное царство стремимся,
Где нет и помина о боли!

Последнее письмо от Р. Березова и написанное мною тогда же стихотворение

ДВА ВАЖНЫХ СОБЫТИЯ

Обращение Стаха

Параллельно с воспитанием наших детей и приобщением их к церкви, природе и культуре мы старались не терять из виду и свое духовное развитие. В 1959 году в нашей жизни произошли два важных события, радикально изменивших всю нашу будущую жизнь.

Первым событием было обращение ко Христу и рождение свыше моего мужа. Он наконец понял, чего ему не хватало в его духовной жизни. Дедушка Леон Розенберг с любовью и доходчиво объяснил ему Божий план спасения, и Стах охотно принял Христа в доме Миссии «Вефиль». Я ожидала этого события десять долгих лет, на протяжении которых сама ходила в церковь, сама водила туда детей и учила их духовному уму-разуму.

Уверовав в доме деда, Стах тут же позвонил мне и сообщил восторженно о своем духовном перевороте. Он почти кричал в телефонную трубку: «Ждите меня! Я сейчас приду и все вам расскажу!» Я позвала родителей, позвонила пастору Александру Кузичеву, жившему в нескольких кварталах от нас. Все собрались в нашей малюсенькой подвальной квартирке и ждали Стаха.

Он не заставил нас долго ждать. Появившись, поставил нас всех на колени и начал молиться и благодарить Господа за свое спасение. В следующее воскресенье он без всяких понуканий сам вышел вперед и попросил, чтобы его крестили. Через несколько недель состоялось его крещение в местной американской баптистской церкви, где был «баптистерий», или по-нашему крестильный бассейн. Наша девятилетняя Аничка сыграла на рояле «Таков, как есмь», дедушка Леон произнес краткую проповедь на английском языке, а мама перевела на русский. Дедушка говорил и по-русски, но в зале было несколько американцев, и ради них он предпочел английский язык.

Мой Стасик вышел с мокрыми, гладко зачесанными волосами и сел возле дедушки Леона. Оба сияли от счастья, как и все мы, особенно, конечно, я.

Давид Бенсон

Второе важное и решающее для меня и моего служения Христу событие произошло в тот же год только в другой месяц.

К нам в собрание пришел молодой человек, американец, научившийся говорить по-русски в местном университете. Его звали Давид Бенсон. С ним была молоденькая девушка-армянка, чья семья была хорошо известна Иоанну Марку Галустьяну. Ее звали Рома. Оба были представлены собранию и, как это принято в славянских церквях, были приглашены поделиться тем, что лежит у них на сердце.

Девушка спела что-то на ломаном русском языке, а Давид прочитал с листа коротенькую проповедь тоже с сильным американским акцентом, но грамотно.

Закончив свою проповедь, Давид рассказал о своей работе в недавно основанной им Миссии «Россия для Христа». Целью Миссии было донести Благую Весть до русскоязычных людей за «железным занавесом» посредством радиовещания. Ему были нужны помощники, а мои родители и я были сделаны как раз из нужного материала: мы знали язык и Библию и имели хорошую дикцию. Мы вскочили так, будто бы под нами развели костер, и тут же предложили свои услуги.

Давид Бенсон стал нашим новым другом и постоянным гостем в доме моих родителей, да и в моем скромном подвальном жилище. Он пригласил нас в свою церковь «Голливудская Пресвитерианская», расположенную в одном квартале от знаменитого бульвара, показал комнатку, где можно было делать записи на его новых аппаратах «Ам-рех», и дал несколько указаний относительно четкого произношения и дикции из-за постоянного глушения христианского радио.

Он дал нам какой-то свой материал, но у нас было много своего и мы записывали то, что считали нужным. Мама читала свои рефераты, отец — Слово Божие, а я — материал для молодежи и студентов. Так началась моя многолетняя, если можно так выразиться, «карьера» радиовещателя. Божьи невидимые руки соединили нас с человеком, который

поверил в наши силы и способности, любил Господа и хотел послужить нашему народу «за морями и горами», изучив его язык. Я была глубоко тронута его посвященностью и жертвенностью и даже посвятила ему одно свое стихотворение.

Через Давида Бенсона я познакомилась со знаменитой Генриеттой Мирс — основательницей издательства учебной литературы для воскресных школ, «Gospel Light», с директором этого издательства Саем Нельсоном и его супругой, с основателем организации «Campus Crusade» Биллом Брайтом и многими другими известными в евангельских кругах гигантами веры и служения. Мои родители и я вошли в самые элитные и престижные круги американского благовестия.

Когда Давид начал организовывать директорат своей новой организации, он попросил и нас троих войти в него, и мы оказались за одним деловым столом со всеми вышеупомянутыми знаменитостями. Мы бывали у них на молитвенных и деловых собраниях, на уроках Генриетты в ее студенческом классе. Она вдохновила многих своих учеников на пожизненное служение Господу. В числе таких, поощренных ею на служение России, был и Давид Бенсон, поэтому она охотно вошла в его первый директорат.

Кстати, говоря о знакомстве со знаменитостями американского евангельского мира, в год нашего прибытия в Америку в Лос-Анджелесе проводилось первое походное собрание Библии Грэма. Оно проходило еще не на стадионе, а в большой палатке, и некоторые члены наших русских церквей участвовали в программе и пели в хоре. Рой Роджерс и Дейль Эванс тоже были там. Рой был со своими лошадью и собакой на площадке возле палатки, и присутствовавшие там дети могли смотреть и гладить его животных, а потом слышать пение этой ковбойской пары в программе собрания. Билли Грэм был молодым блондином с огнем евангелиста в жилах. Он произвел на меня потрясающее впечатление. Впоследствии я бывала на его собраниях уже на стадионе в Лос-Анджелесе и всегда следила за его выступлениями, транслирующимися по телевидению из других городов.

Мама и я. Рисунок из книги Давида Бенсона «Чудо в Москве», в которой он пишет о нашей с ним встрече и работе

AUGUST 25, 1973

DEAR VERA:

ON BEHALF OF ALL OF US INVOLVED IN RUSSIA FOR CHRIST AND THE COUNTLESS PEOPLE--YOUNG AND OLD-- BOTH BEHIND THE IRON CURTAIN AND OUTSIDE OF IT WHO HAVE, FOR OVER TWO YEARS NOW, BEEN LISTENING TO "AUNT TANYA," MAY I CONGRATULATE YOU ON THE COMPLETION OF THREE-YEAR'S-WORTH OF PROGRAMS?

WE WHO HAVE SEEN YOU AT WORK BEHIND YOUR DESK OR IN THE STUDIO, OFTEN LATE AT NIGHT AND VERY TIRED, WRITING AND RECORDING THE BROADCASTS, WILL NOT FORGET THE EXAMPLE OF DEVOTION TO YOUR TASK AND TO CHRIST THAT YOU HAVE BEEN FOR US ALL.

HOW MANY CHILDREN HAVE BEEN WON TO OUR SAVIOUR IN YOUR OWN NATIVE LAND ONLY GOD KNOWS. KNOWN ONLY TO HIM, ALSO, ARE THOSE WHO HAVE YET TO HEAR YOUR CLEAR MESSAGES OF HOPE AND ETERNAL LIFE.

IT IS NOT FOR ANY OF US TO THANK YOU IN THE ULTIMATE SENSE; FOR THAT CAN CHRIST DO ALONE. BUT WE CAN EXPRESS OUR ADMIRATION OF AND AFFECTION FOR SUCH A WILLING SERVANT SO ABUNDANTLY USED BY THE HOLY SPIRIT AND WISH YOU HIS STRENGTH FOR THE LABORS HE STILL HAS PLANNED FOR YOU.

*Твой брат во Христе,
Господе нашем —
Давид*

*Письмо Давида Бенсона мне, когда я закончила программу
«Тетья Таня»*

25 августа 1973 г.

Дорогая Вера,

от имени всех, кто причастен к работе «Россия для Христа», и бесчисленного множества людей — молодых и старых — как за «железным занавесом», так и по эту сторону его, кто в течение более двух лет слушал программу «Тетя Таня», позволь поздравить тебя с завершением трехлетней программы для детей.

Мы, которые видели тебя работающей за твоим столом или в студии, часто поздно ночью и очень усталой, пишущей и записывающей эти программы, никогда не забудем тот пример посвященности твоему делу и Христу, каким ты была для всех нас.

Только Бог знает, сколько детей пришло к Спасителю на твоей Родине. Только Он один знает также тех, кому еще предстоит услышать твои ясные беседы, полные надежды на вечную жизнь.

Не нам благодарить тебя в конечном счете, ибо только Христос может сделать это. Мы же хотим выразить наше восхищение и признательность такому доброхотному служителю, так обильно используемому Духом Святым, и пожелать тебе сил для выполнения трудов, которые Он для тебя запланировал.

Давид Бенсон

После окончания программы «Тетя Таня» (спрос на аудиокассеты с программой по сей день огромен), Господь помог мне создать трехгодичную еженедельную программу для женщин под названием «Христианка». Эти 156 бесед тоже по сей день можно прослушать на кассетах и услышать по радио во всех уголках света, где есть русские люди. Давид Бенсон был орудием в руках Божиих, давшим толчок моему многолетнему и многообразному служению моему народу через радиопередачи.

В. К.

После знакомства с Давидом Бенсоном я почувствовала, что Господь отвечает на мою раннюю молитву еще при моем обращении к Нему о желании не только отдать Ему свою жизнь, но быть Ему полезной в Его великом деле евангелизации мира. Он начал открывать передо мною двери, о которых я не могла бы раньше и мечтать и уж, конечно, никак не могла бы предвидеть. У меня была молодая семья, младшей девочке было всего два года, но тяга к служению была настолько сильной, что по ночам я составляла план беседы для студентов, писала стихи и делала первые попытки перевода с английского.

Мой муж никогда не препятствовал мне в моем уже явном призвании. Он был многосторонне одарен в других вопросах, мы хорошо дополняли друг друга. Он любил Господа и помогал мне в воспитании детей, но дары у нас были разные, что не мешало нам жить мирной, счастливой семейной жизнью.

БРАТУ ДАВИДУ

Почему Ты отчизну родную мою
Так таинственно вдруг полюбил?
И язык ее трудный и нравы и всю
Ты старательно так изучил.

Сердце юное, мысли и духа стремленье

Ты безропотно ей подарил

И свершаешь великое это служенье

Не щадя ни здоровья, ни сил.

Почему это все? — я себя вопрошаю,

Что заставило душу решить

Все оставить, забыть и далекому краю

Свою жизнь и любовь посвятить?

Разве можно заставить себя полюбить

Человека, предмет иль страну?

Только Бог мог прозревшему сердцу внушить

Жизнь отдать для того, что угодно Ему.

И Ты зов услышал, задрожала душа,

Как дрожала у Павла когда-то она.

И Ты понял тогда — наша жизнь хороша,
Если Богу навеки она отдана.

И с тех пор Ты несешь той стране,
Где жила я когда-то и юность свою провела,
Весть Спасенья, и слышат там люди, что вне
Иисуса Христа нет спасенья от зла.

Только стыдно бывает порой за себя,
Что сама я так мало даю для Того,
Кто пролил Свою Кровь за меня и тебя
И за весь грешный мир для Себя Самого.

В день Его Рождества лишь хочу пожелать,
Чтобы все мы стремились прославить Его
Нашей жизнью, и чтоб наша Родина-Мать
Русским сердцем могла бы поверить в Него.

Рождество 1959 г.

ВСТРЕЧА

Боже мой! Как меняется жизнь!
Были молоды мы —
Нам тогда было чуть-чуть за тридцать.
Нас на подвиг тянуло,
Хотелось Христу послужить,
С головою в Него погрузиться.
Бог зажег во мне искру
От куста, что в степи не сгорал,
Дав начало огню,
Запылавшему ярко и быстро.
Этот свет от огня засиял,
Словно факел, среди мрака и тьмы.
У меня полный дом детворы
И забот полон рот о семье и о доме,
О родителях, церкви, о муже, и кроме...
Кто же станет в пролом,
Если Божьим займусь я трудом?
Мой духовный состав еще не был развит —

Никакой подготовки — одно только рвенье!
Но орудием Божиим новый знакомый Давид
Стал тогда, и на труд вдохновеньем.
Стал опорой, поддержкой, звеном
Между мною и полем широким,
Между мной и страной далекой
За «Железной Завесой» глухой...
Он заботу о крае родном разделил,
Крае том, где укрылся невидимый мир,
Куда мог проникать лишь эфир
Сквозь помехи почти в каждый дом...
Нам Давид предоставил условия,
Дверь открыв для программ-передач,
И хоть злился безбожный палач,
Я годами вещала о Слове
Детям, женщинам, взрослым мужам,
Всем, кто слушать был сердцем готов
Весть Благоую про подвиг Христов
И жизнь новую в Нем...

Не забудем
Мы тех лет, той блаженной поры...
А теперь мы стары.
Мы друг друга давно не видали,
Но служенья свои продолжали,
Только в разных углах: он в одном — я в другом.
Разошлись пути. Нас другие дела увлекли.
А родных отозвал уж Господь в Свои дали
За наградой, в покой после верных трудов,
После лет, полных слез и печали.
Вдруг недавно, поди ж, повстречался
В торговом мне центре, иль в «моле»,
Старикашка седой, полулысый, ужасно худой.
Как-то косо он шел, да вернее не шел, а шатался,
Семенил, как одни старики семят... Он ли, что ли?
Неужели старик тот Давид? Но едва ль
Это он семенит, глядя пристально вдаль,
И куда-то поверх всех людей и меня...
Мне хотелось крикнуть: «Давид, это я!

Помнишь труд наш когда-то совместный?»
Но мне шок помешал неуместный,
Неуверенность в том, что старик тот —
Сотрудник давнишний Давид.
Я пошла вслед за ним. Поравнялась и жду.
Он вдруг бегло взглянул, «извините» сказал на ходу,
Не узнал... и в проход меж домов повернул,
Не теряя растерянный вид...
Я в машину ушла вся в слезах,
И там долго безмолвно сидела,
Вспоминая то Божие дело,
Что вручил мне когда-то тот брат.
Но взяла себя в руки,
Поспешно протерла глаза,
И навязчивой мысли о прошлом,
О встрече, разлуке
Вслух сказала: «Уйди! Отвяжись!»
Ведь назад невозможен возврат...
Боже мой! Почему так меняется жизнь?

Июль 2003 г.

Кожины

Я много говорила в своей повести о Копыловых, но в нашей жизни были тогда и другие семьи, с которыми мы дружили. Другой, близкой нам семьей, стали наши соседи Нонна и Иннокентий Кожины. Когда я встретила Нонну в школе, куда мы пришли, чтобы зарегистрировать в подготовительный класс ее Ольгу и моего Женика, Нонна не говорила ни слова по-английски. Они только что приехали в Америку через Японию из Китая и были еще абсолютно «зелеными». Я же уже довольно прилично объяснялась по-английски и помогла ей зарегистрировать ее девочку в канцелярии школы.

Кожины оказались нашими соседями. Их дом выходил на другую улицу, но задние дворы соприкасались одним углом за нашим гаражом. Через сделанную нами там лазейку

они свободно проходили к нам во двор. Их две девочки, Вика и Оля, соответствовали по возрасту двум нашим детям, и мы подружились с этой семьей на всю жизнь. Даже живя последние тридцать с лишним лет в разных городах, мы не теряем связи. Прошлым летом (2000 год) они гостили у нас, а потом мы поехали к ним на крестины их внука, второго сына их Гриши. Нам казалось, что еще совсем недавно мы были свидетелями Гришиного рождения и его крестин в их церкви в одном квартале от нашего дома в Лос-Анджелесе.

Когда дети были маленькими, мы часто ездили в местные парки с Нонной и ее детьми. Мы вместе отмечали дни рождения и другие праздники, или просто отдыхали у нас во дворе. Я пекла торты и пирожные, как заправский кондитер, и угощала своими шедеврами всех, кто приходил к нам в гости и, конечно, Кожиных, которые бывали у нас чаще других.

Мы ходили в разные церкви, так как Кожины были православные, а мы баптисты, но это не мешало нам бывать у них в церкви на крещении их сыночка Гриши, а позже на свадьбах их дочерей. Священник, отец Димитрий, уважал меня за то, что я посещала его стареньких прихожан в доме престарелых и читала им там Евангелие, предоставляя Слово Божьему самому влиять на их сердца. Никто в его церкви не желал этого делать.

На великий пост в их церковь приезжал для духовных бесед Архиепископ Сан-Францисский, Иоанн Шаховской, автор многих замечательных книг. Я ходила на его беседы. Вокруг меня дремали с открытыми ртами старики и старушки, а я ловила каждое слово в его беседах и поэмах. Нашему начавшемуся в церкви знакомству с архиепископом Иоанном Шаховским сулилось продолжаться многие годы, но об этом я расскажу позже, когда речь пойдет уже не о наших друзьях, а о моем дальнейшем служении.

Наши две семьи уважали и любили друг друга и помогали иногда в беде. Когда у Нонны однажды ночью были боли, Иннокентий позвал меня и я помогла им связаться по телефону с больницей и врачом. Когда у них возникли

Кожины

Нонна у нас в гостях

Наши дети с детьми Кожиных у нас

Последнее фото с Валей Копыловой

Копыловы

какие-то семейные неполадки, он приходил к нам и делился с нами с полным доверием к нам и уверенностью, что мы поддержим его, никому не расскажем и даже как-нибудь поможем, хотя бы просто утешим словом. Когда они покупали свой первый дом и им нужны были деньги на задаток, наша мама помогла им, одолжив под «честное слово». Они по сей день с благодарностью вспоминают ее доброту и доверие.

Кожины младше нас. Они всегда уважали наш жизненный опыт, ценили мои книги и продолжают поддерживать с нами связь по сей день.

Гарины

Эта семья состояла из трех человек: отца Евгения, матери Раисы и дочери Ирины. Она вошла в нашу жизнь в 1959 году. Они приехали из Аргентины, где провели несколько лет, не имея спонсора в Америке в конце периода Д. П. в послевоенной Европе.

Гарины приехали в нашу церковь в Голливуде, быстро подружались с моими родителями и нами, и хотя жили в Лос-Анджелесе недолго, поддерживали с нами связь из далекого Брайта и бывали у нас в гостях во время съездов, если они проводились в Лос-Анджелесе.

Однажды мы посетили их в Брайте, который был тогда деревней без тротуаров, заселенной эмигрантами из Китая. Гарины жили в старом деревянном домике на втором этаже, куда вела узенькая, шаткая лестница. На балкончике вверху перед входом в квартирку стоял мольберт с холстом. Отец этого семейства был прекрасным художником, но работал уборщиком в большом универмаге в Сакраменто. Вначале в Америке почти все эмигранты работали где угодно, чтобы не умереть с голоду, и Гарин работал не кисточкой, а с метлой в руках, пока его не признали, как талантливого художника.

А случилось это так. Его начальник узнал, что Евгений рисует, и спросил, не смог бы он написать два портрета с малюсенькой фотографии его жены и его самого. Евгений блестяще исполнил заказ. Когда его босс пришел за

портретами, он увидел на мольберте холст с прекрасно исполненным маслом морским пейзажем. Он предложил Евгению написать 17 картин и выставить их на мебельном этаже его магазина. Мы видели эту выставку, но, будучи маловеерами, не предвидели широкой известности открытого местными торговцами живописи художника-мариниста.

Картины были тут же раскуплены местными галереями и проданы по 50 долларов за холст. Гарину предложили работу по контракту за твердую цену. Торговцы наживались на нем втрое и более, но он был доволен и тем, что ему платили. В престижных местах Калифорнии открылись галереи, которые предлагали его картины с изображением моря. Художник должен был присутствовать на своих выставках и часто приглашал нас. Цена на его картины начала расти, и сегодня, когда Гарина уже нет в живых, они стоят тысячи долларов.

Однако не живопись была главной целью жизни этого незаурядного художника. Он был верующим, довольно хорошо проповедовал и стремился к какому-нибудь духовному служению. Ему удалось добиться в этой сфере кое-какой известности, и когда Славянское Евангельское Общество в Чикаго получило заказ на перевод и дублирование 10 научных, с духовным уклоном, фильмов научного института имени Муди, меня попросили их перевести и помочь Гарину при дублировании. Его попросили согласиться озвучивать эти фильмы. Я сделала перевод и провела две недели при научном институте имени Муди в Виттиере около Лос-Анджелеса, помогая дублировать фильмы к открытию Мюнхенской Олимпиады в 1970 году. Славянское Евангельское Общество, основанное братом Дейнекой-старшим, представляли координаторы этого проекта супруги Семенчуки, Андрей и Полина. Мы работали дружно, дополняя во всем друг друга.

Ко времени новой еврейской эмиграции пару лет спустя мы помогли выпустить еще пять фильмов для показа в Риме. В общем мы приготовили пятнадцать таких научных фильмов с евангельским уклоном. Позже я еще могла выпустить на русском языке десять фильмов для

*Работа над фильмами Научного института Муди. Я, Гарин, за нами
координатор Андрей Семенчук*

Гарины

Женя и Рая

Женя, Рая и я

Женя со Стахом

*У нас в Санта-Барбаре.
Справа — мой отец*

детей, но голос уже был другого брата, с которым я работала тогда в радиостудии «Reach International».

Когда брат Гарин, по стечению обстоятельств, несколько лет был редактором газеты «Наши Дни», я помогала ему своими переводами, статьями и стихами. Когда их дочери Ирине было 18 лет, у Гариных родилась еще одна дочь, Стелла, но с нею мы были мало знакомы. Ей было лет десять, когда умерла жена Евгения Гарина, Раиса. Он женился второй раз, но с новой супругой у нас не сложились близкие отношения. До самой смерти Раисы и Евгения мы держали с ними близкую связь и хранили прочную дружбу.

Пережившая их обоих дочь Ирина тоже поддерживает связь с нами, помня дружбу с нашими детьми. Подаренный нам давно оригинал картин — ночной вид моря — висит у нас над пианино в гостиной, напоминая о годах дружбы с талантливым, хотя и несовершенным, как и все мы, человеком.

Брат Гарин иллюстрировал два моих сборника стихов и нарисовал карандашом мой портрет для одного из них, но я предпочла фотографию, и рисунок так и не попал в мои книги. Он висит над моим рабочим столом.

Галя Кизуб-Олиярник

В моих сборниках встречаются стихи, посвященные некой таинственной Гале. Это моя многолетняя и самая близкая подруга.

Мы познакомились с Галей сразу после нашего прибытия в Америку в доме моих родителей в апреле 1949 года. Она приехала со своей мамой в один год с моими родителями и дружила с моей старшей сестрой Лидой. Мне было тогда 22 года, а Гале 20, я была замужем и матерью уже двоих детей, похороненных в Германии, но наша Лида вышла замуж в конце апреля, и Галя стала навсегда моей подругой. С тех пор никакие перемены и расстояния не мешали нашей дружбе. Мы оставались в постоянном контакте, а последние 32 года живем в одном городе. Мы вместе состарились и ожидаем перехода в небесную обитель Христа.

Этнически Галя представляет собой смесь польского, украинского и греческого, но по каким-то генетическим причинам греческое победило все остальное. У нее были черные волосы, оливковая кожа, крупные черты лица и склонность к полноте.

Когда мы познакомились, ее волосы были заплетены в толстую, длинную косу, которую она иногда выкладывала короной вокруг головы. По характеру Галя была эмоциональной, громкой и впечатлительной. Все принималось ею в утрированном и преувеличенном виде. На фоне Гали наша семья выглядела нудной и монотонной, как шотландская волынка. Мы редко плакали публично, подавляя свои чувства и сохраняя их для более личных моментов. Плохие новости мы принимали спокойно, и хотя у Гали в прошлом было не меньше, чем у нас потрясений и потерь, они не закалили ее, как нас, для будущих бурь и переживаний. По сей день она принимает все трагически, и я все время должна успокаивать ее, когда она звонит мне с очередным сообщением о «конце света», о каких-то заговорах и чьих-то коварных планах.

Наша семья любила спорить, но всегда в рамках приличия. Все, кроме мамы, всегда должны были доказать свою правоту. Мама просто выходила из комнаты. Галя не спорила, но всегда носила свои чувства «на рукаве».

Наши матери тоже были друзьями и это давало повод для частых встреч в их или нашем доме, на общих пикниках и т. п.

Галя не была замужем. Она ходила в школу, чтобы получить диплом, без которого трудно было устроиться на работу. На первых порах она и ее мама убирали конторы в высотных зданиях в центре города, но потом она получила работу в какой-то финансовой компании. Она часто не хотела возвращаться на автобусе домой после работы и приходила к нам, сбрасывала туфли на высоких каблуках и валилась на чью-нибудь кровать, чтобы отдохнуть. Мы вместе ужинали, а потом шли пешком на молитвенное собрание или библейский разбор. Ее мама и она любили Библию и прошли вместе с нами тот же «План Спасения»

*С семьей Галиной
сестры*

*Наши дети
с детьми
Галиной сестры*

Пикник

Свадебный снимок Галя

Галя держит Аничку

*С Аликсом
в Окленде*

*Галя учит Аню
плавать*

*Галя с нашими родителями и со
своей мамой: в центре — бабушка
Фаня, слева, у маминых ног, — Катя*

*Мы (я и Галя) идем на
библейский разбор*

у брата Галустьяна в армянской церкви. Мы постоянно говорили о Библии, и так как брат Галустьян часто бывал в доме Гали, мы и там забрасывали его вопросами. По сравнению с ним, мы все тогда мелко плавали и хотели научиться плавать глубже.

Когда у меня появились новые дети, Галя полюбила их всех и участвовала с нами во многих наших вылазках за город. На горячих источниках Плен-Айви она помогала мне учить мою четверку плавать. Она не прекратила этого и после прибытия из Европы ее старшей сестры, тоже Лидии, с двумя детьми и позже, когда детей у Лидии стало четверо. Мы подружились с ее сестрой, и наши пикники и вылазки на природу стали более многолюдными и шумными.

Семья Гали состояла в членстве церкви «Вифания», но вскоре после основания «Славянского Очага Благовестия» Павлом Иосифовичем Рогозиным они все перешли к нам в церковь. Мы пели вместе в хоре, а наши дети учились с детьми Галиной сестры в воскресной школе, закладывая фундамент для многолетней связи и дружбы.

Лида и Галя были дочерьми регента киевского оперного оркестра и нескольких хоров, и обе были очень музыкальны. Обе обладали прекрасными голосами, играли на пианино и пели дуэты или соло на наших богослужениях. Брат Рогозин называл их голоса «ангельскими» и часто включал их в программу наших собраний. Мы познакомили их также с Давидом Бенсоном. Они сделали огромный вклад в музыкальную библиотеку Миссии «Россия для Христа». Я до сих пор как память храню эти магнитофонные записи, хотя по нынешним стандартам они несовершенны.

Галя знала и любила моих дедушку и бабушку Розенберг и даже одно время работала в конторе Миссии «Вефиль» в Лос-Анджелесе. Потом она отправилась в Библейский институт в «Three Hills» в Канаде, но выдержала там только один год и вернулась домой к своей «мамоньке» и сестре Лидии с ее семьей. Она оставалась незамужней до 33 лет. Многие церковные «сводни» пытались найти ей пару, но

никто не подходил, пока на горизонте не появился 39-летний Алекс Олиярник, вдовец с сыном-подростком. Ему посоветовали взять в жены Галю, неиспорченную девушку, живущую с мамой и отчимом, тоже вдовцом с кучей детей, за которого по совету брата Кметы, их дальнего родственника, вышла замуж ее овдовевшая в Европе мама.

Алекс был западный украинец, как и мой Стасик, и украинская часть крови Гали ответила на его предложение положительно. Под венец ее повел отчим, а Стах, Катя и я удостоились почетного участия в ее венчании в ролях шафера и дружек. Мы стояли с одной стороны свадебной группы, а с другой стояли сын Алекса, зять Гали и его дети. Галина сестра Лида не участвовала в церемонии из-за какого-то разногласия перед самым венчанием. Мы боялись, что расстроенная до слез Галя не найдет в себе силы выйти под венец, но все закончилось благополучно. Она торжественно вышла под соответствующую случаю музыку, держа под руку отчима. На ней было скромное подвенечное платье и вуаль на красиво уложенных подстриженных волосах. Мы все тоже были одеты во все свадебное, как подобает дружкам и шаферам.

Выходя замуж так поздно, Галя не надеялась стать матерью, но Господь благословил ее супружество тремя прекрасными детками: сыном и двумя дочерьми, голубоглазыми блондинками! Бог всегда преподносит нам сюрпризы.

Олиярники жили севернее нас в Окланде, около Сан-Франциско, но мы часто виделись с ними. Галины родственники жили в Лос-Анджелесе, и она время от времени посещала их, заезжая по пути к нам. Мы тоже бывали у них и вместе ездили в знаменитый Голден-Гейт — парк в Сан-Франциско.

Когда в 1969 году мы переехали в Санта-Барбару, Олиярники последовали туда за нами. Галина мама была при смерти, ее положили в местную больницу. Мы поочередно сидели у ее постели, пока она не умерла. Две недели спустя умер зять Гали, Славомир, муж ее сестры Лиды. Оба похоронены на Санта-Барбарском кладбище неподалеку друг от друга.

Лида много лет оставалась вдовой, но потом вышла замуж за недавно овдовевшего друга их семьи. Они прожили вместе до его смерти десять лет, а теперь она живет одна вблизи Лос-Анджелеса, поддерживая телефонную связь с детьми и Галей.

Алекс ушел в отставку в 65 лет, вскоре после их серебряной свадьбы. Он надеялся на активную старость в роли способного красильщика или строителя, но Господь сулил иначе. Четвертого июля Америка празднует День независимости. Никто не работает. Город пустеет. Многие едут на пляж, где с наступлением темноты устраиваются фейерверки. Туда уехала старшая дочь Гали и Алекса, а двое других детей еще раньше уехали в Филадельфию на какую-то христианскую конференцию.

Свободные от детей, Галя и Алекс сели на велосипеды и поехали посетить некоторых своих украинских друзей. Возвращаясь домой, они пересекли мост над «Freeway 101» и Алекс посоветовал Гале ехать впереди его, чтобы он мог видеть, если что-нибудь, не дай Бог, случится с ней...

Вдруг Галя услышала крик позади себя. Оглянувшись, она увидела Алекса на дороге, упавшим с велосипеда лицом вниз. Кровь текла у него изо рта и ушей. Галя бросилась за помощью. Кто-то вызвал «скорую помощь», и как только они прибыли в больницу, она позвонила мне. Я немедленно примчалась на автомобиле и еще застала Алекса на носилках, увозимого в операционную. Он говорил что-то невнятное. У него было кровоизлияние в мозг. Ему сделали срочную операцию, чтобы удалить сгустки крови из мозга. Галя и я сидели в ожидалке всю ночь, под утро к нам вышли врачи и обрисовали нам безнадежную картину будущего Алекса: даже если он выживет, он скорее всего будет полным калекой... Приехала их дочь Меланья. На третий день по совету врачей было решено отключить все аппараты, и Алекс скончался...

Прошли годы. Галя вырастила своих детей, выдала замуж дочек, женила сына. Старший сын Алекса от его первого брака жил уже давно самостоятельно. У Виктора, Меланьи и Наташи — всех Галиных детей удачные браки,

но ни у кого нет детей, так что Галя еще не бабушка и вряд ли когда-нибудь ею станет.

Освободившись от прямых обязанностей по отношению к детям, Галя начала посещать дома престарелых, ходила в свою американскую церковь, дома играла на пианино или маленьком органе, который она купила себе после смерти Алекса. Все наладилось.

И вдруг однажды она позвонила мне и сказала, что у нее страшные боли в животе. Я приехала, свозила ее в отделение скорой помощи в местной больнице. Ей что-то дали, и я отвезла ее домой. Решив остаться на ночь, я уложила сначала Галю, а потом легла и сама. Утром я заметила, что один уголок рта Гали опустился вниз. Зная по опыту моей мамы, что это признак инсульта, я сказала об этом Гале, но тут все стало еще яснее: она не могла держаться на ногах. Ее шатало во все стороны. Держась за стены, она пошла обратно в постель. Я вызвала по телефону мать ее невестки и та отвезла Галю в больницу, а я поехала в свою церковь. Это было в воскресенье. После церкви я посетила ее в больнице и потом регулярно навещала в реабилитационном центре.

Мои опасения подтвердились. Галя перенесла инсульт мозга. В реабилитационном центре ее восстановили почти до нормального состояния, но у нее были и другие проблемы со здоровьем: была операция по удалению опухоли во внутреннем канале одного уха и заворот кишок от наличия послеоперационных спаек.

У Гали сильная воля. Правая сторона ее тела перенесла инсульт. Она слегка тянет правую ногу, особенно когда устает, и ей трудно писать слабой правой рукой, но она приспособилась к своим ограничениям. Это не отразилось на ее щедрости, доброте и гостеприимстве. Она живет одна, ходит на прогулки, работает в своем саду, принимает группу женщин в своем доме для библейских уроков, так как управлять машиной уже не может. Мы принимаем ее, когда возможно, на свои семейные празднества, довольно часто говорим по телефону и, как я сказала вначале, состарившись вместе, обе ожидаем перехода в Небесные Обители Христа.

Для моих детей она навсегда останется тетей Галей, и это они настояли на том, чтобы я написала о ней в своей биографической повести, ведь только Господь Своей невидимой рукой преподносит нам верных друзей на всю жизнь, с которыми мы делим радости и горести и помогаем друг другу в беде.

СОЗДАНИЕ ПАМЯТНОГО ДЕТСТВА

Работа Стаха, иногда на двух предприятиях, и мое раннее вовлечение в духовное служение в поместной церкви и на радио не лишили наших детей счастливого детства. Они не были ни в чем ущемлены.

Со школой домоводства, которую я прошла у фрау Людеке, я могла держать наш микроскопический «апартаментчик» чистеньким и уютным. Мы купали наших младенцев в кухонной раковине, а позже по двое в ванне. Детей купал обычно папа, пока я готовила им чистое ночное белье и постельки.

Как только старшие девочки достигли школьного возраста, мы отдали им свою единственную спальню, а сами «зарылись» глубже под дом, где Стах соорудил маленькую, с низким потолком, комнатку, в которой спали мы и двое наших младших детей до самого нашего переезда в первый «свой» дом в Сан-Фернандо в середине 60-х годов.

До этого я три раза в год ездила в центр города на распродажи в подвалах больших магазинов и покупала там новую одежду своим детям, к началу учебного года, к Пасхе и к Рождеству. Кредитных карточек еще не было в обиходе, но некоторые магазины предлагали свое финансирование с помощью их карточки, на которой отмечались мои месячные взносы.

«Sears» был магазином для бедняков и середняков, для рабочего класса, к которому мы принадлежали в нашем новом «классовом» обществе. В нем мы купили свой первый рефрижератор, матрацы и спинки для новых кроватей

старших девочек, занавески на окна, краску для стен и все, что было нужно для автомобиля. До 1955 года у нас был старенький автомобиль, но в 1955 году мы купили в распродажу новый, прямо с завода в Детройте, автомобиль «Dodge» на шесть человек, окрашенный в два тона голубой краски. Он стоил 1200 долларов (сейчас за эти деньги можно купить разве что только один буфер!) Мы фотографировались в нем и возле него и посылали черно-белые снимки всем своим друзьям в Америке и Европе, гордясь своим приобретением.

Уик-энды, отпуска и праздники мы проводили на пляжах, в городских парках, которых в Лос-Анджелесе было несколько, в городских заповедниках, зоопарках, на выставках и в музеях. Летом нередко присоединялись к немецкой церкви моей сестры Ирины и проводили пару недель в лагере в горах возле Лос-Анджелеса. Иногда мы увозили наш выводок в парк Йосемити и под деревья-гиганты, где бывали также Хайнц и Ира со своей немецкой церковью.

Долина «Соледад» на север от Сан-Фернандо таила несколько небольших озер, где мы учили наших детей плавать, но мы возили их также и на минеральные горячие источники в Семинол, Калистогу, Эльсинор и Глэн-Айви.

Порой мы возили их в Сан-Диего и на его прекрасные пляжи, иногда даже через границу в Тихуану в Мексике. На севере мы бывали на Русской Речке и посещали Форт Росс, основанный русскими охотниками на бобров и выдр. Русские оставили Калифорнию, когда охотиться было уже не на кого.

Еще о моей младшей сестре Кате

В пятидесятых и начале шестидесятых годов мама много ездила по Америке и Канаде, представляя Миссию «Вестфиль». Иногда она ездила со своим отцом, но больше одна, оставляя Катю на мое попечение. Девочка росла вместе с моими детьми и отчасти с Ириными. Я купала, кормила, причесывала, одевала и водила ее в школу. Иногда даже

заменяла маму на родительских собраниях. От мамы постоянно приходили открытки с вопросами, полными заботы о Кате. Мы брали ее с собой во все наши поездки.

К окончанию средней школы и перед поступлением в колледж она превратилась в красивую, стройненькую девушку с большими серыми глазами и ослепительной улыбкой. В это же время она уверовала и приняла крещение, так что для нее открылась дверь в христианский колледж «Westmont» в Санта-Барбаре. Туда принимали только со свидетельством об уверовании.

Мы посещали ее там, еще не предполагая, что и сами когда-то будем жить в этом очаровательном курортном городке. Там же, в колледже, Катя встретила своего будущего мужа. Он был помощником пастора в местной баптистской церкви, где и состоялось их венчание. Они въехали в купленный женихом маленький домик на горе с видом на океан, все выглядело очень правильно и красиво. Разве можно было желать лучшего для верующей девушки, нашедшей верующего жениха, помощника пастора и миссионера-авиатора, уже окончившего Библейский институт имени Муди в Чикаго?

Вскоре у Кати и Джерри родились одна за другой две девочки. Спустя пару лет Джерри оставил работу в церкви и ушел в бизнес. Катя помогала ему во всем в его домашнем офисе, не забывая при этом о семье. Она крахмалила и гладила мужу белоснежные рубашки и даже нижнее белье, которое он менял по два раза на день. Девочек она одевала в сшитые ею красивые платья и пальтишки, готовила и принимала частых гостей...

Когда старшей девочке было пять лет, а другой три, Джерри и Катя переехали в новый дом на большом участке с бассейном. Вдруг Джерри начал задерживаться на работе в Лос-Анджелесе. Со временем выяснилось, что он изменяет жене со своей секретаршей или помощницей по бизнесу. Началась отчаянная борьба за спасение их брака и семьи, но она не увенчалась успехом. Джерри бросил Катю и женился на своей любовнице. Все это произошло уже после нашего (моих родителей и нас) переезда в Санта-Барбару.

Папа сильно переживал все это, а мама как могла утешала Катюшу. Я жила близко от Кати и она часто приходила пешком ко мне и рыдала так безутешно, что я сама терялась и не знала как мне успокоить и утешить ее. Сквозь рыдания она говорила мне, что никогда уже не будет смеяться. Я уверяла ее, что и на ее улице еще будет праздник, не представляя себе, конечно, откуда он придет.

В течение четырех лет Катя билась, как рыба об лед, зарабатывая на жизнь, время от времени работая на трех работах, так как Джерри мало заботился о ней и их детях. Правда, он переселил их в другой дом, попроще и поделше, но финансовой помощи долго не оказывал.

В это время в Канаде нечто подобное произошло с сыном Агнессы и Васи Шагаровых, Женей. Его жена сбежала с их двухлетней девочкой и Жениным лучшим другом, коллегой по зубокабинетным делам, оставив только коротенькую записку и забрав половину всего, что было в доме. Женя долго не знал, где они. Через суд мать получила ребенка и ее новый муж удочерил ее. Всякая связь прекратилась. Надежды на возвращение ребенка не было никакой.

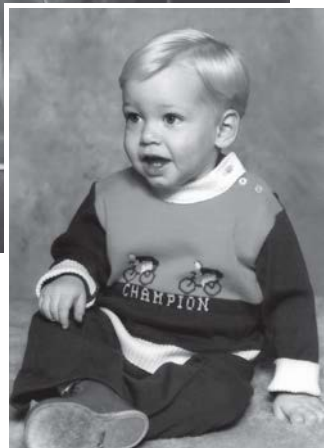
Наплакавшись вдоволь в своем опустевшем доме, Женя приехал с мамой Агнессой к нам в поисках утешения у «тети Жени» — нашей мамы. Он нашел его не столько у нашей мамы, сколько у Кати. Они были знакомы с детства и теперь хорошо понимали друг друга. В обоих случаях причиной развода было прелюбодеяние. Катя и Женя были свободны. Вскоре они поженились и случилось то, о чем я писала раньше в своей повести: мы породнились с дочерью и внуком Диков — маминых старых, еще по Сталино, друзей! Это было настоящим чудом, еще одним Божьим чудом в нашей жизни.

Женя помог Кате воспитать ее девочек и дал им обеим высшее образование. Своих детей у них не было и они усыновили трехнедельного мальчика, воспитали его и тоже дали ему высшее образование. Сейчас это взрослый, верующий мужчина с хорошей профессией. Он готовится вступить в брак весной 2003 г. и я надеюсь побывать на этом бракосочетании.

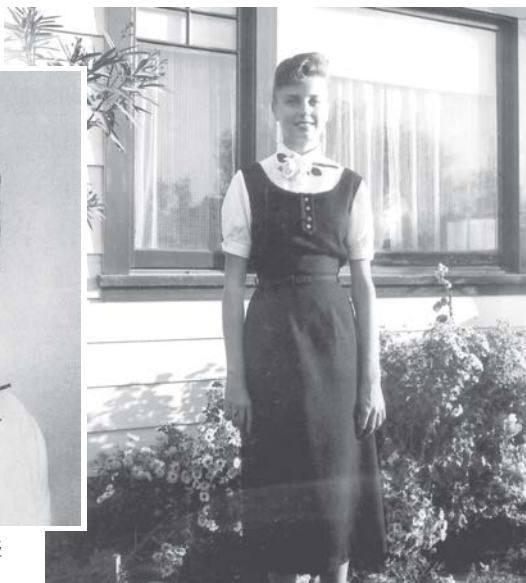

*Свадьба. Женя, Катя
и ее две девочки*

*Ионафан — приемный сын
Кати и Жени*

Катя

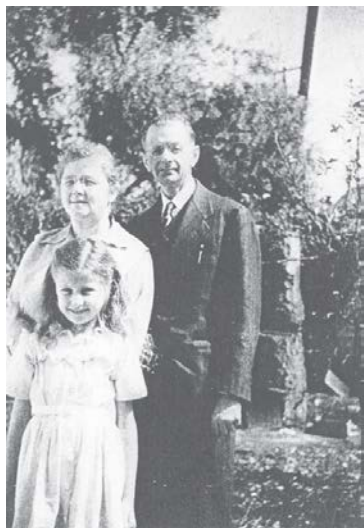

Выпускница средней школы

В Лос-Анджелесе возле «Вефиля»

Во дворе

С родителями

Самым же удивительным и чудесным событием было возвращение дочери Жени к нему. Ее мать умерла от рака груди лет в 35, а к отчиму у дочери Жени не было никаких теплых чувств. Она рано стала самостоятельной, выучилась на медсестру, а когда получила маленькое денежное наследство от скоропостижно умершей мамы Жени Шагарова, Агнессы, решила связаться со своим отцом и навестить его. Она ничего о нем не знала. Ей просто не говорили, что у нее есть где-то отец.

Женя и Катя приняли ее, как самую родную, и сегодня она уже носит фамилию своего отца. Божьи невидимые руки сделали свое дело и в этой семье. Овдовевший отец Жени, Вася, по сей день (ему за 80!) работает врачом в местном госпитале в Виктории (Британская Колумбия), где он и живет, а Женя имеет свою зубоврачебную практику в Дункане. У него две замужние сестры — одна живет в Виктории, а другая в Калгари, но тоже мечтает переехать поближе к родным.

От Дункана до Виктории полчаса езды на автомобиле, так что все часто встречаются, а Катя и Женя иногда посещают и нас. Родственники в Казахстане были извещены об этих событиях, а от них мы узнали, что сестра Агнессы, Эрна, съездила на север, куда был сослан их отец, и просто забрала его домой умирать. Он отбыл свои десять лет и был болен.

Вот такой неожиданный подарок приготовил этой паре (Жене и Кате) Тот, Кто умеет извлекать драгоценное из ничтожного и восстанавливать разрушенное.

Поиски талантов у наших детей

Наша семья была читающей семьей, как когда-то была моя. Это шло уже от предков, о которых я писала в начале своей повести. Не располагая большими средствами, я все же постоянно покупала себе и детям книги и выписывала им и себе журналы. Стах выписывал журналы по механике и электронике и перечитывал свои украинские книги, привезенные из Германии.

Я всегда читала детям вслух перед сном по-русски, а потом уже молилась с ними и заправляла на ночь одеяла.

Дети любили слушать мое чтение и читали сами с раннего возраста. При церкви мы открыли языковую школу, чтобы дети не забыли родной язык. Мама, я и сестра Любовь Емельяновна Калугина преподавали в этой школе, но наши дети все равно не знают язык в совершенстве, а некоторые почти забыли все, чему их учили.

Когда наши дети начали один за другим достигать семи-летнего возраста, я начала присматриваться к проблескам у них каких-либо талантов. Мы решили в первую очередь всем дать уроки музыки и купили старое пианино.

За неимением места в нашей квартирке, мы поставили его рядом со стиральной машиной в пристройке с выходом во двор. Мы просто хотели, чтобы все они могли читать ноты и приобщились к хорошей музыке.

Каждый раз, когда я шла за покупками в магазин в двух кварталах от нашего дома, я приносила детям маленькие разноцветные патефонные пластиночки с детскими песенками на английском языке. Мой папа подарил им патефончик с ручкой, вот они и крутили пластинки, подпевая слышанному.

На уроках музыки первые признаки таланта проявила Аня. Она быстро и легко воспринимала все уроки, любила упражняться и играть перед людьми, особенно в церкви. Папа начал оплачивать уроки по музыке своему сотруднику по фабрике, профессору Вячеславу Ордынскому, и она принимала участие в концертах его учеников. Аня хорошо играла Рахманинова, Чайковского и других композиторов.

В школе она тоже преуспевала. Обладая феноменальной памятью, читала наизусть стихи и отрывки из Писания в церкви. Мы старались привести наших детей ко Христу, и Аня по-детски верила в Него, но сознательно приняла Его только в 22 года. Мы все тогда уже жили в Санта-Барбаре и ходили в местную баптистскую церковь, где Аня и приняла вскоре водное крещение.

Аня — прекрасная хозяйка и дизайнер своей вылизанной до блеска квартиры. Она работает исполнительным секретарем, хорошо знает компьютер. Ко времени напи-

сания этой повести ей исполнилось 52 года и ее дети уже все взрослые.

Нина была на полтора года младше Ани, и в ее семь лет она тоже начала свое музыкальное образование с уроков пианино. Однако такого дара музыки, как у Ани, я у нее не наблюдала. Зато она постоянно что-то рисовала на бумаге, школьных папках и гладких камешках, которые потом дарила мне и своим друзьям. Я решила, что мы напрасно мучаем ее музыкой.

При первой возможности, когда мы уже переселились в Сан-Фернандо в свой первый дом и приобрели рояль, я записала ее в заочную, платную школу для талантливых, будущих художников. Она еще училась тогда в средней школе, но задания по живописи ей присылали по почте со всеми нужными материалами, и она, выполнив работы, отсылала их обратно для оценки. Курс был годовой, но подготовил ее к будущим курсам и к университету, который она успешно окончила после нашего переселения в Санта-Барбару. Получив диплом и степень магистра, Нина преподает уже несколько лет в городском колледже Санта-Барбары. Как и Аня, она вышла замуж рано и училась, когда у нее было уже двое детей.

Она тоже уверовала всерьез только в 20 лет и принимала крещение вместе с Аней в нашей американской баптистской церкви в 1971 году.

У нашего единственного сына, Евгения (Женика), начиналась истерика при одном только виде учительницы музыки. Он явно ненавидел игру на пианино, и нам пришлось остановить его «музыкальную карьеру» чуть ли не с самого начала. Но, будучи уже в средней школе, он вдруг купил себе наушники, гитару, тетрадь с уроками по гитаре и самостоятельно научился прилично играть на гитаре, даже сочинять музыку и писать слова к своей музыке. Вот и знай, что детям нужно и что они сами избежат в будущем!

Когда Женик рос, он любил собирать из «конструкторов» автомобильчики и самолеты, раскладывал на полу своей комнаты железную дорогу, а в школе, уже в старших

классах, успешно занимался по математике, физике и механике. Он любил также плавать и получил высшую награду по плаванию. На вид он блондин среднего роста с голубыми глазами и ямочками на щеках, как его папа. Он вообще во многом похож на своего отца, а девочки больше похожи на меня.

У Женика хорошее, здоровое чувство юмора, он общителен и чуток. Работает инженером-механиком и дизайнером в фирме, которая производит медицинскую аппаратуру. Он живет возле Миннеаполиса, женат и имеет двоих детей.

Еще подростком Женик принял Христа (это произошло во время походного собрания Билли Грэма) и с ранней юности помогал мне в Миссии Давида Бенсона «Россия для Христа». Он верил в Господа и свидетельствовал всем о Нем, но позже, получив высшее образование с примесью дарвинизма, начал во всем сомневаться и стал агностиком. Мы не спорим с ним, чтобы не оттолкнуть, но молимся о его возвращении к простой детской вере.

Ирина (Ика) не протестовала против уроков музыки, но особого таланта тоже не проявила. Ее дарование было больше в области рукоделия, рисования, нахождения уникальных вещей и декорирования жилища. У нее получается все, к чему она прикасается. Она все еще может играть на рояле, но Рубинштейна из нее не получилось и никогда не получится. У нее много других способностей и мы ценим их.

Свою детскую веру Ирина закрепила рано, никогда не бунтовала против семейных моральных устоев и стандартов, что удержало ее в будущем от неправильных решений и непоправимых ошибок в ее личной жизни. Она вышла замуж поздно (в 26 лет) за верующего парня, с которым была знакома лет шесть. У них родились три девочки, и Ирина занята семьей и церковью. Муж, она и дети активны в своей церкви.

Так как эта повесть в основном обо мне, я не углубляюсь в историю моих детей после того, как они выросли и оставили «родное гнездо». В свое время они сами расска-

жут о себе своим детям, как это сделала я для них на заказе жизни.

Учитывая наш иммигрантский статус, незнание английского языка в начале и многие другие факторы, наши дети и Катя наслаждались сравнительно нормальным детством, и мы благодарны Богу за это.

Конечно, мы учили своих детей не только музыке, но и Библии, а также практическим вещам. Девочек учили варить, печь, шить, вышивать. Моя сестра Ира научила их шить, как только я купила им швейную машинку. В школе тоже был класс «домашней экономики» для девочек, а для мальчиков — механики, столярного и гончарного дела. Женик научился работать с металлом на станках и даже сделал для меня жестяной совочек для муки, которым я по сей день пользуюсь. Гончарному делу учили и девочек. Наша младшая дочь Ирина вылепила из глины, соблюдая все правила обжига, красивую настенную вазочку, покрытую снаружи глазурью, с лепными украшениями. Она висит у меня в кухне с букетиком искусственных (шелковых) ландышей.

К сожалению, мы не сохранили всего, а то, что сохранили, я отдавала постепенно каждому из детей, когда они покидали семейное гнездо. Каждый унес с собой свои школьные тетради, рисунки и даже свои первые ботиночки, в которых они учились ходить!

Нашу семью не обошли трудности и испытания, разочарования и даже невосполнимые утраты и болезненные перемены. Но через все это провел нас Господь в целостности, как семью, и наши дети выросли ответственными, честными и полезными обществу и ближним. Все зарабатывают на жизнь, как когда-то и мы с мужем, своим собственным трудом. Никто не сидит в тюрьме или в доме для душевнобольных, никто не стал бандитом с большой дороги или добытчиком денег через какие-то махинации и спекуляции, включающие обман налоговой инспекции и правительства в целом. Слава Господу за это!

Трудные годы

Моими самыми трудными годами в Америке не были наши ранние годы, когда мы говорили только на «глухо-немецком» языке и привыкали к культуре и новому быту. Самыми трудными были пять лет, прожитые нами в Сан-Фернандо между 1964 и 1969 г.

В 1964 году мы впервые купили (конечно, в долг банку!) дешевый стандартный дом в Сан-Фернандо — пригороде Лос-Анджелеса. Мама помогла нам купить этот дом, заняв нам полторы тысячи на задаток. Мы наконец разместились каждый в своей комнате, рядом были школы, магазины, в тридцати минутах езды на автомобиле от Лос-Анджелеса. У нас были хорошие соседи, был маленький зелененький дворик, в котором я посадила под окном спальни березку, а у кухонных дверей мимозу. Мы были счастливы!

Трудность составляло то обстоятельство, что я пошла на работу, впервые за 18 лет, чтобы помочь Стаху вносить в банк месячную плату за дом. Его бывшая сотрудница еще по «Trophy Graff», жила рядом. Придя к нам в гости, она пригласила меня работать в ночную смену в Голливуде в фотокомпании «Kodak», где уже работала она (ее звали Глория) и ее сестра Вирджиния.

Шестидесятые годы были самыми трудными не только для меня и нашей семьи, но и для всей Америки. По-моему, ни она, ни мы, до сих пор не оправались от дьявольского влияния тех лет. Это были годы тлетворного влияния хиппи. Голливуд и Сан-Франциско превратились в «мекку» этого движения. Молодежь начала увлекаться новой музыкой, а церковь не вела никакой работы с молодежью. Все строилось на запретах и легализме, уход в американскую церковь считался смертельным грехом и угрожал отлучением от церкви. Все это вызывало дух протеста у молодежи, а движение хиппи только подогревало этот дух. Борьба за душу детей была не на жизнь, а на смерть, и в самое трудное для семьи время, когда я была больше нужна дома, я пошла на работу. Правда, я работала с 10 часов вечера до полседьмого утра, чтобы дети не замечали моего отсутствия, но это не умаляло проблемы. Я практичес-

ки не спала, смертельно уставала, ведь вся домашняя работа и постоянные приемы гостей все еще лежали на мне...

Иногда я ехала с работы домой утром и всю дорогу рыдала не от горя, а от смертельной усталости, от переутомления мозга. Не знаю, как я умудрялась доезжать до дома без аварий. Бывали, конечно, случаи аварийного характера: вроде потери одного колеса на большой скорости, поднятие капота на ходу, когда вдруг из виду исчезла дорога и нужно было как-то выбраться на обочину... Но я чудесным образом оставалась жива, хранимая невидимыми руками моего Спасителя.

Мужа я видела в его машине, когда он двигался в противоположном направлении. Он ехал на работу, а я с работы... И так ПЯТЬ ЛЕТ! Мы наверстывали упущенное в выходные дни и продолжали возить детей на природу.

Приезжая домой в семь утра, я не могла сразу же лечь спать. Мои дети только просыпались, отдохнувшие, свеженькие и их нужно было собрать и развезти по разным школам. Около десяти утра, запустив грязное белье в машину, перестелив детские постели и прибрав мало-мальски дом, я наконец ложилась спать. Меня трясло от переутомления, я дрожала от холода даже в самые жаркие дни. Вокруг все только начинало просыпаться. Гудели и шумели отъезжающие на работу автомобили, гремели самокаты маленьких детей, слышался их смех и крик. Трещал телефон, кто-то стучался в дверь, желая что-то продать или навязать мне, под самым окном моей спальни гагакали соседские гуси...

К двум часам после обеда нужно было уже быть на ногах и готовиться ехать за детьми... Я наскоро готовила еду и нередко еще возила наших детей и часто гостивших у нас племянников на пляж в Санта-Монику по запруженным автострадам. Там я обычно читала или писала, а дети купались до заката солнца. Я везла их домой, опять прорываясь через движение машин на дорогах, кормила всех ужином и, не успев прилечь хотя бы на полчаса, ехала на работу в «Kodak» к десяти вечера и снова все повторялось сначала...

Недалеко от нашего дома в Сан-Фернандо были еще ничем не застроенные холмы и пустыри. Иногда я ходила туда пешком под вечер, чтобы просто уединиться, помолиться, поплакать и пописать... Но это иногда, а больше и чаще мое время забирали дети и забота о них, или гости...

К четырем утра на работе я готова была провалиться под свой рабочий стол и спать, спать, спать... И пусть меня гонят с работы. Никогда не выполняя это желание, я продолжала утомлять свой мозг отсутствием сна.

Эти пять лет ночной работы и сравнительного материального благополучия дорого обошлись нашей семье в духовном отношении. С тех пор я никому не советую работать на два жалования, чтобы жить побогаче. «Овчинка выделки не стоит», дети важнее всего!

Дети, конечно, помнят только свое «счастливое детство», а не то, чего оно стоило родителям, особенно матери, и чего лишила их в моральном и духовном аспекте погоня за «американским образом жизни». Моими самыми лучшими годами оставались те 18 лет, которые я проводила с моими детьми дома.

Другим тяжелым переживанием было, конечно, прощание с дедушкой и бабушкой Розенберг, когда они, один за другим, в 1967 и 1968 годах ушли в свои Вечные Обители. Мы прожили с ними рядом почти 20 лет! За этот Божий подарок я благодарна по сей день и описала все, связанное с ними, в книге на двух языках — «Жизнь лишь одна».

КАЖДОМУ СВОЕ

Рассказ

Дождь идет уже четвертый день. Он то льет тропическим ливнем, то моросит по-баварски мелко и косо. Водосточные ямы на углах улиц захлебываются, не успевая поглотить несущуюся в них воду.

В горных районах, где летние пожары уничтожили растительность, жидкая грязь залила улицы, дома и автомобили. Люди едва успели эвакуироваться. У нас во

дворе вода стоит по щиколотку, а двор похож на рисовое поле. Белье уже четвертый день полощется на веревках, ожидая солнышка. В доме его негде сушить.

Дети приходят из школы промокшие до нитки. Они нарочно шлепают по лужам даже там, где их можно обойти. В Калифорнии дождь — редкое явление, он очень нужен, и потому его ждут, любят и прощают ему вероломство.

Я смотрю на березку под моим окном. Ей пошел пятый год, а она все никак не становится настоящим деревом. Тоненькая, как девочка-подросток, она растопырила свои непропорционально расположенные голые ветки, как руки, которые от смущения некуда девать. Она здесь иностранка. Это не ее почва, не ее климат. Я понимаю ее, потому что мы похожи. Столько лет прошло! А я все никак не могу стать полноценной гражданкой чужой страны. Я все еще люблю родные песни, родную речь и природу. Здесь же — чужая речь, непонятные люди, чуждые сердцу песни...

С другой стороны дома у веранды я посадила два года назад мимозу. Она сразу укрепилась корнями в родной почве и потянула знакомые ей соки. За два года разрослась в громадное дерево. Нижние ветки под тяжестью дождевых капель касаются земли. Она не теряет листьев круглый год и теперь, в январе, расцвела. Да как! Каждая веточка до самых тончайших кончиков в желтых пушистых цветочках! Все дерево — это громадный желтый букет. Она здесь дома. Это ее климат, ее почва, ее среда...

Каждому свое и каждый чувствует себя хорошо в своей среде. Удалить нас из нее — и мы тоскуем по ней и чахнем. Но Бог пригласил нас в Свою среду. У Него нет белых и черных, русских и американцев. У Него мы все земные, а Он небесный. Он меняет нашу природу, пересаживает нас в Свою почву, прививает нас диких к Своей плодоносной лозе и делает нас гражданами Его Царства. Мы прививаемся, растем, приносим плоды и вне этой новой среды чахнем. Я смотрю в окно,

в дождь на мое «рисовое поле», на родную жалкую березку и пышно цветущую мимозу и от нахлынувших на мою душу мыслей и сравнений чувствую теплоту в груди и ком в горле... Краем занавески вытираю глаза...

Ведь Бог давно ввел меня в Его присутствие, в Его среду. Давно посадил меня в Его почву. Мне хорошо в ней, и я знаю, что без нее я не смогу жить.

Когда пройдет все земное и я уже не увижу ни этого дождя, ни этой природы, там, в Его сфере, я буду чувствовать себя как дома, потому что вся моя земная тоска по родному была тоской по небу, по той Родине...

Березка никогда этого не поймет. Она только земная, а я и земная, и небесная.

НА ПЛЯЖЕ

Рассказ

У меня ночная работа. Я прихожу домой в 7 часов утра и в половине десятого валюсь в постель. Мне нужно послать часов до двух, чтобы мало-мальски выспаться, но у детей свои планы. У них теперь летние каникулы. Их распирает от здоровья и энергии. Им хочется ехать куда-нибудь подальше от дома: на озеро, на море, в парк, в музей...

Я встаю пораньше, готовлю горы бутербродов, холодный напиток и горячий кофе, и мы едем на пляж, до которого от нас полчаса езды на автомобиле. Мы располагаемся на песке поближе к воде, чтобы мне было легче считать головы, когда дети пойдут купаться. Муж не участвует в наших вылазках. Он не любит ни пляжа, ни пикников, ни жизни в лесу в палатках. Я с ним не спорю об этом.

У нас гостит мой двенадцатилетний племянник Фредик. Он представляет, что он выехал на дачу, и мы не разбиваем его иллюзий. (Пусть мальчик помечтает.) Чтобы не тратить времени даром, я всегда беру с собой что-нибудь почитать. На этот раз у меня брошюра

Марцинковского «Сущность христианства» на английском языке в переводе моей мамы. Я решила читать ее вслух моей старшей дочери Ане. Она сейчас временно с нами, пока ее муж находится в армии.

Дети идут в воду. Они все умеют хорошо плавать, но в океане они не заплывают далеко, а только заходят по грудь в воду и потом отдают себя на волю бегущим к берегу волнам, которые вместе с пучками водорослей выбрасывают их на песок. Это доставляет детям неопишное удовольствие. Они визжат и смеются и повторяют эту процедуру, а я считаю головы...

Мы с Аней начинаем читать брошюру. Как просто и понятно излагает Марцинковский дивные глубокие евангельские истины! У него особенный дар коротко и ясно объяснять то, что кажется необъяснимым.

Наше чтение прерывает приход маленькой, лет трех-четырёх, девочки, которая сообщает нам, что ее мама позволила ей играть возле нас. У нее коротко подстриженные черные волосы, смуглое личико и маленькие черные глазки. Под носом у нее две «свечи», которые она не замечает, и мы советуем ей сходить на минутку к маме. Она неохотно идет, но мама занята. Она что-то убедительно и возбужденно говорит лежащему рядом на одеяле мужу. Им сейчас не до девочки, у них идет важный семейный спор. Девочка краем одеяла размазывает по лицу «свечи» и, довольная собой, возвращается к нам. С ней теперь черная, как ночь в Кайре, среднего размера собака, которую в русском переводе зовут «Бунт» (очевидно, в честь расовых бунтов). Копаясь в песке, девочка рассказывает нам о том, что дома у нее еще есть кошка, которую зовут «миссис Джонсон».

Ветер доносит до моего слуха возбужденный голос матери девочки, и я улавливаю густой русский акцент. Она «сверлит» пальцем волосатую грудь мужа и говорит ему что-то о каких-то деньгах и о том, что нельзя допустить, чтобы дети оказались на улице. Он наконец встает и начинает говорить что-то в свое оправдание,

и я улавливаю какой-то другой акцент, не русский. Вероятно, эти люди — оба эмигранты из разных стран, не знающие родного языка друг друга. Их общим языком стал ломаный английский, но они понимают друг друга, и это главное. Их спор о житейских делах, деньгах и детях еще долго продолжается.

Мимо проходят несколько стариков и старушек в купальных костюмах. В России старики в этом возрасте не осмеливались появляться в таком виде на пляже, но в Америке — это естественное явление, и никто даже не поворачивает головы в их сторону. Тут у самого моря их стариковский клуб, где они играют в соответствующие их возрасту игры, устраивают прогулки и концерты, загорают и купаются.

Я слышу, как одна старушка (очевидно, польская еврейка) говорит другой: «У меня в холодильнике уже неделю лежит свекла для красного борща, но все нет времени его сварить, скоро начнется концерт». Я не расслышала, что она будет делать после концерта, но невольно подумала: интересно, остается ли у нее время подумать о душе, о близком конце жизни?

Солнце покраснело и стало прятаться куда-то за край океана; побагровели волны.

Дети, стуча зубами, прибежали ко мне и к бутербродам или, вернее, только к бутербродам. На камнях, уходящих косою далеко в океан, еще копошатся чьи-то дети в поисках крабов. Некоторые отчаянные пловцы еще не думают возвращаться на берег. С наблюдательной вышки загорелый парень зовет всех на берег, предупреждая об опасности. Здесь есть собаки и птицы, но не их предупреждает он (те сами знают), это человека нужно без конца предупреждать, ему надо напоминать об опасности, как будто он сам себе враг.

«Бунт» утих и, свернувшись клубком, спит у ног переставшей спорить пары.

Девочка, завернувшись по уши в одеяло, сидит у самой воды и смотрит на багровые волны. О чем ду-

мает она? Какое впечатление производит на нее величелие Божьего творения?

А у нас в руках Марцинковский: объяснение беседы Христа с Никодимом, важность возрождения души человека, Божье спасение во Христе, возвращение к первоначальному образу Божию... Мне хочется взять у загорелого парня рупор и с вышки громко предупредить не об опасности волн и камней, а об опасности равнодушия к запросам души, погружения в волны житейской суеты. Хочется, чтобы все прочти слова о спасении и не только прочли, но поняли и приняли их.

По дороге домой я говорю усталым, загорелым детям: «Вы видели, как безгранично велик океан, на тысячи миль протянулся песчаный берег вдоль края воды, и как мал и ничтожен человек, но именно его возлюбил Бог, вас и меня...»

Дети не возражают, не спорят. Их сердца еще не осустились, не закрылись для Бога. Домой приезжаем в сумерки. Старшие дочери помогают разгружать машину, готовить ужин. Скоро опять нужно идти на работу.

Интересно, что дети придумают для меня завтра?

Переезд в Санта-Барбару

Наступило время перемен и для Миссии «Вефиль», которую тогда возглавляла мама. Катя подыскала им домик в Санта-Барбаре, но переехать в него мои родители еще не могли, пока не устроится все с продажей миссионерского дома и их личного, а также с работой папы. Он работал до 70-ти лет!

В 1969 году Стах временно потерял работу. Катя торопила нас с переездом поближе к ней в Санта-Барбару. Мы быстро решили «отдать концы», то есть оторваться от причала в Сан-Фернандо. Наш дом был продан удивительно быстро за бесценок, я же с нескрываемой радостью оставила свою ночную работу. И вот мы вселились в купленный для родителей дом в Санта-Барбаре.

Пока Стах перевозил несколько дней на своем грузовом автомобиле наши вещи, я, наконец, спала, спала и спала... Со мной была только наша младшая девочка Ира (Ика), а Женик помогал Стаху с переездом. Это было в сентябре 1969 года. Прошедшим летом того же года мы выдали замуж нашу вторую дочь, Нину. Аня была уже замужем и сопровождала своего мужа в его переездах с места на место в армии. Они были тогда где-то в Техасе.

Я зарегистрировала наших оставшихся двоих детей в соответствующих их возрасту школах и начала обустроиваться временно в мамином и папином домике. Мы мечтали в течение года подыскать себе что-нибудь неподалеку. Так как родителям было уже по 70 лет, мы понимали, что именно мы должны будем их досматривать.

Нашей церковью стала Катина американская консервативная баптистская церковь «Голгофа», куда мы быстро перевели свое членство. В этой церкви мы состоим по сей день. В ней крестились наши старшие дочери. Ика и Женик посещали молодежные группы в двух других церквях и там принимали позже крещение. Дети начали восстанавливаться в вере и участии в церкви.

Спустя ровно год, когда родители могли переехать, верующая продавщица недвижимости из нашей церкви подыскала нам домик в двух кварталах от родительского. Мы вселились туда опять-таки с помощью родителей, которые заняли нам деньги на задаток...

У нас были прекрасные родители, любящие, заботливые, жертвенные. Хотя Бог благословил нашего отца только дочерьми, это не мешало ему быть хорошим отцом всем нам. Каждая из нас имела свои особенные отношения с ним. В Лос-Анджелесе мы 15 лет жили в одном доме с родителями и никогда не ссорились. Они не лезли в нашу жизнь и наши супружеские отношения. Я не могла жаловаться маме на мужа, потому что она категорически отказывала выслушивать жалобы и отсылала меня обратно домой для примирения. Она любила Стаха как родного сына и не принимала сторон в наших, пусть даже редких, разногласиях. Все это сблизило нас друг с другом и с ними,

поэтому наш переезд в другой город, снова поближе к ним, был чем-то вполне естественным и всеми ожидаемым.

Отец много лет был секретарем и казначеем нашей церкви в Голливуде, и в течение одиннадцати лет также секретарем Тихоокеанского Объединения Баптистских Церквей при нескольких председателях. Он не пропускал ни одного съезда. Когда мы переехали от них в Сан-Фернандо, родители приезжали к нам каждый уик-энд, и на съезды отец тоже всегда заезжал за мной и брал с собой. Уставшая после ночной работы, я с трудом выдерживала долгий путь и деловые собрания, которые никогда не обходились без споров и раздоров. Так называемые «братские» заседания я давно называла «дратскими». Мама на деловые церковные собрания не ходила и на съезды не ездила. Она боялась, что вся эта суета отвлечет ее от главной цели ее жизни — служению Христу!

В Санта-Барбаре Стах довольно быстро нашел работу в электронной компании, где и проработал 23 года до самой своей пенсии. Мне начали звонить из разных концов страны с просьбой делать для них переводы с английского на русский язык. Делая переводы для Славянского Евангельского Общества (Миссии Петра Дейнеки), я мечтала о продолжении радиовещания... Невидимые руки Господа совершенно неожиданно открыли для меня снова двери для этого любимого служения. Однажды мне вдруг позвонил Давид Бенсон. Мы все еще состояли в его директорате и пока жили в Лос-Анджелесе и поблизости, я ездила время от времени, даже в самые трудные годы, в Сан-Фернандо, в его студию в Пасадене (около Лос-Анджелеса), чтобы делать радиозаписи. Мама тоже не прекращала своего радиослужения с Давидом и еще другим американцем, для которого она тоже делала переводы и записи его проповедей.

Оказалось, что Давид тоже переехал в Санта-Барбару с женой и двумя маленькими мальчиками по причине смога в Пасадене, от которого легкие их детей очень страдали. Он нанял помещение и пригласил меня работать у него в Миссии «Россия для Христа».

Трансмировое радио попросило его найти кого-нибудь, кто мог бы создать детскую радиопередачу. Давид поручил это служение мне, но на этот раз я попросила скромное жалование, так как хотела помочь мужу с выплатой дома. Он организовал так называемый комитет «Тети Тани» (так я назвала свою программу). В него вошли человек десять местных влиятельных в городе верующих из нескольких церквей. Я выступала на домашних собраниях и в некоторых церквях, рассказывая свое свидетельство об обращении и предлагая поддержать детскую программу для передачи за «железный занавес». Мне назначили скромную зарплату в 300 долларов в месяц, но этого было достаточно, чтобы помочь моему мужу с выплатой долга за наш дом.

Моя программа не была украшена или обогащена присутствием детских голосов. Просто я нормальным тоном давала детям упрощенную Библию с добавлением детских рассказов. Господь удивительно благословил этот труд и на аудиокассеты с этой программой все еще (30 лет спустя!) продолжается огромный спрос.

Я проработала у Давида Бенсона 3 года. Письма со станций были редкостью, так как КГБ глушило наши программы и не пропускало почту. И все же кое-что доходило до станции в Монте-Карло (Монако). Стало ясно, что нас (меня) не только слушают дети, но и их мамы и неверующие соседки мам с их детьми, что возникла нужда в женской программе. Нам писали, что, мол, братья проповедники и пресвитеры женщинам ничего специфического не дают, что делают упор только на их внешний вид — платок на никогда не стриженной голове, длинную юбку и «молчание» в церквях.

Я сразу же принялась за составление передачи для женщин. Собрала нужный материал. Что-то писала сама, что-то переводила с других языков — немецкого и английского. При первой возможности я поступила на открывшиеся в нашем городе женские библейские курсы и пять лет усердно посещала их, тщательно выполняя домашние задания, состоящие иногда из сорока и больше вопросов по всей Библии. Я всегда любила изучение Библии. Сейчас оно

было крайне необходимо для моей работы, и Господь вовремя открыл для меня эту новую возможность.

Ободряющее письмо пришло однажды от Архиепископа Иоанна, который жил тогда еще в Европе и слышал мою передачу для детей по радио. Он писал, что я делаю нужное дело для славы Божией и своей родины.

Неожиданная болезнь и смерть отца

Три с половиной года (1970 — 1974) официальной работы в «России для Христа» сопровождалась постоянной заботой о здоровье моего отца. Мы заметили перемену в цвете его лица. Серый оттенок кожи тревожил всех нас, и мы заставили его провериться, тем более что у него еще и спина болела. Врачи поставили диагноз — рак костного мозга! Лечение облучением и химией вызвало временную (в 2 года) ремиссию, но потом все началось сначала...

За два года «отдыха» от болезни отец проводил у себя на дому собрания для местных православных друзей вперемешку с верующими баптистами. Нам также удалось отпраздновать золотую свадьбу наших родителей у Кати в доме.

Пришло более ста гостей. Я всю ночь готовила заварные пирожные на 150 человек! Мы поставили серебряный самовар, унаследованный Катей от бабушки Фани, и обильно угощали друзей наших родителей.

Приезжал брат Водневский. Он собирал свидетельства для своей радиопередачи и записал мое, мамино и папино. Судя по свидетельству отца, он был готов к переходу в вечность.

В середине августа 1974 года состав его крови начал ухудшаться, и его отвезли в больницу. Я стояла на тротуаре с дрожащими губами, когда его втокнули в кресле на колесах в специальную машину. Я видела только его спину и чувствовала, что он уже никогда не вернется домой. Мы посещали его в больнице каждый день либо по очереди, либо все вместе, иногда с нашими детьми и их детьми, папиными правнуками.

В начале сентября нас позвали к его постели, шепнув, что его конец близок. Мы окружили его кровать, гладили

его лоб, мама не выпускала его руки... Она была с ним все время с середины августа. Всю свою работу по конторе Миссии «Вефиль» она делала у его кровати. Сейчас работа была отложена, ее Сережа уходил к своему Господу мирно, спокойно с молитвой Ефрема Сирина на устах. Меня он послал в Лос-Анджелес привезти тетю Олю, его единственную на чужбине сестру, но когда я подъехала к ее дому, она сообщила мне, что папа уже умер, и мы поехали с ней в Санта-Барбару.

На похоронах отца было человек двести, в основном из Лос-Анджелеса. Могила была куплена двухэтажная на двоих. На плите были высечены имена родителей, а возле маминого имени только одна дата и ТИРЕ... Мама пережила его на 11 лет.

Ей было очень одиноко без мужа, ведь они были друзьями юности и прожили вместе 52 года! Теперь я начала возить маму раз в месяц в церковь в Голливуде, а в промежутке — в свою в Санта-Барбаре, а также по другим делам. Она была прекрасным «спикером», и женские кружки приглашали ее на свои специальные собрания. Миссия все еще была под ее руководством с помощью ее младшей сестры Марии Слорт. Я тоже иногда помогала в конторе, а с 1980 года вступила в директорат Миссии «Вефиль».

Моя дальнейшая радиоработа

С начала сентября 1974 года я работала в студии «Reach International», созданной Павлом Семенчуком после многих лет его служения в Трансмировом радио. С Давидом Бенсоном мы расстались мирно по очень уважительной причине, связанной с его личной жизнью. Еще два его работника вошли в штат студии, где я не только продолжала готовить свои программы для женщин, но была единственной переводчицей еще дюжины программ для разных американцев. Мы придумывали названия для всех этих программ, подбирали вступительную и заключительную музыку, записывали текст на магнитофонную ленту, очищали ее от посторонних звуков и отправляли готовые про-

граммы на станции. За время на станциях платили сами заказчики.

Попутно я делала много других переводов разной духовной литературы, которой тогда было очень мало в СССР. Список всего переведенного мной материала оказался таким длинным, что еще в 1990 году мы перестали вносить в него что-то новое. Он так и остался только «примером» или «образцом» моего труда, как переводчицы.

«Русский» радиохор

В течение четырех лет я помогала в работе «русского», состоящего из американцев, радиохора. Этот хор был организован из певцов разных хоров поместных американских церквей. Сначала это был только мужской хор, организованный еще «Россией для Христа», но постепенно он разросся, стало два хора — мужской и женский, а потом образовался общий, смешанный.

Мама создала простую фонетическую систему для американцев, не знавших русского языка. Я печатала на моей старой механической машинке слова под ноты на двух языках и делала перевод на английский язык выбранных мною гимнов из нашего церковного песенника. Эти гимны я давала профессиональному органисту Шей Торренту, который сам решил нам помогать в этом нужном деле. (В Санта-Барбаре не было тогда никаких славянских церквей.) Шей был не только органист и аккомпаниатор всего, что мы пели (я тоже пела в женском и общем хоре), но он был и нашим аранжировщиком партитуры, и виртуозным оформителем каждой песни с помощью инструментальных прелюдий, интерлюдий и постлюдий. Я только тихонько пела ему наши песни, чтобы передать ему темп и славянское чувство, и он вытворял такое, что никто никогда не мог бы повторить. Это был американец с русской душой! (Во время написания этой повести Шей был еще жив. Я не теряю с ним связи и иногда бываю гостем в его телевизионной программе.)

Хористы повторяли каждое слово за мной. Некоторые звуки и их сочетания были трудными для них, и я искала аналогичные английские, чтобы помочь им лучше усвоить

язык и произношение. Некоторые предпочли изучить русский алфавит. Труд был колоссальным, репетиции были каждую неделю на протяжении четырех лет, но все наши усилия в конечном счете оправдалось, так как это пение значительно обогатило наши радиопрограммы.

Инструментальную музыку для «мостов» при записи поэзии и для вступлений и концовок программ нам давали члены музыкального факультета колледжа «Westmont» и симфонического оркестра Санта-Барбары. Это была живая инструментальная музыка. Мы никогда не пользовались фонограммами.

Некоторую помощь оказал молодежный хор церкви «Вифания» в Лос-Анджелесе под управлением Лени Вознюка. Он состоял из родившихся уже в Америке детей иммигрантов, которые тоже уже пели с акцентом. Мои старшие дочери, моя сестра Катя и подруга Галя Олиарник тоже одно время пели в нашем женском и смешанном хорах. Регентом мужского и смешанного хоров был мой бывший сотрудник по «России для Христа» Джим Булл. Его жена Карен, прекрасная солистка, руководила женским хором.

Мы выступали в разных русских и американских церквях, чтобы собрать средства на профессиональные записи на студии в Голливуде. На наших выступлениях мы свидетельствовали о Христе, говорили, для чего мы создали хор, и люди охотно откликались на наши просьбы о финансовой помощи. Хор публике представляла обычно я, а потом уже становилась на свое место в хоре и пела с ним.

Когда нам нужно было ехать куда-нибудь далеко, Шей Торрент загружал свой орган в огромный «кампер», брал сколько было возможно пассажиров, а остальные выстраивались за ним караваном машин и ехали то в Лос-Анджелес, то в Брайт, то на студию в Голливуде для записи или еще куда-нибудь. Господь чудесно благословил этот труд и всех бескорыстных, добровольных участников этого дела. Я с удовлетворением вспоминаю свой вклад в дело радиовещания на Россию, а когда открылись двери для переписки с родиной, тысячи писем подтвердили, что нас слушали, что весь этот труд не был тщетным.

*Киев. «Свет на Востоке». Авторский вечер, 1995 г.
Слева направо: Цорн, Абрамов, я, Савченко, Водневский*

С мужем. 60-е годы

Дома за переводами

В радиостудии «Reach International». 70-е годы

*С Водневским.
Германия*

*Я — «Тетя Таня». Выступление
в «Westmont College» перед студентами*

ПОЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ

«Вот, во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели, бросил все грехи мои за хребет Свой» (Ис. 38:17). «И Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде» (Ин. 16:8).

Может, редко всплывает из памяти то,
Что сидит глубоко, занесенное жизнью,
Потому что мне стыдно дать мыслям простор
И послать их туда, где когда-то жил «изверг»*,
Ослепленный безбожьем, с хулой на устах,
И внутри с необъятной глухой пустотою,
Весь закованный в цепи, поверженный в страх,
И обвитый вокруг паутиной густою.
Мне б хотелось не помнить о жизни о той,
И о том, что когда-то в ней царствовал «изверг»*,
Но забыть не дает того Дух мне Святой,
Льет Свой свет, преломленный в Божественной призме.
И в том свете сияет одежда моя,
И себя в небесах я посаженной вижу.
И от счастья такого сама не своя,
Вспоминая грехи, их сильней ненавижу.
Дух Святой меня поднял из бездны тогда,
Приведя к покаянью, хранил от паденья,
Что грозило на каждом шагу иногда,
Чтоб похитить глубокую радость спасенья.
Он напомнил о правде, грехе и суде,
И сошел на меня, словно ласковый ветер,
Но упорно забыть не дает о беде,
Той, в которой жила я когда-то на свете.
Пусть же чаще всплывает из памяти то,
Что сидит глубоко, занесенное жизнью.
Пусть почаще приходит ко мне Дух Святой,
Чтоб напомнить о рве, из которого вызвал.

Апрель 1994 г.

* Дух неверия и бунта против Бога.

МОЕ УЧАСТИЕ В МИССИИ «ВЕФИЛЬ»

Когда в самом начале восьмидесятых годов студию «Reach International» решили перевести в Денвер, где жил ее основатель Павел Семенчук, ни я, ни мои сотрудники не пожелали переезжать туда с ним. Переехал только его сын, который рано женился и нуждался в работе. Все остальные жили в Санта-Барбаре, любили ее и начали искать себе какое-нибудь другое занятие.

Мне было легче всех, так как я уже давно занималась переводами и была завалена заказами. Мой муж устроил мне рабочую комнату у нас в доме после выдачи замуж нашей младшей дочери Ирины. Мои словари, комментарии и энциклопедии были размещены на книжных полках вместе с другими книгами. Полки с книгами у нас стоят во всех комнатах. Мы любим читать!

Люди, которым я тогда делала переводы, вызвали меня в Сиэтл (штат Вашингтон), чтобы преподавать мне курс пользования компьютером, и по окончании курса отправили домой уже с компьютером. Это была ранняя модель с большими мягкими дисками и примитивным принтером, по нынешним понятиям «динозавр» (20 лет назад!), но это было гораздо лучше даже электрической пишущей машинки, которой я пользовалась последнее время.

Джим Булл, регент нашего радиохора и сотрудник с 1970 года, который наловчился очищать и монтировать программы и очень любил свою работу, поступил в полицейскую академию и со временем стал помощником шерифа в Санта-Марии, городке, находящемся в 50 милях на север от нас. Они купили там себе дом и воспитывали в нем троих детей. Карен забросила музыку (кроме пения в церкви) и возглавила их семейный бизнес по чистке ковров. Это было полной переквалификацией. Мы навещали их иногда там, и сегодня, во время написания этой повести, они уже женили своих сыновей, выдали замуж дочь и готовятся к отставке в новом большом доме.

Алексей Николаевич Михайлеченко, приехавший из Монте-Карло в Миссию «Россия для Христа», перевелся в

студию «Reach International» с нами и руководил нашей работой там. Он знал Павла Семенчука по Трансмировому радио, где они проработали вместе несколько лет, и был приглашен им возглавлять его студию в Санта-Барбаре. Вот он-то и остался без дела.

К этому времени маме перевалило за 80 и ей было трудно управлять Миссией ее отца одной с помощью тети Муры, которая жила около Лос-Анджелеса и приезжала, чтобы помочь сделать записи для радио или выпустить и разослать журнал Миссии «Свидетель Вефиля».

В конторе Миссии помогали поочередно разные знакомые и подруги наших детей, да и время от времени и сами наши дети. Оставшийся «на мели» Алексей Николаевич был как бы создан для этой работы. У него был опыт работы в конторе, так как живя в Аргентине лет десять, он работал там в международном банке, а опыт Трансмирового радио и студии «Reach International» делал его более чем пригодным для продолжения радиопередач в Миссии «Вефиль». Он стал администратором конторы Миссии и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Из-за не сложившейся личной жизни он жил один, и работа в Миссии заполняла и вполне удовлетворяла его одинокую жизнь.

Еще во время работы в «Reach International» Алексей Николаевич помог мне закончить запись программы «Христианка», прекрасно смонтировав и оформив ее музыкально. Эта программа пользуется спросом по сей день, и я передала ее выпуск своему издателю в Германии, Андрею Патцу в его «Titel Verlag». Думаю, что она будет служить женщинам и после моего отбытия в Небесные Обитатели.

Меня мама пригласила служить в директорате Миссии. Вскоре после принятия меня в состав этого совета послала меня в Израиль навести порядки в молодежной гостинице «Вефиль» в Хайфе, куда проникли харизматы, что шло вразрез с уставом и богословием нашей Миссии. В Эйлате, где Миссия приобрела тоже небольшую молодежную гостиницу «Убежище», я должна была найти для нее нового администратора.

Израиль

*С дочерью Ниной
и миссионерами на
границе с Египтом
в Ейлате*

*В Кесарии.
Нина и я*

У стены плача

Израиль

С Джоном Пексом на Синае, 1985 г.

В Акко

Не знаю откуда у бесхребетной меня нашлись силы и умение сделать и то и другое. Невидимые руки моего дивного Спасителя опять «вели, несли, держали...» и поворачивали мое служение после тридцати с лишним лет служения исключительно славянскому народу в сторону Израиля.

Я не была знакома с этой специфической миссионерской работой, но по возвращении из Израиля принялась за исследование архива Миссии и даже загорелась желанием написать биографию моего, теперь уже покойного, деда.

Когда маме стало не под силу делать самой радиозаписи, я начала это служение, на этот раз уже на английском языке. Я помогала с изданием журнала и совершила несколько поездок по Америке от имени Миссии, как когда-то делали мама и дед Леон Розенберг.

Мама умерла в 1985 году. Она пережила папу на 11 лет. Я досмотрела ее. Мои сестры все тогда жили далеко, а я жила в двух кварталах от ее дома. Она хотела до конца оставаться в своем доме, и я помогала ей, работая на два дома, с приборкой, стиркой, купанием, поездками на приеме к врачам и за покупками... Я ходила с ней гулять, кормила ужином и провожала домой, но не могла остановить процесс ее угасания. У нее было несколько небольших инсультов мозга, которые каждый раз отнимали часть ее сил и способностей. Я не могла оставлять ее больше одну и взяла ее к себе, но и тут инсульты продолжались... Последний был во время завтрака у нас на кухне. Я вызвала (в который раз!) «скорую», но мама уже не приходила в себя, и через три недели мы проводили ее в вечные обители. Все эти три недели мои сестры, я, наши дети и внуки, моя верная подруга Галя с ее детьми круглосуточно по очереди сидели у маминой постели, молились и пели в надежде, что она нас слышит. Увы, она не приходила в сознание.

Как и при кончине отца, мы все были при ней в ее последний момент. Мы окружили мамину кровать кольцом, взявшись за руки в молитве, и проводили ее «домой». Заботу о маме я совмещала с моей работой и заботой о моем

муже и доме, переводами и помощью в Миссии «Вефиль». Как милостив Господь! Поручая нам что-нибудь, Он обязательно дает и силу исполнить Его задание с благодарностью и для Его славы!

В 1994 году после всего двухмесячной болезни умер наш Алексей Николаевич, и его кресло опустело. Еще во время его короткой болезни один из наших членов директората и я принялись за сортировку незаконченной работы: в первую очередь расписки и банковские вклады, затем радиопрограммы и кассеты, затем все остальное. Чувствуя свой долг перед моими бабушкой и дедушкой, а также и перед мамой, которая втянула меня в свою работу, я села в кресло покойного администратора и сижу в нем по сей день, исполняя (бесплатно!) работу, к которой меня никто не готовил. Невидимые Божьи руки держат меня и здесь!

Для тех, кто полагает, что я директор Миссии моего деда или что две молодежные гостиницы в Израиле — моя личная собственность, я повторяю, что **Я НЕ ДИРЕКТОР МИССИИ и ДОМА В ИЗРАИЛЕ — НЕ МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ!**

Я по-прежнему даю свой голос для программ Миссии, состою в директорате, руковожу работой в главной конторе, веду обширную переписку, поддерживаю связь с работниками в Израиле. В конторе имею одну помощницу, говорящую по-русски и по-английски. В нашей работе это необходимо. Восемь раз была по делам Миссии в Израиле. Мечтаю об отставке и даже заявила об этом правлению и директору Миссии, пастору Джиму Стретчберри. Он пытается освободиться от своих обязанностей в самой большой церкви в Санта-Барбаре, чтобы полностью посвятить себя нашей Миссии. Он, будучи евреем-христианином и любящим Израиль, уже три раза ездил туда вместо меня. Но наши работники там так привыкли ко мне, что все еще мечтают о моем очередном посещении и об отставке не хотят ничего слышать. У нас полное доверие и бескорыстная любовь друг к другу!

Wednesday

Dear One:

In a very special way, the Presence of the Lord was here as I read the Bethel Witness which came to-day. It is very precious and the news it brought is an answer to prayer twice over.

I have prayed the Lord would raise up someone who would take a real and vital interest in the work, ^{which meant so much to} Dr. Rosenberg and which seemed to "crown" his life. That it would be Mrs. Kuschnir - would be the "gem" in that crown. Secondly, the enclosure is what I needed for the Sunday School opening exercises on the 30th.

How good the Lord is!!

If you have 2 copies of "The Essence of Christianity" - may I have them. In our Blessed Saviour

Laurence Voeltz

Дорогие, читая полученный мною сегодня от вас номер журнала миссии «Свидетель Вефиля», я ощутила особым образом присутствие Божие. Журнал содержит весьма драгоценную для меня новость, которая стала двойным ответом на мои многолетние молитвы.

Я молилась о том, чтобы Господь поставил кого-нибудь, кто проявил бы незаурядный, реальный и жизненный интерес к той работе, которая так много значила для д-ра Леона Розенберга и его супруги Фанни, и как бы «короновала» его жизнь. То, что этим человеком стала внучка д-ра Розенберга Вера Кушнир, будет драгоценным камнем в этой короне.

Эта новость легла в основу моего следующего урока воскресной школы при нашей церкви, где я преподаю.

Как благ Господь!

В нашем благословенном Спасителе,
*Лаурин Волкер**

* Лаурин Волкер была личным секретарем моего деда с 1945 по 1967 год, когда он ушел к Господу в вечные обители. Это письмо она прислала нам в Миссию в начале 80-х годов, когда я вступила в правление миссии.

Свои впечатления об Израиле я описала в нескольких моих стихах, но основная информация содержится в биографии моего деда, которую я, в конце концов, все же написала на двух языках, потратив на это два полных года!

Самой замечательной встречей в Израиле для меня была встреча с женой Владимира Филимоновича Марцинковского, Нелей, которая рассказала мне многое о их жизни в Палестине, а потом — в новорожденном Израиле. Она также подарила мне свою книгу о ее жизни с Владимиром Марцинковским на немецком языке и с любовью подписала ее. Они знали моего деда и переписывались с моими родителями, так что она была рада повидаться со мной. Я познакомилась с ней уже в ее старости и в мое третье посещение Израиля уже не застала ее в живых.

При каждом моем посещении Хайфы я общалась в церкви Нели и Владимира Филимоновича, «Вифезде», где по сей день есть люди, которые еще помнят моего деда и то время, когда «Вефиль» был домом для сирот и школой для детей евреев-христиан. Некоторые учились там и пришли к Господу. Мой дед поощрял всех учащихся в его школе стать миссионерами для своей страны. Некоторые стали, но многие избрали для себя иные пути...

Мое участие в Миссии деда обогатило духовно мою жизнь, расширив диапазон моего служения Господу. И я считаю эту возможность послужить Ему особенной привилегией, за которую всегда буду Ему благодарна.

СЫЗНОВА БЫ ЖИТЬ!

Рассказ

На всю жизнь запомнились мне слова мужика в рассказе Чехова «Горе»: «Сызнова бы жить...» Он везет к доктору Пал Пальчу умирающую старуху и вдруг видит, что снег на ее лице не тает...

Перед его взором проходит вся его загубленная, пропитая, прогулянная жизнь. Он понимает, что это он сам, собственноручно загнал старуху в могилу, и ему

хочется все исправить, изменить, но теперь слишком поздно... поздно...

«Сызнова бы жить...» — несколько раз повторяет он.

Но сызнova жить невозможно. Это сознавал он, это хорошо известно нам. И все же мы не дорожим данными нам отрывком времени.

Жизнь, даже если она длится сто лет, коротка и неповторима, значит, ее нужно прожить мудро и правильно.

Если бы мы постоянно помнили о своей кратковременности, мы бы больше любили друг друга, больше бы трудились для Бога и больше бы заботились о приобретении доброй славы, живя всю жизнь для славы Бога.

Более всего мы согрешаем дома. Как часто добрый, приветливый, почти святой на людях человек дома в своей семье оказывается злым, раздражительным, тираном, третирующим жену, командующим, как фельдмаршал, детьми. Ближние не столько уважают и любят его, сколько боятся. Дома каждый из нас становится самим собой, поэтому — кто свят дома, тот истинно свят.

В моей душе укоренилось сознание неповторимости времени. Ни один час, ни один день нельзя будет снова пережить!

Я это вспоминаю каждый раз, когда мне хочется наговорить обидных слов близкому мне человеку. Прежде чем вспыхнуть, как соломенная крыша, я задаю себе вопрос: «Зачем этот гнев? Кому принесет он пользу?»

Слов не вернешь, и если они злы, они могут обозлить близкого мне человека, испортятся отношения, быть может, навсегда, а ведь жизнь так коротка.

Внезапно может прекратиться моя или его жизнь, и тогда одному из нас будет больно, горько и обидно, но изменить ничего уже невозможно, нельзя будет сызнova жить. Я много раз прогоняла таким образом гнев и никогда еще не жалела об этом.

Если мы помним о быстротечности наших дней, мы используем их мудрее, полезнее в труде, достойном человека.

Если отнять от нашей жизни годы младенчества, детства и бурной неутрусившейся юности и к тому же еще отнять время, затраченное на заботу о теле, о питании, на сон и передвижение с места на место, времени останется слишком мало для того, чтобы его «убивать» легкомысленно.

У верующего человека слишком много дел. На него Бог возлагает заботу о погибающем мире, о бедных, больных, заключенных в темницы. От верующего человека Бог потребует отчета в день Суда, и горе тому, кто промотал, прожег свою жизнь напрасно! Смерть такому человеку всегда покажется неожиданной.

Ему казалось, что она где-то за горами, а она оказалась вот здесь, под ногами. Неожиданно жизнь уходит из-под ног, как теряет опору человек, приговоренный к повешению, и в голове мелькает отчаянная, бессильная мысль: «Сызнова жить...» Но слишком поздно будет думать тогда о труде, об упущенном времени, о потерянной возможности служения Тому, Кто даровал нам жизнь вечную.

Если бы мы помнили о том, как мы краткосрочны, как быстро истечет наш жизненный срок на земле, мы бы заботились о том, чтобы не оставить о себе дурной славы.

Если мы страдали, неся поношения и насмешки, как христиане, блаженны мы! Но если нас поносили за то, что мы двоедушны, нечестны, нежертвенны, раздражительны, обидчивы, злоязычны или не верны супругам, горе нам!

Такую славу невозможно стереть одной жизнью, а двух не будет. Неожиданно придет конец, и нам так захочется все исправить, всем доказать, что мы не такие, что мы лучше, но времени уже не будет...

Время иссякло, ушло навсегда, а в душе останется боль и разочарование в себе и заглушающее все, другое бесполезное желание: «Сызнова бы жить...»

МОЙ ОСОБЫЙ ДАР

Наша дочь Нина настояла на том, чтобы я написала что-нибудь о моем поэтическом даре, о том, как он возник и развивался. Мне трудно «трубить» о себе, потому что наше воспитание включало понятие, что говорить о себе неприлично и нескромно. Придется нарушить это правило, поскольку моя жизнь подходит к концу и пора сказать что-то об этой части моей жизни, иначе мои дети услышат о ней только после моей смерти и не поймут возможной «шумихи» вокруг именно этого моего дара. Ведь для них я была просто «мама», которая что-то там пишет и переводит...

Начну с того, что мой поэтический дар не случаен. Я уже писала ранее, что моя мама рано привила мне любовь к литературе вообще и к поэзии в частности. Мама была филолог и историк с обширным знанием языков и отечественной и мировой литературы, а я была хилым, болезненным ребенком и в дошкольном возрасте проводила много времени с ней.

Она читала мне вслух, декламировала наизусть стихи и поэмы, а я впитывала все это и вскоре могла повторять тоже наизусть все, чему меня научила моя мама. Ритмичная музыкальность поэзии стала частью моей жизни очень рано. В школе я была, пожалуй, единственной в классе, способной читать наизусть исторические поэмы перед учителями и учениками, а иногда и перед всей школой на специальных праздниках. В классе по истории, когда мы изучали жизнь и царствование Ивана Грозного, я читала наизусть поэму Алексея Толстого «Василий Шибанов». На уроках по изучению истории Польши читала поэму «Казимир Великий» Я. П. Полонского, а когда отмечался юбилей кончины А. С. Пушкина, читала стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта», хотя мне было всего 10 лет!

Знание поэзии и любовь к ней не делает всех поэтами. Моя мама, например, никогда не писала стихов, хотя мастерски переводила стихи и песни с других языков на русский или с русского на другие языки. А тетя Катя Романова наоборот писала прекрасные стихи, но стеснялась их по-

казывать кому-нибудь, кроме моей мамы. Недавно я выпустила самиздатом сборничек ее стихов для нашей семьи. Мы с дочерью дяди Алеши, брата тети Кати Р, Талей, которая приезжала ко мне несколько раз из Москвы, с трудом разобрав почерк тети Кати в ее тетрадочках, внесли в компьютер и напечатали малым тиражом большую часть написанных ею стихов. Некоторые я записала на пленку и внесла в свой сувенирный альбом из шести аудиокассет.

Когда я вступила в Голливудскую Церковь (Славянский Очаг Благовестия), у меня было сильное желание участвовать в программе собраний, как это делала мама. Поэзия всегда была неотъемлемой частью всех церковных программ. Я перерыла все, что было у мамы и в разных сборниках стихов, но мало что отвечало моим мыслям и чувствам на сто процентов.

Когда я бывала дома одна, у меня начинали зарождаться собственные темы и рифмы. А так как я когда-то писала слабенькие стишки (еще до моего уверования), мысли в рифму были у меня привычными. Постепенно они начали выливаться в законченные стихотворения, которые я могла бы даже читать и в собрании, но все еще не решалась.

Показав родителям свои жалкие начинания в духовной поэзии, я вызвала в них типичный для всех родителей восторг: «Верочка! Да ведь это великолепно! — кричал от радости папа. — Ты должна прочитать это в собрании!» Понимая, что он преувеличивает мои таланты, я все еще не решалась «вылезать» с ними наперед в церкви. Я знала, что мои стихи слабы и несовершенны.

Православный друг папы, Виктор Федорович Иванов, который чуть ли не каждый день бывал в доме моих родителей и сам неплохо писал стихи, указал мне на некоторые слабые места в моих «прекрасных, великолепных» стихах. Это и нарушение размера, и неточности рифм. Я не обиделась, а наоборот, приняла во внимание его замечания и воспользовалась ими на следующих стихах.

К середине шестидесятых годов я написала довольно много стихотворений и, подталкиваемая папой, читала

многие из них на наших церковных собраниях. Когда у нас в церкви уверовал и стал другом нашей семьи Родион Михайлович Березов, я обрела маститого критика и наставника. Мои стихи заметно улучшились и были одобрены не только моим учителем, но и публикой, с которой он познакомил меня на своих вечерах.

Одним из советов Родиона Михайловича было не выжимать из себя стихи, а писать только по вдохновению свыше. Христианский поэт получает вдохновение и мысли от Бога, а технические знания — из учебников по теории поэзии или от серьезных наставников.

Павел Иосифович Рогозин тоже поощрял меня писать и помещал мои жалкие поэтические попытки в сфере христианской поэзии в своем журнале «Христианин» и с одобрительными отзывами о них в своем информационном листке.

Моими современниками в среде зарубежных поэтов в то время были (кроме Березова) Николай Водневский и Владимир Кузьменков. Мы не конкурировали друг с другом, а дружно служили братству своим даром. Когда 35 лет назад начался регулярный выпуск христианской газеты «Наши Дни», я стала постоянной участницей этой газеты. Таковой остаюсь и по сей день. Мое участие в радиовещании со многих радиостанций тоже поспособствовало распространению моих стихов. Я читала их в своих программах, и у моих слушателей создалось впечатление, что я ТОЛЬКО поэт, хотя я была еще и многим другим...

ОСЕНЬ

Тихо, печально уснули поля,
Кутаясь дымкой туманной.
И наклонились вдали тополя,
Словно в мольбе неустанной.
То ли прощаются с летом они,
То ль о зиме рассуждают.
Иль вспоминают прошедшие дни,
Иль безутешно рыдают.

Песнь заунывную ветер поет,
Плачет, смеется и стонет.
С дерева лист он последний сорвет,
И без оглядки угонит.
 Как озорник, постучится в окно,
 Ставней надломленной, старой.
 Грусть нагоняет, ему все равно,
 Свищет в волшебном угаре.
Царственной поступью осень идет,
Золотом светятся ризы.
Нить-паутину выводит, прядет,
Листьями стелет карнизы.
 Шелковым платьем ревниво шуршит,
 Медью рассыпала косы.
 Хочет она себе саван пошить,
 Чтоб нарядиться в морозы.

В. Кузьменков

ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Падают листья, как в осени прежние падали,
Новые листья появятся только весной,
Пложут сомнения: «Стоит ли? Нужно ли? Надо ли?
Что будет завтра иль даже сегодня со мной?»

Падают листья — янтарно-багровые, красные,
Как неизбежность, осенний сплошной листопад.
Скоро нагрянут, как войско, дни хмуро-ненастные,
Каждый безвременью этому будет не рад.

Падают листья, и дни моих лет осыпаются...
Что впереди? Только осень, трескучий мороз.
Плачет душа. За нее херувимы вступаются
И отирают крылами потоки из слез.

Родион Березов

СЕСТРЕ ВЕРЕ КУШНИР

Достойным лишь способности даны
Все воспевать — и ясный день, и серый.
Друзья, уверен: вы удивлены
Талантливостью и усердием Веры.

Таких работниц на путях земных
Ничтожно мало, это — наши клады.
И перевод, и каждый звучный стих
Заслуживают искренней награды.

Как успевают труд такой свершать
Любимая всем нашим русским братством?
Она — хозяйка и жена, и мать,
И бабушка — и это, как богатство.

Ее труды — не жалкий плеск волны,
Все созданное ею очень прочно.
Ее на съезде чествовать должны,
А не приедет — похвалить заочно!

Все трудятся по мере слабых сил,
Но Верин труд — непостижим, прекрасен,
Ее Господь талантом оросил,
В руке Христа путь Веры безопасен.

Энергия такая от Творца!
Но скромность нашей Веры безгранична.
Трепещут благодарностью сердца,
Отметку ставят — только пять — отлично!

Отличница, любимая сестра,
Вы вывели всех деток на дорогу.
Мы не кричим сейчас в честь Вас — ура,
Но, помня Вас, хвалу возносим Богу!

Родион Березов, 10.05.1976

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Голая осина под окном.
Прошлогодних листиков десяток
Задержались в память о былом —
Прелести и юности остаток.
 Но и их, наверное, на днях
 Ветер оборвет бесцеремонно.
 Так вот мы на жизненных путях
 Растеряем все непринужденно.
Просто годы будут отнимать
Постепенно молодость и силу.
Но в душе спасенья благодать
Годы, старость не сведут в могилу.

Со середины шестидесятых годов мои стихи начали печататься не только в газете «Наши Дни» и журнале Рогозина «Христианин», но с помощью моего папы — также и в виде сборников: «Земля и Небо», «У Его ног», «Неисчерпаемый Источник», «Строчки на белом листе» и «Стихи, как стихи».

Недавно все это было собрано в два тома почти полного собрания поэтических сочинений моим новым издателем Андреем Патцем в его издательстве «Titel Verlag» в Германии. Я помогла ему распространить сборник, приехав в Германию и посетив с ним несколько поместных русскоязычных церквей.

Падение «железного занавеса» обнаружило широкий круг слушателей и ценителей моего творчества. Тысячи писем наполнили мой почтовый ящик, а с прибытием новой эмиграции началось и своеобразное паломничество к нашему дому с фотоаппаратами и видеокамерами. Наш дом стал «стеклянным». «Легенда», которую считали уже умершей, оказалась живой...

Очень многое из написанного мной было переложено на музыку без всякого вмешательства с моей стороны. И когда я бываю на специальных собраниях, посвященных моему служению и поэзии, я обнаруживаю все новые и новые композиции на стихи, которые мне казались вообще не поддающимися переложению на музыку.

Я продолжаю писать стихи и прозу и постоянно делаю переводы для газеты «Наши Дни». Год написания этой повести (2002) был очень трудным для нашей семьи и меня лично. В феврале я перенесла серьезную операцию, а потом шесть месяцев химиотерапии, от которой только в сентябре этого года начала отходить и буду продолжать отходить до конца года.

Приближение конца моей жизни побудило наших детей заставить меня написать историю своей жизни. Несмотря на болезнь, я все время продолжала работать в Миссии, ходить на прогулки, заботиться о муже и доме и писать свою повесть на двух языках: английском — для детей и русском — для моих читателей и почитателей.

Мой муж и я побывали на своей родине и врозь, и вместе. Не надеясь когда-либо возвратиться, мы смогли хотя бы посетить свои родные края.

Мы также побывали в Германии, моей духовной родине, где в 1996 году отметили пятидесятилетие нашей совместной жизни, обойдя знакомые места и поросшие травой могилки наших первых двух девочек. Поэма «Полвека» сжато описывает наши 50 лет вместе. Она есть в моем двухтомнике.

Моя биографическая повесть названа «Невидимые руки» по давно написанному мною стихотворению, которое тоже было переложено на музыку. Мне хотелось, чтобы читатели этой повести проследили работу и заботу Божьих невидимых рук в жизни нашей семьи до моего замужества и после и отдали честь и славу не автору этой повести, а Автору нашей жизни и Источнику всех наших благословений, Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу.

«Могущему же соблюсти вас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости, единому премудрому Богу, Спасителю нашему чрез Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть, прежде всех веков, ныне и во все веки. Аминь».

(Иуды 1:24,25)